

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Възальновой биржи
Въ утѣхъ, вѣселии и странѣ

Анонсъ. состоится одинъ концертъ

Концертъ Маріи Ивановны Долиной

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 4 (63)

Сентябрь. 2006 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Вечные спутники

День рождения Одессы — не только для нынешнего поколения одесситов, но и для тех, кто жил здесь до нас, и, надеюсь, для будущих поколений — это возможность прикоснуться к истории и культуре, осознать, как много дал город каждому из нас и всему миру.

Потому что Одесса — это и де Рибас и дюк де Ришелье, это Георгий Гамов и Илья Мечников, это Александр Пушкин и Исаак Бабель, это Леонид Утесов и Сергей Уточкин, это оперный театр и гигантская лестница... Спутники Одессы, ставшие ее сутью, смыслом, ее легендой и надеждой.

Всегда ли мы замечаем маленькие перемены в нашем городе? Скульптор Александр Князик создал новую мемориальную доску на доме, где жил Исаак Бабель — вместо старой, потрескавшейся, с ошибками, установленной на соседнем доме. В этом году исполняется 66 лет со дня трагической гибели писателя. Но Бабель жил, живет, будет жить в ауре нашего города, он, переведенный на десятки языков мира, делает Одессу городом мировой литературы. А впрочем, только ли он? И Жаботинский, и Олеша, и Ильф, и Петров, и Катаев учат человечество мудрости Одессы и одесситов, знакомят с одесским характером и языком.

Всегда ли мы находим в себе душевные силы, энергию, чтобы стоять на защите родного города? Кто, где и когда обсуждал безликие фонтаны, возникшие на месте последней "бельгийской стоянки" на Греческой площади? А что происходит в Городском саду? Кто и по каким чертежам будет возводить ротонду, ковать решетки ограды? Разве это не должно заботить нас, одесситов?

Можно и нужно переносить отжившие свое памятники. Но гостиницу "Одесса" на морвокзале не скоро перенесут, как и центр "Европа" на Дерибасовской... И не можем мы сказать, что не заметили, как они возникли.

Нет, все эти новоделы не станут вечными спутниками Одессы. Думаю, ироническая улыбка Бабеля сквозь годы относится сегодня к нам. А может быть, нужно вспомнить крылатые слова Михаила Жванецкого: "Тщательнее, ребята!". И именно за это выпить в день рождения Одессы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Желаю Вам доброго здоровья, ста-
бильности и удачи во всем! Псылаю
свое стихотворение. Есть желание на-
писать на него музыку Если песня полу-
чится — обязательно пришло.

С уважением,

Всеволод Верник
Нью-Йорк
seva37@mail.ru

Я прилечу!

Мой лайнер

приземлится утром зыбким,
Вот, наконец, я прилечу домой!

И двери распахнет

таксист с улыбкой:

— С приездом!

Где мы едем, дорогой?!

С застывшей на губах

улыбкой грустной

В Аркадию отправлюсь,

будто в рай,

С Пантелеймоновской на мой

бульвар Французский

Свернет, как прежде,
старенький трамвай.

Легко отдам за шепот ласковой волны
Всю прелесть Ниагарских водопадов,
Все пляжи мира, что красот полны
Мне не заменят старую Отраду!..

Мне часто снятся

Молдаванка и Тересынь,

Одесской летней ночи благодать, —

Мне не заменит

Брайтон-бич Одессы,

Как мачеха вам не заменит мать!..

И только в снах —

невидимый, безликий —

У Дуны я брожу между колонн, —

Кричит моя душа

безмолвным криком,

Как сдавленный змеей Лаокоон!..

Я помню все закаты и рассветы,

Глаза друзей, которых провожал,

И нету на вопрос в душе ответа:

Зачем я из Одессы уезжал?!

От всего сердца благодарю А. Дильфана за статью о Валентине Хруще.
Мне довелось знать Хруща совсем немного. Однако этого хватило, чтобы
быть покоренной его творчеством и глубиной его души. Наше сообщество:
Александр Лисовский, Юрий Плисс, Евгений Стоев, Виктор Ратунский,
Евгений Лукашов, Виктор Павлов глубоко скорбят по нем.

Память о таком Великом человеке и художнике будет жить всегда.

Елена Гертнер
Gertnerlena@ukr.net

Два года назад я была в Одессе
(это просто сказка!) и купила на
Дерибасовской Большой полуПолко-
вый словарь одесского языка Валерия
Смирнова. Прочитала залпом вдоль
и поперек, а когда приехала в Моск-
ву и дала почитать друзьям — поня-
ла, какую сделала ошибку. Надо бы-
ло купить как минимум пять, а то и
десять экземпляров. Теперь со вре-
менем очередь из ноющих, просящих,
умоляющих дать почитать, скопи-
ровать на принтере, плоттере и

переписать вручную возросло.

В мае я снова была в Одессе,
но книжку не нашла ни в одном
магазине! Подскажите, пожа-
луйста, где ее можно заказать.
Я не могу больше отбиваться от
приставаний друзей и знако-
мых... Помогите.

Как говорят, моя благодар-
ность не будет знать никаких ра-
зличных пределов.

С уважением,

Надежда
n_minakova@mail.ru

С некоторых пор я очень заинтересовался
своей настоящей фамилией — Скроцкий. Дело
в том, что мой отец совсем не много знает о
своем родном деду, который и носил эту фа-
милию. Все, что известно, — то, что этот
человек имел несколько братьев, которые, в
свою очередь, были как-то связаны с сахарны-
ми заводами на Юге Украины. Моего деду с
детства на Украине воспитывал отчим с фа-
милей Исаенко, которую ношу и я сейчас.

Я родился и живу в Анапе, учился ювелирно-
му делу у отца, окончил художественную шко-
лу, с 16-ти лет занимаюсь ювелирным дизай-
ном, сейчас работаю в Московской ювелирной

фирме. С моих работ открыли новую
рубрику в журнале "A World Of Dreams",
это французское ювелирное издание.

В ближайшем будущем надеюсь привлечь
инвесторов к созданию бренда, производя-
щего по-настоящему ювелирное искусство, а
не леденцы, как прочие, поэтому мне хочется
работать именно под своей настоящей фами-
лией. И потому, я думаю, это будет честно по
отношению к моим предкам.

Я буду очень признателен, если вы сможете
мне чем-то помочь.

Владимир Исаенко
jeweller_2007@mail.ru

Дорогие одесситы, мир вам и
всего самого доброго!

Пожалуйста, возможно, кто-то сможет дать
информацию о том, где в каких архивах Одессы можно
найти подтверждение о рождении... 1888 года. Возможно,
кому-то как-то знакомо имя Кристиан Эммерих, 22 янва-
ря 1888 г. рождения в Одессе.

Пожалуйста, спросите своих знакомых, друзей. Кто мо-
жет помочь — отзовитесь!!

С уважением,

Элизабет Мэри Палмер
palmer@mail.kamchatka.ru

Компания "Интернет-фильм" разыскивает наследницу
авторских прав Григория Колтунова Елену для приобретения
прав на сценарий фильма "Сорок первый".

Мы обращались в Российское авторское общество и в Укра-
инское авторское общество, но никаких сведений о наследни-
ках там не нашли.

С уважением,

Матвеева Ольга
kateruno@mail.ru
(495) 398-35-96

Сейчас у меня на руках
сценарий легендарного Юнг-
вальд-Хилькевича, "папы"
мушкетеров, — завершение
истории легендарной чет-
верки под названием "Со-
кровища кардинала Мазар-
ини". К нему — смета.

Проект зависает, поскольку
затянулся поиск инвестора.
Интересуясь этим вопро-
сом, я узнала, что даже
Феллини не удалось снять
свой последний шедевр по та-
кой прозаической причине,
как отсутствие денег. А вот
Ежи Таржану повезло больше
— он кинил клич по всей Поль-
ше и создал "Огнем и мечом"
на пришедшие на счет деньги.

Георгию Эмилевичу 71, он
в добром здравии, прожи-
вает в Москве. Напомню,
что все свои шедевры он снял
именно в Одессе, а это и
"Опасные гастроли" с Вы-
соцким, и "Ах, водевил, во-
девил", и "Узник замка
Иф", и, конечно же, "Ис-
кусство жить в Одессе".

С надеждой,

Оксана Чернышева,
редактор журнала
"Единственная"
Edipresse Ukraine LLC
tel. +38(044) 4907140
fax. +38(044) 4907141
e-mail: edipresse-info@edi-
presse.com.ua
www.edipresse.com.ua

Один из моих читателей,
одессит по рождению, ленин-
градец по прошлой жизни и
израильянин по нынешней,
просит узнать что-либо о ев-
рейском детском доме
в Одессе, существовавшем

в нашем городе с дореволюци-
онных времен вплоть до...?

Если кто что знает, отзо-
витесь, пожалуйста!

Белла Кердман
kerdman@zahav.net.il

Здравствуйте, уважаемые господа!

Ни разу у вас не был, но люблю ваш город
почти как свой и, конечно, давно хотел
побывать.

Не могли бы вы сообщить, с кем можно было
бы начать переговоры о выставке, или
просто о людях, которых бы это
заинтересовало. Думаю, для культурных
людей, людей искусства и офтальмологов
это было бы интересно.

С глубоким уважением,

Тарри Линн
Garri Linn

Nitzsche Str 5
53177 Bad Godesberg
Tel: +49-228/8579980
Web: www.irisationen.com
Mail: garri@linn-art.de
Exklusiv vertreten durch:
Galerie UNIKAT
Mainzer Stra. 87
53424 Rolandswerth
T+ F: +49-2228/ 80 61
Mobil: 0177/ 738 62 53
artunikat1@hotmail.com

Поздравляю всех выпускников
1981 года ОБАКОЛУ с 25-ле-
тием выпуска. Всех крепкого здо-
ровья, счастья, успехов во всем.
Всем крепко жму руку и обнимаю.
12 батарея, Ч взовод
Сокол (Мальков)
vershmal@reg.avtlig.ru

Разыскиваю выпускников-
судомехаников ОМУ ММФ
1991.

Вячеслав
slash71@inbox.ru

Талине Владимирской
Когда сижу на 35-м этаже
в своем нью-йоркском офисе с
видом на Тудзон и в рабочее вре-
мя разглядываешь Ваши по-
следние фотографии со Жва-
нецким на сайте клуба, то ду-
маешь, насколько вся наблю-
даемая из окна красота мерк-

нет перед Вашим обяза-
нием! Красавица и Ум-
ница! Так держать!

А. Б.
Морган Стэнли
Файнэншл Координейтор
Нью-Йорк
a@odessa.com

Создан форум для выпускников Одесского института связи
им. А.С. Попова <http://andrez.rbxlib.com.ua/ois/> Ищу всех выпускников
этого института. Заходите, ищите друг друга, общайтесь...
С уважением,

Неволин Владимир
grig@uaservice.com.ua
Kiev +38-050-970-20-12

Здравствуйте!

Я одессит, в настоящий мо-
мент учусь в Петербургском
университете. Хотелось бы уз-
нать, есть ли землячества

одесситов в Питере и как с ни-
ми связаться.

С уважением,

Денис Субботниковый
dennissub@rambler.ru

Более 40 лет я занимаюсь изуче-
нием жизни и творчества замеча-
тельного сатирика, фельетониста
Власа Дорошевича. Выпустил
книги о нем, подготовил его сборни-
ки, в т. ч. "Театральная крити-
ка Власа Дорошевича" (2004),
"Сахалин" в 2-х томах (выходит
в Южно-Сахалинске в этом году).
Прошу связать меня с одесскими

издателями, которым было бы ин-
тересно издать книгу Дорошевича
"Одесситы и одесситки" с моей
вступительной статьей, расска-
зывающей об одесском периоде жиз-
ни и творчества Дорошевича.

Семен Владимирович Букчин,
д-р филологич. наук
Минск
bukczyn@atomnet.pl

Ищу все, что связано с именем моего деду Исаака (Жака)
Ефимовича Малика, художника, члена Общества независи-
мых художников в г. Одессе в 10-20-х годах 20 века. Если у
кого-то есть его картины, мы готовы купить их. Если кар-
тины не продаются, мы очень просим сделать цветную фо-
тографию для семейного архива. Нас интересуют любые
сведения и упоминания о нем. Заранее благодарим всех,
кто откликнется на нашу просьбу.

Владимир Баденков
mxfart@yandex.ru

Телефон: 8 903 119 61 43; 542 48 71.

Александр ДОРОШЕНКО

Великая Екатерина

*"Богородица царевна
Киргиз-Кайсакия орды! ..." **Гаврила Державин. Фелица***

Екатерининская (Елисаветинская) площадь имеет камерные размеры. Площадь и одноименная улица названы во имя святой великомученицы Екатерины. Площадь эта треугольной, ограненной временем формы, она открыта всем ветрам и пронизана солнцем, и от ее граней лучами звезды отходят Екатерининская улица и короткие улочки, ведущие к Сабанееву мосту и Приморскому бульвару. С названиями этих улочек всегда была проблема. Узкая и кривая щель Воронцовского голого переулочка есть наследие всяких состоявшихся и не получившихся здесь перепланировок. Устраивалась эта площадь долго и трудно. Несколько раз она могла в перестройках исчезнуть вовсе. Ломаются на ней линия Екатерининской, а с постройкой Сабанеева моста засиял ее третий луч, переброшенный через балку Военного спуска.

В начале времен здесь естественным образом расположился скверик, — за прозрачной решеткой с ромбическими косыми ячейками росли деревья и подстриженные пуфиками кусты, а по периметру расставлены были высокие трехглавые фонари, пережившие здесь все последующие изменения. В центре скверика в тени ветвей и листьев была круглая прохладная чаша бассейна, и в ней плескался тройной высоты из трех чаш фонтан.

В мае 1900 года по проекту Б.В. Эдуардса здесь поставили памятник Великой Екатерине. Основательнице нашего Города, давшей ему имя и право на жизнь. Он был так же легок и строен, как сама эта площадь (поэтому его доминантой была вертикаль), и с четырех сторон постамента, у его граней, стали сподвижники Екатерины в строительстве Новороссийского края, двое русских — светлейший князь Григорий Потемкин и граф Платон Зубов, первые генерал-губернаторы южного края России, и два иностранца происхождением, отдавшие лучшие годы жизни и все силы души и ума своей новой родине — Франц Сент де Волан и Иосиф де Рибас, первооткрыватели Города. Каждый на своем месте, на собственном невысоком пьедестале, вокруг центрального барабана из розового гранита. Львиные морды с кольцами в оскаленных зубах охраняли памятник, и две изящные гранитные лестницы легкими дугами вели к основанию постамента.

Лицом памятник был обращен к Екатерининской улице, на пьедестале во весь рост стояла фигура государыни, в царской мантии, опирающаяся ногой турецкий флаг и держащая в правой руке указ об основании нашего Города, и с этой же стороны Григорий Потемкин, светлейший князь Таврический, генерал-фельдмаршал, новороссийский, азовский и астраханский генерал-губернатор, властелин полумира.

"Это был человек даровитый, но почти ни одно дарование его не могло быть применено к надлежащей цели по страшной жадности и честолюбию, питаемому неверностью положения"¹. С юности одна только мысль поглощала его — быть первым, играть главную роль. Он никогда и ни в чем не знал меры. Он властвовал над Югом России, над громадными территориями, властвовал, как монарх, и никакие европейские монархи такими пространствами и властью не обладали. А роскошью это уж точно. Людовик XIV был Францией — Григорий Потемкин был Новороссийским краем и Крымом. Он построил себе столицу на юге — Херсон. Все вокруг раболепствовало... и ненавидело. На вершине власти друзей не имел. Никогда и никому так не завидовали в России, и не было вельможи, которого бы так яростно ненавидели.

"...князь Потемкин, сей великий вельможа тогдашнего времени, вороватый всем государством, *приводившим все оное в удивление собою* и, как казалось, родившимся на сущий вред оному; человек, который ненавидел все свое отечество и причинял ему неизреченный вред и несметные убытки алчностью своею к богатству и от которого и вперед ничего ожидать было не можно, кроме вреда и пагубы", — это домашняя запись-меморий Андрея Болотова², — так чувствовало дворянство. А это уже голос памяти старого князя Болконского:

"...И ему представился Дунай, светлый полдень, камыши, русский лагерь и он входит, он, молодой генерал, без одной морщины на лице, бодрый, веселый, румяный, в расписной шатер Потемкина, и жгучее чувство зависти к любимцу, столь же сильное, как и тогда, волнует его. И он вспоминает все те слова, которые сказаны были тогда, при первом свидании с Потемкиным".

¹ С.М. Соловьев. История России с древнейших времен (в пятнадцати книгах). М. Мысль, 1966.

² А. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1738-1795).

Потемкин это спокойно знал... Он любил сильных врагов. Станным образом эти слова Толстого сказаны о самом Потемкине, — так остро он чувствовал зависть к Григорию Орлову. Начали они восхождение в одном общем деле 28 июня 1768 года, но он, много более даровитый, остался на вторых ролях, и долго пришлось ждать...

Стоит он тяжело и спокойно. Держит треуголку на сгибе правой руки, а в левой фельдмаршальский жезл. Роскошен, властолюбив, снисходителен. Эта снисходительность в нем оттого, что равных себе не видит. Суворов, пока был жив Потемкин, был при нем и ему не ровня. Суворов ему завидовал. Вельможа и русский медведь. Барин. Такая сила чрезмерна и приложения себе она не находит. Лицо у него — так делали лица-маски у мифических божеств, символизирующих великие реки мира, с открытым ртом и льющимся из него нескончаемым потоком воды. Но так изобразали и сластолюбие без меры. Убивающее.

В Городе он застыл водопадом лучшей в мире лестницы, самой роскошной, самой небываемой, неостановимой (как и он, во многом бесполезной, — если признать красоту бесполезной...).

Платон Александрович Зубов. Генерал-губернатор Новороссийского края (Екатеринославский и Таврический), генерал-фельдцеймстер, светлейший князь. Он был из тех, кто способен во всем, — царедворец, политик, дипломат и организатор. В правой руке у него треуголка. И очень непростое лицо. Хорошо иметь среди основателей Города такие лица — и гордиться, вот такими мы были в своих истоках (а ставшее с нами сегодня вполне переходящее). С такими лицами они в ином разбеге могли бы стать вождями Великой Французской революции... могли бы написать конституцию Соединенных Штатов...

И вновь голос князя Болконского:

"...И ему представляется: матушка-императрица, ее улыбка, слова, когда она в первый раз, обласкав, приняла его, и вспоминается ее же лицо на катафалке и то столкновение с Зубовым, которое было тогда при ее гробе за право подходить к ее руке".

Если бы он не отстоял идею создания главной гавани на Черном море именно здесь, где ее определили де Рибас и де Волан, нас не было бы на земле!

В Городе есть Платоновский мол...

Поразителен Иосиф де Рибас. Испанский дворянин, солдат удачи, генерал-майор, вице-адмирал русской службы. Дон Хосе. Самый "легкий" из всех, невесомый... Он не здесь в этот момент, он уже где-то там, впереди, и за ним не угнаться. Сразу видно — честолюбец, авантюрист... Баловень фортуны... Все вокруг для него лежит шахматным полем и, рассчитав наперед ходы, ждать он не станет. Верить ему особенно не стоит. Просто потому, что вторым он не будет и станет первым, если его не оставят... и, видимо, остановили. Сам бы он не остановился... Адмирал. Он это понимал как движение, и впереди у него не было границы, не было мыслимого предела. Легкий в решениях, отважный до безумия, осторожный, как медлящая перед броском яростная пума... Изящный, он стоит здесь, как стоял бы на придворном балу, легко и непринужденно (и Эдуардс так поставил пальцы правой его руки — они выдают его с головой, эти пальцы, так они нервны, так замерли в напряженной попытке). Этот нос и разлет бровей от хищной птицы, и глаза, высматривающие добычу, и губы, с улыбкой, успокаивающей жертву, если она так наивна, и эти губы могут ее успокоить... Лицо поднято, поднят подбородок — он музыку слышит, и манит его эта музыка, то ли гвардейский рожок зовет там, на стены Измаила, то ли начальные такты торжественного выхода императрицы... Храбрый из храбрых, как во Франции маршал Ней и у нас генерал Багратион, но в отличие от них, храбрых солдат, в нем было еще многое сразу... Слишком многое для одного!

Не повезло ему с Аркольским мостом!

В Городе он остался главной улицей и нашей юностью!

Франц Сент де Волан здесь самый низкий чинцом. У него только одна на груди награда — боевая — Георгиевский крест за отвагу при штурме Измаила. Эполет на левом плече — в год создания Города он был инженерный полковник. Правой опущенной рукой он держит свиток планов и карт. Он необычен среди этих четырех всем — невысоким званием, работой тяжелой профессией, позой, наклоненной в раздумии тяжелой головой, усталым задумчивым лицом. У него одного опущен книзу подбородок. Мастер, на минуту превращавший работу и вглядывающийся в пространства еще не построенного Города — он видит Город, видит, как это будет. Мастер, однажды нарисовавший нам Город!

В Городе он остался Городом, который стал ему памятником, — целиком!

Чудный памятник этот жил недолго, — кумачовая скатерть накрыла Екатерину в кроваво-красном 1917 году, так палач перед казнью набрасывает на голову жертвы покрывало...

"Из тьмы веков вззошла тяжелым шагом
На гулкий пьедестал торжественная новь,
И голову царицы красным флагом
Закутала... И пурпур, точно кровь,
Стекает вниз по бронзовому телу..."

...над городом встает
Из давних снов, как призрак, тень Марата
И смотрит, как пурпурово течет
По памятнику кровь и как мелькают птицы
Над трупом обезглавленной царицы"

Юрий Олеша.

Кровь на памятнике. Апрель 1917

Де Волан и де Рибас, Григорий Потемкин и Платон Зубов, накрытые этим покрывалом, тоже дождались своей казни. Они лежали на площади, и позы их были такими, как падает расстрелянное тело. А позже Екатерину четвертовали...

Беспомощные, они лежали в самом центре Города, который задумали и создали на краю солонного, как слезы, моря и сухой, как сиротство, безводной степи. Платон Зубов, отстоявший мысль о создании Города, Григорий Потемкин, властелин полуденной этой земли, обеспечивший ее безопасность, дон Хосе де Рибас, так задумавший наш Город, и Франц де Волан, так нам его нарисовавший.

И Великая Екатерина, благословившая Город на жизнь!

Они лежали на брусьях мостовой и кровь медленно сочилась и текла вдоль бороздок, вдоль канавок брусьев, под ноги стоящим вокруг людям, пришедшим участвовать в площадной казни. И неловко переступали ногами стоявшие вокруг трупов люди, боясь запачкать этой кровью свою обувь.

(Художник совместил здесь два времени, реальное сиюминутное время, в нем стоят все эти, нацепившие красные банты и усы, и с шашками усевшиеся на не виноватых ни в чем лошадей, а также селянин с граблей-ружьем и пустой постамент. И время вечности, в котором отлетают куда-то от нас прочь бронзовые тела наших близких...)

Памятник Екатерине сняли 1-го мая 1920 года, и постамент долго стоял пустым³. Екатерину гильотинировали, — говорят, — намерено лишили головы! Выдрали из постамента льва. Сорвали надписи, где-то сложили тела казненных, Екатерины и четырех...

А всего за несколько десятков лет до этого дня на площади вот так же собирались люди. Был день открытия памятника Великой Екатерине. На старой фотографии, любительской, море людей и цветов. Живыми цветами убраны клумбы вокруг постамента, цветы в руках людей, и один букет лежит у ног Екатерины. Люди стоят по всей площади и на прилегающих улицах, Сабанеева моста и Екатерининской, ее надломленного поворота, ведущего к Дюку. С цветами в руках, со слезами благодарности. Среди них были отцы и деды вот этих, теперь вернувшихся сюда, и поставили они памятники основателям и строителям Города. Деньги на него были собраны всеми сословиями Города, бескорыстно... У пьедестала хор и оркестр. Море флагов в руках пришедших на праздник открытия, на стенах домов, на балконах, где тоже цветы и люди. Движимые любовью.

А эти движимы были силой разрушения и страшной ненавистью к ушедшему. И страхом — уже проявлялся в их поведении страх, который с этого мгновения стал расти и расти и стал основой всей их последующей жизни! И основным побудителем всех поступков... Потому что отвечает человек за свои поступки... Потому что ненависть к прошлому отцов рождает страх за будущее детей!

А потом мы долго и счастливо жили, имея вид, что ничего не произошло. И сегодня такой вид привычно сохраняем.

Они много лет провели в подвале Музея истории и древностей. Там были выставлены "отдельные части императрицы — голова, юбки и бюст, волнующий своей пышностью посетителя". Я вижу, что рассказывали этим посетите-

³ Снимали памятник по частям. Я видел фотографию — рядом с памятником на площади стоит паровоз (он добрался сюда по специально проложенной трамвайной ветке от Ланжероновской), и этим паровозом пытались сдвинуть памятник целиком — но не потянул паровозик. Тогда же трактором пытались сдвинуть памятник Воронцову и, к счастью, не потянул трактор (Прим. автора).

⁴ Илья Ильф. Путешествие в Одессу. 1929.

лям тогдашние экскурсоводы, какой мерзостью и грязью поливали нашу историю.

По сути, это наша Гревская площадь!

Попыток пристроить на екатерининском постаменте Карла Маркса было две, и обе странным образом провалились, родив анекдоты, — поставленного в рост Маркса сдуло ветром, а установленный его же бюст вызвал игривую неприязнь горожан, писавших на его спине короткое и излюбленное ругательство моего народа, так что власти сочли за благо оставить эту затею вовсе.

На советской открытке представлено открытие памятника Марксу на краденом Екатерининском постаменте. Январь 1921 года. Бюст, поставленный на таком высоком и несоразмерном постаменте — нонсенс. И сам Маркс видом языческий идол. Сурово и страшно. Они тогда уже все боялись друг друга и джинна революции, выпущенного ими из бутылки. Обычно при открытии памятника люди стоят с букетами цветов, с праздничными лицами, с радостью и в улыбках. Так было при открытии памятника Екатерине. А здесь вокруг памятника каре войск, и угрозой торчат штыки трехлинеек. Все отдают друг другу честь — командиры войск тем, кто, взобравшись на постамент, отдает честь им, сверху вниз, командирам. И видно, как все они делают правильно, правильными имеют выражения лиц и принятые торжественные позы, слова они там говорили правильные и правильные пели песни — слишком много было вокруг внимательно наблюдающих глаз! Потом они хором пели, без музыки или под похоронные излюбленные марши духового военного оркестра, пели, конечно, о себе, о том, что пали жертвой, а что погубили массу невинных, об этом они никогда не пели. Опасные смертельно были эти певуны, еще Пушкин, это предвидя, отметил:

"Сколько их, куда их гонят,

Что так жалобно поют?

Домового ли хоронят,

Ведьму ль замуж выдают?"

Партийные бонзы вылезли на постамент и стоят на местах, где были Потемкин и Зубов, де Рибас и де Волан. Только эти, в роскошных революционных галяфе, малы ростом для постамента, и давным-давно позабыты смешные их имена. Есть и гражданские соучастники действия. Они стоят правильными несколькими шеренгами у зданий за памятником, у дома Маса. Они стоят так правильно, так молча и так трагически неподвижно, как обычно стоят перед расстрелом (или наблюдая чужой расстрел и примеряя его к себе...). Ну, многим так и вышло, чуток погоды.

А это уже памятник Марксу в рост — настоящий стоит Иван Сусанин. Нечто уродливое, прибудившееся и пошлое. Если пропустить эти фотографии кинематографом, Маркс сплывет вприсядку, — вот он присел и сжался, и был он тогда бюстом, а здесь он встал и выпрямился на краденом пьедестале. Тот же самый, с волосатой гривой, в густой бороде венником, с пенсне и в жилете⁵.

Какая-то сила их, марксов, отсюда сдувала!

Они, четверо, стоят теперь во внутреннем дворике музея на Гаванной. Двое, де Волан и де Рибас, у облезлой стены, поставлены отдельно, как ставят перед расстрелом, и двое, Григорий Потемкин и Платон Зубов, — в густых кустах разросшейся клумбы. Обрубок Екатерины, оплечный, сохранившийся чудом, собран из двух кусков и превращен в подобие бюста. Обращена императрица лицом к густым зарослям. Взгляд ее, адресованный Городу, упирается в близкую плоскость стены. Тяжелая мантия заткана двуглавыми орлами. На шее виден багровый рубец от ножа гильотины.

И многие годы пустым стоял постамент, превращавшийся зимой в ледяную горку, и мы подrostками и студентами бежали сюда кататься с крутых ее склонов. Потом сняли, куда-то продав постамент.

И напоследок в году 1965-м поставили здесь неповоротливо огромный, задавивший тяжестью площадь, памятник восставшему броненосцу "Потемкин". Булыжник пролетариата. Прототипом послужил старый утюг на углях, но почему-то с дурно искаженными пропорциями.

Много раз пытались вернуть их, сохранившихся, на площади Города, и все сывалось. Видимо, нам трудно будет смотреть им в глаза за все, что сделали с их памятью, и за все, что сделали с их Городом!

Но это место для нас святое, так было предопределено, и иному здесь места не будет. Все это пыль времени, сон разума, преходящая суета. Это наше, горожан, семейное дело. На этом месте, святом для нас, ничего иного уже не создано. Только вернуть, как было. Булыжник пролетариата, страшной тяжестью легший на площадь и нам на душу, надо перенести. И поставить на кладбище, могильным камнем ушедшему, если только оно реально ушло... Даже и размышлять не стоит — это место памятника Великой Екатерине и, не восстановив его, Города нам не построить. Это угловый камень фундамента, и без него зданию не устоять!

А к подножию Великой Екатерины принести цветы и покаяться за долгие годы беспамятства.

⁵ Это пенсне по наследству досталось Лаврентию Павловичу, и так его хищный блеск отразился в нашей истории (Прим. автора).

Владимир КАТКЕВИЧ

Март 53-го на Дальних Мельницах

В первом часу ночи позвонили. — Дежурный по редакции майор К. слушает, — доложил ответственный секретарь, выпустивший номер армейской многотиражки.

— Как связаться с командиром 145-й дивизии? — спросили недовольно. — У телефона Сталин!

На откидном календаре с корешками оторванных листочков было 25 апреля 1953 года. Со стены на майора щурился генералиссимус Сталин в траурной рамке. Выпускающий достал из кобуры пачку "Беломорканала", оружие не носил принципиально, чтоб не испугать в темное время суток шпану на Дальних Мельницах, щелкнул австрийской зажигалкой с изображением колеса обозрения в венском парке Пратер, выпустил дым, закашлялся и пошел сухо докашливать к линотипу.

— Семенych, вот здесь, — наборщик тыкнул в строчку, подчеркнутую красным карандашом: — "Интересно проходят..."

У линотипа пахло рыбой. Линотипист участвовал в трех "сталинских" рейсах на китобойной флотилии "Слава", где тоже печатал многотиражку. Майор машинально взял с солдатской тумбочки китовый ус, потерял проволоочно жесткую волосню, понюхал пальцы.

— Политзанятия в "энской" эскадрилье, — расшифровал собственные каракули. Взял из пачки свежий номер многотиражки "Советский пилот", бывший "Сталинский сокол". На призрачной фотографии был запечатлен уже вылупившийся из лесов четырехэтажный дом на Дальних Мельницах, возведенный для летчиков в устье улицы Ударников.

Звонок взбудоражил. Светало. По Советской Армии прогромычал первый трамвай. Майор сдал дежурство, свернул португепу, легко шагнул в открытое настееж окно, благо гигантские витринные окна в доме № 99 по улице Чкалова заканчивались почти у тротуара и, скрипя яловыми сапогами, направились к остановке одиннадцатого трамвая, что напротив зоопарка.

"Дивизию назвал 145-й, — подумал, — хотя, наверняка, знает, что она уже 268-я. И сталинских ее уже не принято называть. Зачем ему командир?"

Преодолев затопленную после дождя улицу Фрунзе, одиннадцатый повернул к Дальним Мельницам. Череду остановок обозначала узлы рабочей жизни: завод запчастей, поршневых колец, "макаронка", дрожжевой, джутовая, и на обратном пути после кольца еще пуговичная довеском, как будто о ней забыли.

Авиационным обещанием был установленный клубом ДОССАФ на против завода запчастей истребитель Ла-7 с красным коком. Коки, носовые выступы на фюзеляжах самолетов 145-й дивизии, которой командовал Василий Сталин, принято было красить алой краской.

В 49-м расквартированные в

Рансдорфе под Берлином 813-й, 732-й полки и еще два полка из Дальгофа снялись и передислоцировались в Одесский военный округ, теперь уже в составе 268-й дивизии, пополнив 5-ю воздушную армию. Один из полков перевели в Херсон, а два стали обживать пыльную степь за Ивановским переездом.

Семьи летчиков размещали на частных квартирах, под абрикосами сушили защитные офицерские рубашки и манишки. Форму приспособливали к аэродромной жаре, отрезали у рубашек лишнее, надевали остаток с галстуком на манер слюнячика под китель, но на кителе все равно выступала соль.

Такой концентрации авиационных мощностей Мельницы не переживали никогда и, надо полагать, им это уже не грозит.

Помню, как зычными гудками индустриальные Мельницы провожали вождя. Поскольку окрестные пищевые и другие производства нацелены были больше на женское участие, в скорбном марте из общежитий на Володарского доносились искренние женские причитания, как в деревне: "Ой, на кого же ты нас, родненький..."

Самолеты выли яростнее, ночные полеты не прекращались.

Аккурат в тот знаковый год из братской Индии привезли на джутовую фабрику тлю в тюках, и она сожрала листву на абрикосах, что особенно огорчило сверхсрочников из ангажированных местных.

Структурный состав военной авиации предполагает присутствие огромного количества сверхсрочников. И сверхсрочники. На Мельницах можно было встретить женщин в военной форме из ЖОБСа, женского общежития связи. Замысловатая авиакокарда не помещалась на беретках, и связисткам разрешили носить солдатские звездочки.

Сверхсрочники же в галифе снова в изобилии и пугали мельничных барышень звонками трофейных велосипедов, почему-то чаще дамских.

— Я думала, вагон! — кокетничали барышни, наряженные в невесомые сарафаны, пошитые из парашютов.

Старшиной, правда, с музыкальным профилем, был и муж моей первой учительницы Анны Захаровны, он играл на кларнете в авиационном оркестре. В строю оркестрантов автор заметил и воспитанника, ровесник открыто по-взрослому курил папиросу.

В туалете 110-й школы старшие ребята тоже курили, разглядывая сделанные в воздухе фотографии немецких самолетов, из кабин улыбались в объектив пилоты Геринга. Снимки привезли из военных городков Дальгофа. В школьном нутнике переросток наклонился и сказал мне:

— А ну, дыхни. Ты курил!

Я старательно дыхнул, и переросток плюнул мне в рот, мокрота была с табачными крошками.

Самолет на дальгофских фотогра-

фиях были, понятное дело, поршневыми, в небе же над 110-й школой чертили инверсионные следы Миг-15.

Переучиваться на реактивную тягу и получать новые машины летчиков командировали в Новосибирск, где им очень не понравилось. На Мельницы возвращались с желанием.

Масштабное освоение сверхзвуковой техники проходило с издержками, порой техника подводила, дивизия несла потери, похоронные процессии с линейными у бровки растягивались от Дальних Мельниц до Молдаванки, хоронили в закрытых гробах. Помню, как разбился в спарке летчик-ас Медведев со вторым пилотом Цыкало, самолет рухнул на полях селекционного института. Когда жен еще не пустили в Германию, Мария Медведева прилетела к мужу в фюзеляже боевого "Лавочкина".

Сначала разрывы в небе воспринимались населением очередной катастрофой, которую утаивают. Бабки крестились. Квартировавшие во дворах летчики объяснили, что грохот возникает при преодолении звукового барьера. Но звуковой барьер был настолько нематериальным прорывом в сознании, что многие упорно не верили и полагали, что беду опять скрывают.

Голуби с сверхзвуковым разрывом упрямо не привыкали, взмывали свечой в раскаленную лазурь, трепыхались тряпками.

Быстрее адаптировалась домашняя птица и собаки. А когда к оглушительной жизни вынужденно привыкли и хозяева, жители не распознали настоящий взрыв. В ту ночь на Миг-15 разбился старший лейтенант Г-ов.

На похоронах автор положил конфету "Старт" в ладошку однокласснице Светлане Г-овой, сидевшей в кузове застеленного немецким ковром грузовика. Другой трехосный грузовик вез лафет с гробом.

Между тем изображенный в "Советском пилоте" четырехэтажный дом с арками, магазином и почтой на кольце 11-го трамвая, наконец, заселили. Он выглядел авансом. Тогда возле него можно было запросто встретить летчика в полевой форме со Звездой Героя за Германию или Корею, беззаботно лузгающего семечки в стайке сослуживцев. На одиннадцатом авиаторы ездили в город на проспекте Сталина, где находилась вечерняя школа для офицеров.

Мать одноклассницы Светланы Г-овой после гибели мужа тоже вышла замуж за Героя Советского Союза, кажется, майора, но, правда, танкиста.

Сгоряча мечтали о застройке всех Дальних Мельниц такими же ладными четырехэтажками, но строительство споткнулось на первом здании, потом продолжилось уже за Ивановским переездом, но и там надежды не оправдались. В разное время попытки наступления на пыльное село Курсаки почему-то захлебывались сначала на пятиэтажных "хрущобах", потом на девятиэтажках, что венчают улицы

Щорса и Кордонную. Правда, солдаты успели построить клуб селекционного института с мощными фигурами колхозников, обнимающих снопы. В клуб на обед коробки маршировали с песней "Солдаты в путь".

Строительный вектор изменил направление, и потому преимущества полноценной окраины сохранялись, доступными остались свалки. Со свалок привозили дырчатые листы жести, из которых что-то наштамповали одинаковое. Ажурными листами огораживали огороды. Коренное население собирало на путях уголь, просыпавшийся из вагонов. И конкурентов у них в этом промысле не было, дальше — степь, аэродром, а если из села Курсаки наведывались конкуренты, мельничные их прогоняли. Самые ленивые крали уголь прямо из тендеров паровозов, отдыхавших на товарной станции. Из угольных складов на Онежской не крали, потому что там вохровец кого-то показательно застрелил из нагана.

Линия жизни четко ограничивалась линией железки, дугой, окаймляющей Мельницы. Пересекая ее, неудачники уходили в вечность. В памяти трое взрослых мужиков, которые в разное время при пьяных обстоятельствах закончили жизнь на рельсах. Одним из погибших был Гарик, сын хозяйки тети Сони, который нас обокрал.

Штучные новостройки упорно оземляли, но на чашле сажень глядели без надежды, казалось, они не примутся, и окраина останется все такой же пыльной и голой. Удаленность от моря обостряла мечту о нем, мастеровые мужики в перерывах между лазами на голубятнях строили во дворах плоскодонки.

Парк имени Ленинского комсомола, несмотря на близость прудов, так и не достиг ландшафтного размаха и кудрявости, он до сих пор пребывает в запустении. Даже поставленный напротив химзавода списанный гражданский аэроплан в нем не прижился. Из полудикого состояния этот оазис никогда не выходил, в его дебрях регулярно кого-то грабили или насиловали, или находили младенцев-подкидышей.

По субботам на танцплощадку парка привозили солдат. Таких масштабных танцевальных форумов при неутоленном дефиците кавалеров не было ни на одной танцплощадке города. Обилие "джутарок", работниц джутовой фабрики, гарантировало востребованность самому завалашему кавалеру, у которого не было шансов на "бац-май-дане", танцплощадке парка Ильича, или на "Ромашке" парка Шевченко.

В половине десятого музыка замолкала, и ответственный офицер, обычно замполит роты, командовал: — В походную коробку становись!

Служивых увозили в бортовых грузовиках. Машины безнадежно и несправедливо застревали перед шлагбаумами на комплексном Ивановском

переезде, который был чаще опущен, чем поднят, барышни липли к грузовикам и договаривались о встрече.

Однажды в ловушку у переезда угодила "Победа" генерала, командира дивизии. Генерал выбросил окурки, цыганка докурила окурки и попросила позолотить ручку. "Победа" угодила в ловушку, ее блокировали кибитки табора, ежедневно кочевавшие через переезд утром на Привоз, а вечером назад, на Троицкий поселок. Гадалка же не теряла времени и вывела командира дивизии из себя, наворожив беду. Генерал рассвирепел, думал, что снова ждать чепз, кто-то непременно разобьется, но чепз не случилось, а вот сам комдив скоропостижно скончался на учениях под Маркулештами. От сердечной недостаточности.

Чувствительным транспортным облегчением для Дальних Мельниц выглядело открытие линии 3-го троллейбуса. Впоследствии конечная остановка на Иваново после продолжения маршрута до 2-й заставы стала музеем Ильичевского района, а потом даже возвысилась до молебельного дома.

Вторым прорывом стало строительство Ивановского путепровода. Однако, несмотря на мост, Дальние Мельницы так и не застроились элитными евротермитниками, сохранив самобытность и неуместную наивность. К нарушившему этот ритм дому на конечной одиннадцатого притерпелись.

Небесную лазурь над Мельницами больше не усиливают голубые околыши фуражек под абрикосами. Мельницы удалились безвозвратно, заслонились, стали еще более Дальними, почти нереальными, но мало изменились, разве что на подоконниках не встретишь больше статуэток из баварского фарфора.

В эти приземистые оконца когда-то стучали посылные с противогазными сумками. О предстоящей учебной тревоге знали дня за три, загодя укладывали портянки.

Нет больше на Баумана подвала с надписью "ГАС", откуда пахло керосином. К керосинному подземелью армейского автобуса в 54-м подвез увешанного противогазом, плащниками и другим снаряжением пишущего майора Константина Семеновича К., вернувшегося с испытаний атомной бомбы. В Тоцких лагерях под Оренбургом он тоже выпускал многотиражку. Об атомной бомбе Дальние Мельницы тоже, разумеется, знали загодя.

Недавно в тамошнем гастрономе, так и не облагороженном до супермаркета, услышал нечаевское: "Далеко, далеко, где кочуют туманы...". Раскрепощенную выпивку певцу не сохранили, не поносили, возможно, привыкли. Автор угостил ее стаканом вина. Когда дама выпила, положил ей конфету в ладошку... совсем как 53 года назад. Светлана Г-ова, одноклассница из 1-го "А", дочь разбившегося старшего лейтенанта, автора не узнала.

группы написали письмо генералу Donovanу: "Мы, заслуженные офицеры и джентльмены, не можем понять, почему сержанты Фензен, Лоссовский и Гофф еще не произведены в офицеры?". Солдаты-евреи были поражены, когда генерал Donovan перед строем лично вручил им офицерские погоны и удостоверения.

Гофф также участвовал в высадке американских войск на побережье Анцио на Сицилии. Он тренировал отряды, которые действовали за линией фронта. За короткое время было обучено двадцать две группы, которые в большинстве своем попали в руки немцев. Гофф же не потерял ни одного отряда.

И. Гофф готовил план похищения фельдмаршала Кессельринга, аналогичный освобождению Муссолини с помощью Скорцени. Но этот план сорвался. Многократно, но безуспешно генерал Donovan пытался добиться повышения Гоффа в чине и присвоения ему звания капитана, которое он уже имел шестью годами раньше в Испании.

Neue Zeiten
Дюссельдорф.

Фрида АБРАМОВИЧ

Путь Ирвинга Гоффа из Бруклина в Испанию

ПРОТОТИП ГЕРОЯ РОМАНА ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ «ПО КОМ ЗВОНIT КОЛОКОЛ»

У американца Роберта Джордана существовал реальный прототип. Это американец еврейского происхождения Ирвинг Гофф из бруклинского гетто Нью-Йорка.

Родители Ирвинга Гоффа эмигрировали из Одессы в 1900 г. Его отец был ремесленником с классовым революционно настроенным сознанием. Ирвинг Гофф родился в Нью-Йорке в 1900 г. Почти ребенком ему пришлось драться с другими ребятами из антисемитских банд Бруклина и Лонг-Айленда. Он рано прервал свою учебу, так как нужно было помогать семье. Экономический кризис заставил его братья за любую подвернувшуюся работу. Он работал продавцом в мясной лавке, спасателем на пляже, акробатическим танцором в кабаре, а потом акробатом в цирке. В это же время он был активным членом коммунистической лиги молодежи США.

Сам он понимал коммунизм как борьбу против антисемитизма в широких кругах американского общества.

И. Гофф был одним из первых добровольцев, которые направились из США в Испанию. Поначалу он — рядовой солдат на многих фронтах республиканской испанской войны. Позже ему было поручено командование парком грузовиков 15-й интернациональной бригады. Однако на базе в Альбасете сорвиголовы подолгу не задерживались. Благодаря своей настойчивой просьбе он стал солдатом партизанского подразделения — Brigade Special, которая неделями действовала на вражеской территории за линией фронта. Самой знаменитой операцией было выведение из строя железнодорожного сообщения Малага — Гранада и Малага — Кордоба. Эрнест Хемингуэй два раза принимал участие в этих операциях. Партизанская груп-

па Ирвинга Гоффа насчитывала двести человек. Первой операцией Гоффа был взрыв военного итальянского поезда между Малагой и Кордобой.

Операция у Ла Корхуны вошла в анализы истории гражданской войны в Испании. После прорыва на северном фронте 315 офицеров из Астурии попали в плен к фашистам и были заключены в крепость Ла Корхуна, которая считалась неприступной, так как достичь ее можно было только со стороны моря. Неминуемая смерть от рук расстрельной команды генерала Франко грозила офицерам. Гофф и еще 34 партизана-добровольца вызвались на операцию по освобождению, которую предполагалось провести внезапно, буквально свалившись с небес на голову. Группа высадилась на маленьких лодках и разведала обстановку. На следующий вечер была захвачена охрана, пере-

резаны телефонные провода, атакован арсенал крепости, а заключенные освобождены и вооружены. Начался форсированный марш на Галахонду, где был захвачен целый гарнизон в центре территории, занятой фашистами. На следующий день с большим ликованием освободители и освобожденные добрались до своих.

Только в январе 1939 г. Гофф вернулся в Нью-Йорк в числе последних воевавших в Испании американцев. В 1941 г. он добровольно идет служить в американскую армию. Он окончил курс парашютистов-десантников; сначала воевал в Северной Африке, потом попал на итальянский фронт и стал членом группы саботажа и шпионажа Центрального разведывательного управления США под командованием генерала Билла Donovanа.

Здесь испанские бойцы все время повышались в звании. Офицеры этой

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАРШРУТЫ

Олег ГУБАРЬ

Что роднит Одессу и Дублин?

Джойс Пушкина читал, а Пушкин Джойса прочесть не успел — разошлись во времени и пространстве. Зато оба почитали Одессу, каковая не только в "Путешествии Онегина", но и в "Улиссе" представлена. Вот и нащупывается некая степень родства, покада литературного. Если же идти дальше, глядясь пристально, то похожесть двух отдаленных и разных приморских городов становится все более очевидной. Моя дорогая подруга Пэт Херлихи, знаменитый историк Одессы, американка ирландского происхождения, справедливо замечает: самый тонкий, самый пронзительный юмор рождают всего больше претерпевшие народы, еврейский и ирландский. Вот уже много ближе, причем не только до Берлина и Парижа, но и до неисторической родины заглавного джойсовского персонажа, Леопольда Блума (Блюма).

Другая моя подруга, дорогая не менее, а именно Люся Лысенко, преподаватель Киевской академии художеств, внучка выдающегося украинского скульптора, волею судеб на несколько лет прописалась в Ирландии, в Хэливике, неподалеку от Дублина. Она-то и рассказала мне впервые о ежегодном "Bloomsday" — Дне Блума, театрализованном

празднике, карнавале, проходящем ровно 16 июня, то есть в тот самый день, который описан Джеймсом Джойсом. Тот самый день, в течение коего и разворачиваются все события легендарного "Улисса". Когда два главных героя — типологический иудей Блум (метафорический Одиссей, отец) и типологический христианин Стивен (метафорический Телемак, сын) — двигаются по своим эксклюзивным дублинским маршрутам, как бы навстречу друг другу, и практически не пересекаются.

События романа происходят в реальном городе и реальном времени: все многочисленные мелочи абсолютно достоверны. Топография, ономастика, историко-архитектурные и историко-бытовые детали воспроизведены скрупулезно, в точности, один к одному, у всех персонажей, по крайней мере, есть прототипы. Джойс тщательно изучал все первоисточники, проверяя, обновляя и дополняя собственные впечатления. Дорсет-стрит, пивная Ларри О'Рурка, Беркли-роуд, набережная сэра Джона Роджерсона, Таунсенд-стрит, дом такого-то, лавка другого-то, похоронное бюро Николса, Уэстленд-роу, витрина Белфастской и Восточной чайной компании, почтовое отделение,

подъезд отеля "Гровнор", Брансвик-стрит, рекламные плакаты имбирного эля фирмы Кантрелл и Кокрейн, "Приют извозчика", Камберленд-стрит, аптекарь Свени на Линкольн-плейс, аптека Гамильтона Лонга и т. д. и т. п. Вся эта "уличная фурнитура" — архиважное дело! И мы еще вернемся к ней по-одесски. А куда гости "Bloomsday" иезуитски (садомазохистски?) следуют этим самым маршрутом, искренне наслаждаясь соучастием.

"Нашим экскурсоводом, — рассказывает Люся, — была поразительно рассеянная, как все гуманистари, старушка, все время теряющая бумажки с цитатами из "Улисса", а вместе с ними и свою группу". За два часа экскурсанты пробежались по дублинскому центру, начав с О'Коннол-стрит, стремительно перешли через реку и ворвались в кафе, где "стол Блума" и стойка, как и все связанные с ним места, отмечены бронзовыми табличками, вмонтированными прямо в асфальт, бульварную мостовую и прочие сопротивляющиеся материалы. Сверху на табличке — фигурка шагающего с тросточкой человека (Леопольда Блума), а внизу — приличествующая случаю цитата из романа. Далее — Тринити-колледж, Дюк-стрит и все, что положено в придачу. Перед какой-нибудь пивной Барни Кирнана ряженые разыгрывают сценку из "Улисса", в какое действие охотно включаются (вписываются) припадные экскурсанты и проч.

И вдруг — что за наваждение?! — на маршруте объявляется "Одесса" — ресторация, понятно, а что же еще. Впрочем, с совершенно неординарной биографией. Заведение это придумал некий Питер О'Кеннеди — большой, надо сказать, оригинал местного разлива. Харизмат, куча сумасбродных идей, делает странные чешуйчатые скульптуры, используя автомобильный лом, составляет поразительные ресторанные меню, да еще вкусно играет на гитаре и поет в ночном клубе. Внешне этот тип сильно смахивает на Брюса Виллиса (видел снимок ресторатора — вырезка статейки о нем, из иллюстрированного журнала), и его принимают чуть ли не за мафиози, хотя это чертовски добродушный человек. Позже Люська спросила его между прочим, с какого это рожна он назвал свой ресторан "Одесса". Последовал презабавный ответ.

Когда Питер сочинял название, он выписывал на бумажке разные приходящие в голову слова, даже самые непредсказуемые. Одним из таких случайных слов была Одесса. Отчего-то оно, это слово, затесалось в памяти, хотя О'Кеннеди даже понятия не имел, что существует такой город (не у Джойса ли он Одессу вычитал?). В другой раз он сидел у телевизора, и как раз шла программа типа "Что? Где? Когда?". Программу он не слушал, но отчетливо расслышал последний ответ на последний вопрос: "Одесса". Тогда и призадумался. А вскоре они с приятелем катались в заливе на яхтенном катере, и тот обратил его внимание на снимающееся с якоря большое судно. "Куда идете, парни?" — панически заинтересовался Питер. "В Одессу", — последовал ответ. И тогда ему стало ясно, что это судьба. Теперь Питер мечтает посетить наш город. "И если к тебе однажды завалятся огромный бритоголовый ирландец, — предупреждает Люська, — то знай, что это от меня".

Все это было кучу лет назад, в середине 1990-х. И тогда же мне пришла в голову столь же простая, сколь и гениальная идея. Отчего бы нам не закатать тут свой одесский "Pushkinday", по отменному апробированному и привлекающему груды туристов дублинскому "Bloomsday"? Взять хрестоматийное "Итак, я жил тогда в Одессе..." и пройтись

Памятник Пушкину в Одессе

Памятник Джойсу в Дублине

ежедневным пушкинским маршрутом, установить красномедные, навевающие ностальгические всхлипы таблички, обновить или воссоздать соответствующие домишки (торговые ряды близ Нового базара и на других мемориальных задворках, дома де Рибаса, Кирьякова, Бларамберга, Давыдовых и проч.) и заведения, да получать моральные и материальные дивиденды! К слову, и памятники архитектуры подлажаем, а достойные развалюхи (пусть и не памятники) спасем от бесповоротного, беспросветного умирания.

А сколько экзотики на вынос?! Утро в гостинице "а ля ретро рюс", чашка аравийского мокко, приправленная бильярдом в коммерческом итальянском казино, эклер и ансамбль "арфьянок" в немецкой кондитерской, баранина и всяческая пахлава в греческой харчевне, посещение бухты с лицезрением всех флагов, энергичное "сбегание" к морю, купальня, заповедный уголок Старого базара (торг в этом деле уместен!), крутая ресторация Отона с "устрицами по-пушкински", сладкоголосая итальянская опера (пушкинский репертуар: "Сорока-воровка", "Севильский цирюльник", "Тайный брак" и проч.), извозчик-лихач

— знаток и исполнитель оперной классики и т. д. и прочее. В числе прочего, скажем, корчму цыганскую или лавку еврейскую устроить, песни и пляски, заказанный мордобой в регистре фольклора (репрезентующие танцевальные собрания) пушкинских времен), "похищение невесты", сувениры подходящие соорудить и т. д. и еще раз прочее.

Мы когда-то, было, приняли пропагандировать эту ненавязчивую идею с сотрудниками Литературного музея Олей Попроцкой и Аней Мисюк. Но как-то никого тогда агитация эта не вдохновила и не встрепнула. Время было трудное, купонное (купоновое?), без куража. Может, теперь пришел черед, с учетом, так сказать, позитивной эволюции того же ресторанного, гостиничного и прочего развлекательного бизнеса, включая не растаможенную Таможенную площадь, за отчетный период и общего нашего неумного стремления в Европу и далее везде?

Задаю сто первый вопрос об Одессе: отчего бы и не побрататься с Дублином хотя бы родством выдающихся из ряда вон литературных маршрутов? Не вижу препятствий.

А теперь сто второй вопрос: что думает по этому поводу общественность?

Илья КРИЧЕВСКИЙ

«ОДЕССКИЕ ПАРИЖАНЕ» И ПАРИЖСКИЙ ОДЕССИТ

РАБОТЫ ФАЗИНИ В ИЗРАИЛЬСКИХ МУЗЕЯХ

У старшего брата моего деда было много имен: Шауль, Израэль, Александр, Сандро. Как это звонко и весело звучит — Сандро! Особенно звонко и весело, если знать, что был он художником и жил в Париже.

Кроме этого, в детстве я знал о нем не так уж много. На старой семейной фотографии Сандро возвышался над родителями и братьями, внешность у него была самая что ни на есть романтическая, немного мрачная. И в воображении возникал божественный артист, человек сильный и бесстрашный, всегда находящийся в центре внимания. Его жизнь во Франции просто обязана была стать головокружительным приключением...

С годами я узнал о нем больше. Узнал, что был он скромным, немногословным, в зрелые годы больше походил на клерка, нежели на художника. Узнал, сколько трудностей пришлось ему преодолеть. Узнал, где и как закончилась его жизнь. Веселый образ парижского романтика постепенно померк, и сегодня я грущу сразу о двух людях — о настоящем Сандро и о том, которого создала моя детская фантазия.

* * *

Шауль Файнзилбергер, родившийся в 1892 году в Киеве и выросший в Одессе, рисовать начал рано и в 19-летнем возрасте уже публиковал свои работы в журналах. Но где эти работы? Сергей Зенонович Луцкий, замечательный одесский коллекционер, показывая мне свое собрание, продемонстрировал только один оригинал с подписью Сандро. Все остальное — журнальная графика. То тут, то там мне приходилось слышать о рисунках и живописи раннего Фазини, но увидеть никак не получалось. И еще года три назад я не подозревал, сколько работ "парижского дядюшки" хранится в израильских частных коллекциях. А увидел я эти работы только в апреле нынешнего года, в рамат-ганском музее.

Здесь я просто обязан сделать отступление. Человеку, знакомящемуся с жизнью Израиля по газетам или интернету, может показаться, будто в Рамат-Гане множество музеев, — городской, русского искусства, прикладного искусства, детского творчества... Вынужден разочаровать: все это — один музей, где соседствуют очень не похожие друг на друга тематические экспозиции. А те частные коллекции, о которых я только что говорил, когда-то были одним собранием, принадлежавшим Якову Перемену — одесскому ученому, меценату и политику. В 1919 году Перемен вместе с семьей, друзьями и несколькими десятками картин прибыл в Эрец-Исраэль на пароходе "Руслан". Рейс был в полном смысле историческим — ведь на борту "Руслана" находились будущий профессор Еврейского университета Иосиф Клаузер, будущий главный редактор газеты "Ха-Арец" Моше Гликсон, будущий главный архитектор Тель-Авива Иуда Магидович, поэтесса Рахель, танцовщик Барух Агадати, чета художников Константиновских... А картины принадлежали кисти (перу, карандашу) одесских художников из круга "независимых" — Нюренберга, Гершенфельда, Фраермана, Фазини, Олесевиича, Мексина, Малика.

После смерти Перемена (он скон-

чался в Тель-Авиве в 1960 году, 79-ти лет отроду) его коллекция была разделена между наследниками. Картины если и выставлялись, то крайне редко. Так что выставка в Рамат-Гане — настоящее событие, и не только для меня.

Итак, я увидел оригиналы раннего Фазини. Не один, не два, а сразу две дюжины. Это были рисунки, небольшие живописные работы в самых разных стилях — от кубофутуризма до "Бубнового вала". Что ж, Сандро долго искал свой стиль, а пока искал, не считал зазорным подражать и Бердслею, и Тулуз-Лотреку. Маленький, с почтовой открыткой "Лотрек" в толстой раме висит между таких же маленьких работ Сигизмунда Олесевиича и Израиля Мексина, аргументируя название выставки — "Одесские парижане". А чуть подальше — смелые, без тени подражательства фантазии на античную тему. И тут же большой портрет Сандро, каким его увидел Олесевиич.

Вышло так, что для графики и небольших картин отвели малый зал музея, а "полноразмерную" живопись определили в большой. И экс-

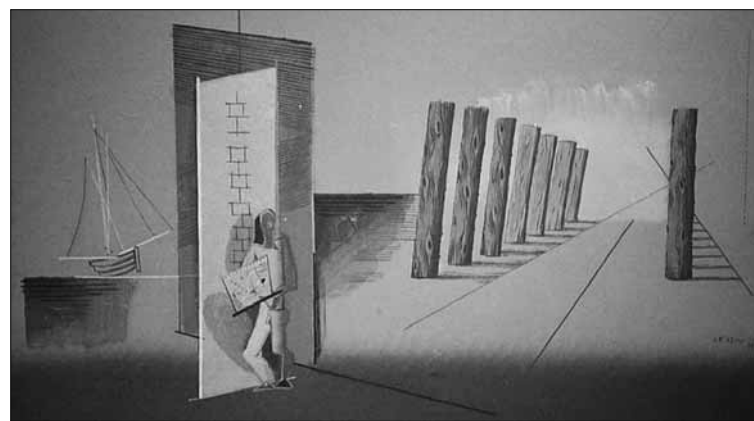

позиция малого зала оказалась интереснее. Не потому что там Фазини, а по иной причине — в малых формах чувствуется гораздо больше мастерства и самостоятельности, чем на больших полотнах (да простят меня художники, в юности черпавшие вдохновение в творчестве Гогена и Сезанна!).

"Очень много вторичного", — сказал мне старый приятель, оглядев выставку. Я согласился, но заметил, что не во вторичности дело. В музее воссоздан целый мир, давно исчезнувший и безумно интересный. Мир, который не выглядит вторичным рядом с Парижем, Мюнхеном или Веной начала века, а стоит в одном ряду с ними.

Здесь же, в Рамат-Гане, экспонируются парижские фотоснимки Фазини. Он первым из четверых братьев увлекся фотографией, в 1917 году был направлен Военным правительством в Гатчину для съемки интерьеров дворца императрицы Марии Федоровны. После этих съемок у нас дома сохранилось несколько сувениров: пара маленьких технически безупречных фотографий, конверты и почтовая бумага с тисненными раззолоченными вензелями великих княжон и... А были еще толстые папиросы, изготовленные специально для Александра III, да листок промокательной бумаги, на котором отпечаталось одно слово — "Николай". Этот листок мой дед подарил Булгакову,

и тот благоговейно подносил промокашку к зеркалу, чтобы увидеть царский автограф. "На подлинном собственной рукой его императорского величества..."

О Фазини-фотографе, о его снимках, сделанных в Париже, много говорить не буду. Скажу лишь, что три брата — Сандро, Илья и Вениамин — видели мир одинаково. И фотографии, выставленные в Рамат-Га-

на выставке "Депортированный Монпарнас" в иерусалимском мемориальном комплексе Яд ва-Шем. Сама выставка впервые была показана почти год назад в Париже. В Израиле она особого интереса не вызвала, и лишь за несколько недель до закрытия экспозиции о ней начали рассказывать в средствах массовой информации. Жаль, но ничего не поделаешь. У прессы свои приоритеты.

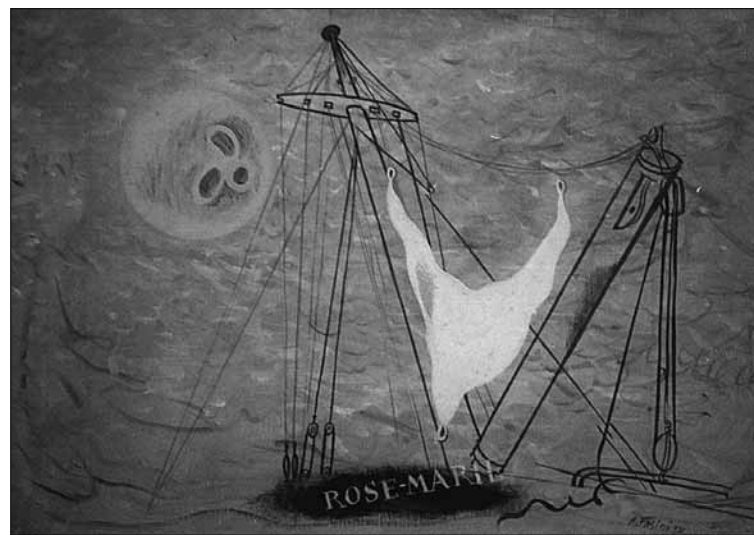
Если во Франции названию выставки сопутствовал нейтральный подзаголовок "Художники из Европы", то в Израиле придумали нечто более острое: "Конец парижской школы". И действительно — когда художников, проживших в Париже десятки лет, ставших частью этого города, вдруг сгоняют на Зимний велодром, чтобы увезти навсегда,

разве это не конец, не катастрофа? Причем катастрофа не только для художников, не только для их народа, но и для Парижа.

В просторном зале, наполовину упрятанном в склон горы Герцля, были работы десятков художников — выходцев из России и Австрии, Польши и Венгрии, Украины и Румынии. На большом щите у входа фамилия Фазини значилась под рубрикой "Украина". И я, не задерживаясь у постимпрессионистских и экспрессионистских холстов (некоторые были по-настоящему прекрасны!), пошел искать Сандро.

Я нашел его сразу. Пять картин оказались не очень-то похожи на те лаконичные рисунки середины 1930-х, которые хранятся у моей матери. Но ошибиться было невозможно. Вот он, Фазини парижского периода, выставившийся у Вавена, в Салоне независимых и на Всемирной выставке 1937 года!

Всего пять работ. Одна из них меня просто потрясла. Это графиче-

* * *

Рамат-Ган — не единственный город, где нынешней весной можно было увидеть работы Сандро. Пять его картин демонстрировались на

сая композиция на коричнево-желтом полотне. В самом центре — некий инженер или архитектор, а справа тянутся ряды столбов, толстых неотшкуранных бревен, врытых в землю, вдоль пересекающихся на горизонте линий. И тени от столбов заканчиваются ровно на линии, так

что издавала все это можно принять за рельсы и шпалы. Железная дорога. Ограда. Написано в 1929 году.

Не знаю, о чем думал художник, но получилось произведение воистину пророческое. Ведь после ареста в 1942-м его отправили в концлагерь Дранси, а потом в Освенцим. По железной дороге. За ограду.

К слову, официальное известие о его гибели моя семья получила только 12 лет назад, из архива Великого герцогства Люксембург. Именно там было сказано: "Казнен в концлагере Аушвиц в 1944 году". Конечно, родные знали, что с ним произошло. Знали задолго до моего рождения, ибо поиски, проведенные сразу после войны, никаких результатов не дали. Но мы не знали, где и когда его убили. Теперь знаем. Предчувствовал ли он свою судьбу — сказать трудно. Известно, что знакомые предлагали ему бежать из оккупированного нацистами Парижа в Виши, а оттуда в Испанию, но он не двигался с места. По словам очевидцев, в последние месяцы перед арестом Фазини пребывал в состоянии глубокой депрессии. А арестовали его вместе с женой Азой 20 июля 1942 года.

Вышло так, что пять работ моего парижского дядюшки (вообще-то двоюродного деда, но мне привычнее считать его дядей) привлекли больше внимания, чем картины многих известных монпарнасцев. На выставке нет больше ни одной работы в подобном жанре. Сегодняшние искусствоведы объявили Фазини сюрреалистом и метафизиком. И вполне возможно, что его забытые картины обретут новую жизнь, а их автор — мировое признание.

Я должен быть благодарен судьбе. После Сандро, которого я никогда не видел, остались картины и рисунки, фотографии и письма. Даже гатчинские сувениры. Его памяти повезло.

А в главной экспозиции Яд ва-Шема, на одном из изломов зигзагообразного бетонного коридора, я увидел другое. Такое, что без стеснения расплакался. То были мелочи, бумажно мусор, выложенный в маленькой витрине. Какие-то бумажки, разломанные коробочки от лекарств и конфет, монетки и билетики, паспортные фотографии. "Мусор" выгребли из карманов расстрелянных, собрали в коробку и похоронили в братской могиле. И это все, что осталось от нескольких сот человек. А рядом — стихотворение Натана Альтермана, которое в Израиле часто цитируют, особенно в День памяти Катастрофы и героизма, но всегда читают одну и ту же строчку — вторую. Целиком оно куда страшнее:

Когда нас казнили,
Мы не слышали гнева мирского,
Ибо нас Ты избрал
из всех народов,
Ибо нас Ты любил.
И когда казнили наших детей,
Наших умных еврейских детей,
Они ничего не говорили.
Только закрывали глаза матерям,
Чтобы те не смотрели.
Ибо знали: их кровь
В этом кровопролитии
Не считается.

Это написано в 1942 году. В том же году, когда арестовали Сандро. Это и о нем тоже.

Израиль.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Только детские книги читать...

...в детстве не пришлось. К сожалению или к счастью, не знаю. Читалось все, что можно было читать. А стихи Мандельштама, откуда я позаимствовала строчку заголовка, нам тогда были неведомы. Как и его имя.

С нашим нехитрым скарбом в оккупированной Одессе перемещались и те немногие книги, которые были в доме. Все они помещались на полках одной этажерки, но мне казались библиотекой. Правда, первой библиотекой, в которую я попала, была скромная школьная библиотека, но мне она представлялась наполненной книжными сокровищами. А уж когда ее владелица, немолодая дама, внешне не похожая на наших учительниц и пионервожатых (может, из "бывших"?), позволила мне заходить за перегородку и выбирать себе книгу для чтения — это было невероятным счастьем, приобщением к таинству, хоть слова такого я еще не знала. Великие библиотеки — наша Горьковка, библиотеки одесского и ленинградского университетов ("коридор Петровских коллегий бесконечен, гулок и прям" — нужно было пройти четыреста метров его протяженности, чтобы в торце открылась заветная дверь в этот книжный рай!), библиотека Академии художеств с ее торжественными ампириными залами, питерская Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина — меня ждали в будущем, о чем я тогда и не догадывалась, как не догадывалась, что судьба подарит мне книжные драгоценности, любовно собранные моим мужем... Все это будет в счастливом потом!

Кроме книг на этажерке были еще "папины книги" — богословские, хранившиеся особняком в тумбочке под иконами. Я и туда заглядывала, с особым интересом рассматривая "Путеводитель", с которым папа накануне первой мировой совершил долгое паломничество по Святым местам, и альбом фотографий Афонских монастырей.

Я рано начала читать, года в три с половиной, не позже, а когда еще чуть подросла, папа выучил меня церковнославянской азбуке, и чтобы доставить ему радость, я легко читала вслух Новый Завет...

В тишине буфета, в одном из его отделений хранились "мамыны книги". Рядом с образчиками выкроек, вышивок, кружев, книжек о лекарственных травах степенно высились три книги, неизменно вызывавшие мой интерес. Первая — "Домашняя медицина" Флоринского, изданная в начале XX века. Мама всю свою долгую жизнь предпочитала лечение натурными средствами, насколько это было возможно. Различные травы, графинчик с водкой, настоящей на зеленых орехах, другой графинчик — с "церковным вином", кагором — мне кажется, никогда не исчезали из буфета. И минимальный арсенал лекарств — аспирин, цитрамон и прочие, столь же "демократические" лекарства.

Я думаю, что мама, сложись ее жизнь иначе, была бы замечательным врачом, таким же, как моя покойная свекровь Клара Натановна, наша Кларочка, которая была врачом от Бога. Даже сейчас ее пациентки, а прошло почти двадцать лет после ее ухода, вспоминают ее с благодарностью, что греет нам душу.

Мама же лечила нас сама, и только в каких-то сложных ситуациях в доме звучала фраза: "Нужно пригласить врача!". "Вызвать врача!" — этого в лексиконе тех лет (не только в нашей семье) не было. "Вызвать врача!", по-моему, появилось тогда, когда из одесского языка исчезло обращение "Мадам!", и стало все чаще звучать "Женщина!".

Пока мама лечила нас и врачевала оказавшихся в беде и печали многочисленных родственников, я читала "Домашнюю медицину". Не скажу, что так уж она была мне интересна (может, я напоминала гоголевского Семена, готового читать все без разбору?!), но какие-то страницы привлекали мое внимание, и подлинный

ужас вызывало название и описание болезни "пляска святого Витта"...

Две книги из маминого "хранилища" были совсем другими. Одна, в простеньком холщовом переплете, называлась "Скоромный и постный стол. Кулинарное пособие для хозяйки". В предисловии автор, Александр Толливерова, сообщала, что адресует эту книгу семьям среднего достатка. Правда, советы, как одевать прислугу, как следить за наличием носового платка в кармане передника, чтобы, не дай Бог, прислуга "не сморкалась в полотенца", описанием всяческих блюд, например, "экономического супа", для которого нужно было взять "полтора фунта говядины или старую курицу", коренья, варить, а когда суп будет готов, "курицу за ненадобностью можно выбросить"(!), и упоминание о "среднем достатке" казались в послевоенные годы и даже гораздо позже неуместной шуткой. Потом этот томик достался мне по наследству. Лет двадцать тому назад в одном из "толстых" журналов, кажется, это была "Нева", мы наткнулись на статью об Александре Толливеровой, и я теперь совсем иначе отношусь к этому скромному пособию о скоромном и постном столе. Александра Толливерова, оказалось, в шестидесятые годы девятнадцатого века жила в Италии, была ближайшей сподвижницей Гарибальди. Даже жила в его доме, под видом невесты проникла в тюрьму, где томился друг и адъютант Гарибальди, чтобы предупредить его о готовящемся побеге... Потом вернувшись в Россию, издавала женские и детские журналы, запомнилось название одного из них — "Игрушечка". Кулинарная книга была ею написана в то время, на сломе веков, когда все больше женщин, не только бестужевки, посвящали себя работе — просвещению, медицине, социальным движениям...

Рядом с "Домашней медициной", и толстым томиком А. Толливеровой, демократическими изданиями начала прошлого века настоящей императрицей высилась знаменитая книга Елены Молоховец — в черном кожаном переплете с золотым тиснением. Эти книги, как и кузнецовский поднос с характерными букетиками цветов, висающий теперь у нас, — подарки, свидетели свадьбы моих родителей в 1925 году на Сретенье, 15 февраля...

В отличие от многих моих сверстников, бредивших в детские годы Жюлем Верном, я оказалась равнодушной к его фантастике. Мне фантастику заменила Елена Молоховец. Это было совершенно платоническое увлечение. В мою детскую голову даже не приходила мысль, что все эти фантастические названия — соусов, супов, сыров, овощей, закусок, кондитерских чудес, чаще написанные по-французски, все эти слова — унции, фунты, золотники — были словами из реальной жизни. Нет, они походили на слова из исторических романов, а еще больше на фантастические полеты воображения!

Когда появилась советская "Книга о вкусной и здоровой пище", картинки в ней вызвали плотоядные мысли и желания. Но книга была простецкой! В ней не было тайны. Полюбить ее было невозможно. Когда я уже в зрелом возрасте прочла уничтожающее стихотворение Арсения Тарковского о Елене Молоховец и ее книге, мне стало немного обидно. Мое детское отношение к этой книге было совершенно лишено гастрономических притязаний.

Кстати, я вспоминала, как Аркадий Райкин в каких-то воспоминаниях рассказывал, что был на гастролях в Англии, когда Анна Ахматова получала докторские почести в Оксфорде. Из советского посольства ему посоветовали быть на этой церемонии. Описывая ее, Аркадий Исаакович вспоминал, что на чествовании "королевы поэзии" присутствовали он, "клоун" и "сын кухарки" — сын Елены Молоховец, живший в Англии...

Как и у Арсения Тарковского, опять мелкоуничтожительное — "кухарка".

Заинтересовавшись тем, кем же была Елена Молоховец, мой любознательный муж заглянул в интернет и выяснил, что Елена Ивановна Бурман родилась в 1831 году в дворянской семье. Отец был начальником таможенной службы в Архангельске. Рано лишившись матери, она была отдана бабушкой в Смольный институт благородных девиц, который окончила с отличием. Вернувшись в Архангельск, вышла замуж за главного архитектора города — Франца Молоховца.

А в 1861 году впервые выходит ее книга "Подарок молодым хозяйкам", выдержавшая до революции 29 изданий. Умерла Елена Ивановна Молоховец в Петрограде в 1918 году среди нищеты и, вполне вероятно, от голода... Так что, при всей любви к Арсению Тарковскому его филиппики в адрес "кухарки", "полубайстрючки", "полублагородной" мне кажутся, по меньшей мере, несправедливыми...

Но все-таки чаще всего я обитала в противоположном углу комнаты, рядом с книжной этажеркой. На ее полках стояли огромные (так мне тогда казалось!) однотомники Пушкина, Гоголя, Чехова. Не уступающая им в объеме "Хрестоматия" (очевидно, для гимназий), в которой были отрывки и, как теперь бы мы сказали, — дайджесты, из произведений мировой и русской литературы. Именно благодаря этой хрестоматии я впервые узнала имена Эзопа, Лафонтена (удивлялась, почему их басни так похожи на басни Крылова?!), Шекспира, Гете и — мне самой кажется теперь невероятным — Хемингуэя, Хераскова, Сумарокова и Тредиаковского.

Среди этих фолиантов скромно ютились и другие книги — отдельное издание "Евгения Онегина" с силуэтными иллюстрациями В. Свистальского (на имена художников-иллюстраторов я стала обращать внимание гораздо позже), "дооктябрьский" томик Лермонтова с ятями, но, увы, без пьес и прозы. Этот недостаток был восполнен. На этажерке со временем появилась толстая тетрадь в синем коленкором переплете (большая редкость и ценность по тем временам), в которую мои старшие сестры в четыре руки старательно переписали лермонтовский "Маскарад". Именно из этой тетради я и учила любимые монологи: "...кто был там, с кем я говорила, кому браслет на память подарила, и Вы узнаете все лучше во сто крат, чем съездили бы сами в маскарад...". Какой же радостью была покупка (на нее долго сестры собирали по копейке), опять же, большого однотомника Лермонтова — со стихами, поэмами, прозой и пьесами.

В семье благодаря маме был культ Некрасова. Многие она знала наизусть, что-то читала вслух при свете керосиновой лампы из тоненьких дешевых изданий. А на мое десятилетие старшая сестра, моя Лена, подарила мне большой однотомник Некрасова в голубом переплете. Это уже было счастье несказанное. Он и теперь, с пожелтевшими страницами, с трогательной надписью, стоит у нас на полке...

Но, наверное, в том далеком детстве из всех книг, стоявших на этажерке, одна из самых любимых — катаевский "Белеет парус одинокий". Мне кажется, что тогда я знала каждую страницу наизусть. Теперь я думаю, что любовь к "Парусу" была воплощением знаменитых слов "И сладок нам лишь узнавья миг". Естественно, наши реалии, наш быт никак не были похожи на жизнь семейства Бачей. И все же — соблазнительное, покоряющее сходство деталей — венские стулья в столовой (пусть у нас не было столовой!), цветок гиацинта, распускавшийся к Пасхе (пусть мы еще не видели, как выглядят гиацинты), но у нас к Пасхе зеленела травка, высаженная мамой на красивой тарелке, а вокруг нее — крашенки. И сказочность елки, к которой мы заранее вырезали корзинки из цветной бумаги, и из нее же

склеивали цепи взамен стеклянных гирлянд, которых у нас не было и в помине. И пусть орехи мы не покрывали сусальным золотом, но, обернутые в фольгу, они были не менее волшебными. И простая карамель в бумажной обертке была не менее вкусной, чем все надкусанные Павлом пряники на елке у Бачеев. Мне эта елка у героев Катаева была так близка, что я, стоя под огромным тополем напротив велотрека (теперь на его месте Музкомедия) в компании своих соучениц, рассказывая о нашей елке, повесила на нее и надкусанные пряники. Алла Грабова, девочка из параллельного класса (потом она училась в одном классе с Сашей Розенбоймом), воскликнула: "Так это же в "Белеет парус одинокий" Павлик надкусывал пряники!". Я посмотрела на нее высокомерно и сказала: "Ну и что?! У нас на елке тоже висят надкусанные пряники!". Наверное, мне тогда казалось, что эти золоченные надкусанные пряники — невероятная роскошь!

А вся одесская топонимика! Вот и я хожу в школу на Французский бульвар, правда, по нему не проезжает ландо Каульбарса. Вот же, в квартале от нашей Малой Арнаутской, на нашей Гимназической угол Новорыбной, Петя читал взахлеб, поступая в гимназию, "Белеет парус одинокий". Я ведь с тем же упоением читаю "А он, мятежный, просит бури...". А аптека на Канатной, мимо которой проезжал, возвращаясь из Аккермана, Петя! — мы же тоже туда бегаем.

А слюдяные дорожки равликов-павликов, пусть не на заборе дачи Маразли, но они серебрятся и в нашем дворе. А курень дедушки и Гаврика! Мы застали еще похожие курени на склонах в послевоенной Одессе.

Конечно, Ближние Мельницы — это был какой-то неведомый край одесской земли. Как-то приехав в Питер, пытаюсь объяснить нашему приятелю, где мы теперь живем. Он бывал у нас на Кузнецкой, а я ему что-то втолковываю про одесские Черемушки. Кажется, объяснила. Вдруг он воскликнул: "Так что, вы теперь живете за Ближними Мельницами, куда Гаврик водил Петю к брату Терентию? Так бы и сказала сразу!". А приятель был коренным петербуржцем.

Моя любовь к Пете и Гаврику была почти домашней, своей, как к мальчишкам из нашего или соседнего двора. Другое дело — возвышенная, роющая любовь к Николеньке Иртеньеву! И все Николенькины печали, и все радости (ну, хоть право наконец-то надеть панталоны со штрипами, как у взрослых!) я готова была делить с Николенькой. Правда, я не могла разобратся, кого же я люблю больше — самого Николеньку или добрейшего Карла Ивановича. Из толстовской трилогии именно "Детство" перечитывалось бесконечно и всегда с упоением!

Я вспоминала только некоторые книги, стоявшие у нас на этажерке. Они были читаны-перечитаны, но кроме них в доме постоянно читались книги, взятые у подружек, у друзей родителей, потом и в библиотеках.

И хоть перед летними каникулами "Пионерская правда" печатала список книг, которые необходимо было прочесть в течение лета (и они прочитывались!), но никакого "планомерного" чтения не было. Читалось все!

И одно другому не мешало. Горючие слезы, доходявшие до рыданий, проливались над "Хижиной дяди Тома", "Принцем и нищим", "Дэвидом Копперфильдом" и романами Лидии Чарской, будь то "Лизочкино счастье", "За что?" или "Княжна Джаваха". Сколько язвительной критики, сколько критического яда было вылит на голову бедной писательницы и на ее романы! Наверное, справедливо. Я с тех далеких лет, естественно, не только их не перечитывала, но даже не держала в руках. Но вспоминая, сколько жалости и сострадания в моей не искушенной в литературных тонкостях душе вызывали судьбы героинь Чарской, сколько неподдельных слез было пролито на рассыпав-

шиеся от времени, затертые страницы ее книг, янисколько не жалею о том, что в детстве читала Чарскую.

Конечно, были попытки со стороны старших блюсти какие-то возрастные пределы. Сестры читали Мопассана и Золя. Мне не давали. Звучало убийственное: "Ты еще маленькая!". У-у-у-у! Приходилось читать в их отсутствие, тайком. Какие-то слова и ситуации были совершенно непонятны. Но спросить нельзя — ведь тайком! Помню, как, читая сиение тома сочинений Шеллера-Михайлова, никак не могла понять, почему все время наталкиваю на неправильное написание слова — кокетки. Ведь правильно — кокетки! И почему герои так часто восклицают: "Поедем к кокеткам!". Что они делают у этих кокеток?!

И еще одно воспоминание о Шеллере-Михайлове. Одна из героинь критически отзывалась о желтом платье с зеленым поясом другой героини (зеленый пояс на розовом платье чеховской героини, по-моему, появился позже) — совершенно уничтожающе: "Яичница с луком!". Вот и все, что осталось в памяти от нескольких томов Шеллера-Михайлова. Мало? Но есть же книги, от которых и этого не остается.

Естественно, что книги вызывали не только горючие слезы. Можно было хохотать до слез, читая "Приключения Тома Сойера" или в тоненькой книжке "Библиотечки "Огонька" (романы еще не были переизданы) отрывок из "Двенадцати стульев" про Эллочку-людоедку.

Сколько досады вызывала хранившаяся там же, на этажерке, старенькая книжка, в которой отсутствовали первые страницы! Это был "Овод" Лилян Войнич. Мне приходилось самой догадываться о круто завязанной интриге, и каким облегчением стало прочтение книги, вновь изданной через несколько лет, со всеми страницами, подтвердившее мои догадки...

Так случилось, что еще одна книга, "немного беременная", как говорит в таких случаях наш друг Сергей Зенонович Лучик, лишенная последних страниц, то ли кем-то подаренная (тогда не стеснялись таких "ущербных" подарков), то ли купленная сестрами на каком-нибудь книжном развале, появилась на этажерке позже. И любовь к ее герою вытеснила из моего сердца и Петю с Гавриком, и даже Николеньку Иртеньева. Это был "Кюхля" Юрия Тынянова. Бедный Кюхля! Я готова была бежать с ним топиться в царскосельском пруду, вызывать на дуэль друзей-насмешников, негодовать по поводу эпиграммы "так было мне, мои друзья, и юкхельбеккерно, и тошно", и вместе с тем не могла сквозить слезы сострадания не хохотать над несуразностью долговязого Кюхли. Тогда я влюбилась в Лицея. И в Пушкина. В юбилейном однотомнике Пушкина, стоявшем на полке этажерки, было много портретов — самого поэта, лицейских друзей, героинь "донжуанского" списка Александра Сергеевича. Только после "Кюхли" они в моем воображении ожили, задышали, обрели голоса. Заветная книга!

И все же, возвращаясь к книгам детства, я вспоминаю одну, ни автора, ни названия которой я не помню. Не помнят и мои сестры.

Холодным осенним днем мама пошла на Привоз. Денег не было. Какие-то гроши. Не помню, может, мама взяла из дому что-нибудь продать, а может, надеялась на эти гроши что-то купить. Во всяком случае, ничего съестного купить ей не удалось. Удрученная, мама покинула Привоз и при выходе увидела женщину, продававшую какую-то книгу.

Мама пришла домой и сказала: "Девочки, я вам ничего не купила из еды. Но зато я купила вам книгу!".

Мы, три мамыны девочки, сморим теперь друг на друга и пытаемся вспомнить, какую же книгу в тот день мама нам купила! И к своему стыду, возведенному в куб, вспомнить не можем. Но главное воспоминание осталось.

Мама купила Книгу.

Шаржи Кирилла Дремлюха

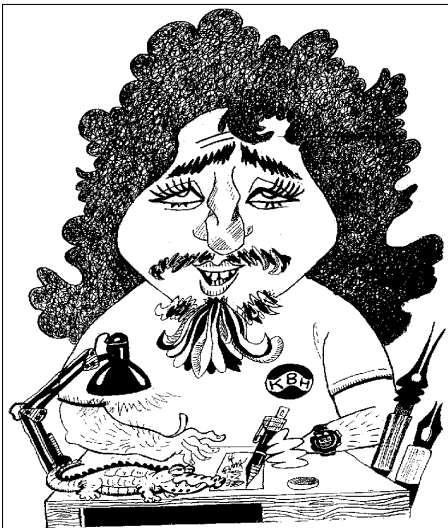
Не первый раз мы знакомим читателей с веселым творчеством одессита, ныне живущего в Нью-Йорке, Кирилла Дремлюха. С самого начала — со школьной скамьи, не имея профессионального образования — он выбрал свою тропинку в искусстве, увлекся шаржированием популярных людей.

Что такое шарж? Известный плакатист, карикатурист Дмитрий Моор когда-то написал: "Шарж — это не просто плохо нарисованный портрет человека с длинным носом. Это сумма знаний о человеке".

Полностью соглашаясь с этим определением, добавлю, что шарж — это иронический взгляд, это попытка сказать то, что не может выразить реалистический портрет.

Где любят, понимают юмор, там и расцветает шарж. И не случайно Кирилл Дремлюх, родившийся в Одессе, как бы продолжил школу художников М. Линского и Б. Антоновского, Соломона Зайцера и Николая Вилкуна, а переехав в Нью-Йорк, закончив университет по специальности "кино и телевидение", он вообрал опыт и мастеров американского шаржа, без которого невозможен пиар ни одного деятеля культуры, науки, политики...

Недавно Кирилл Дремлюх вновь побывал

в своем родном городе и оставил нам новые шаржи, посвященные одесситам и людям, близким нашему городу. Знакомим с ними наших читателей.

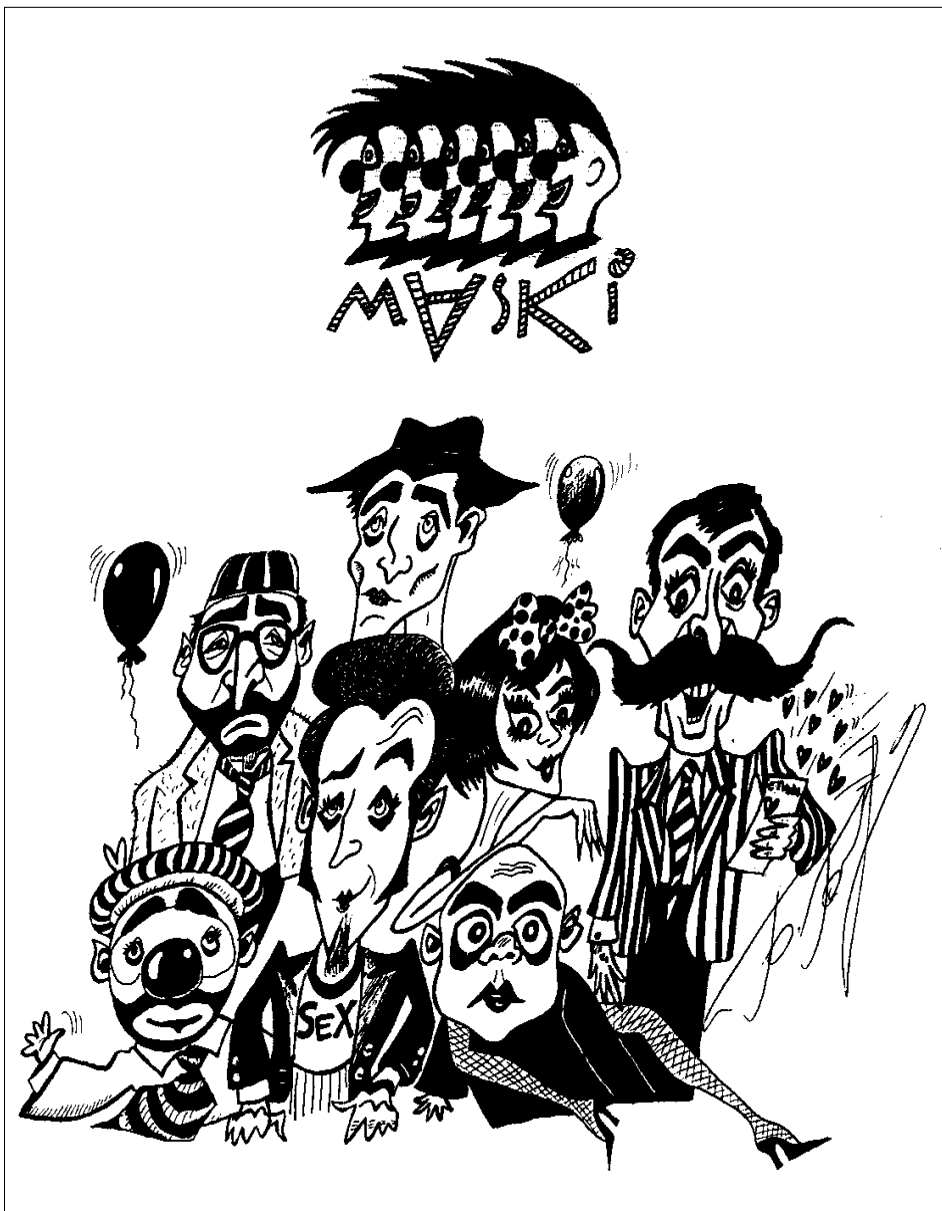
Е. Г.

Игорь Кнеллер, Янислав Левинзон, Олег Филимонов

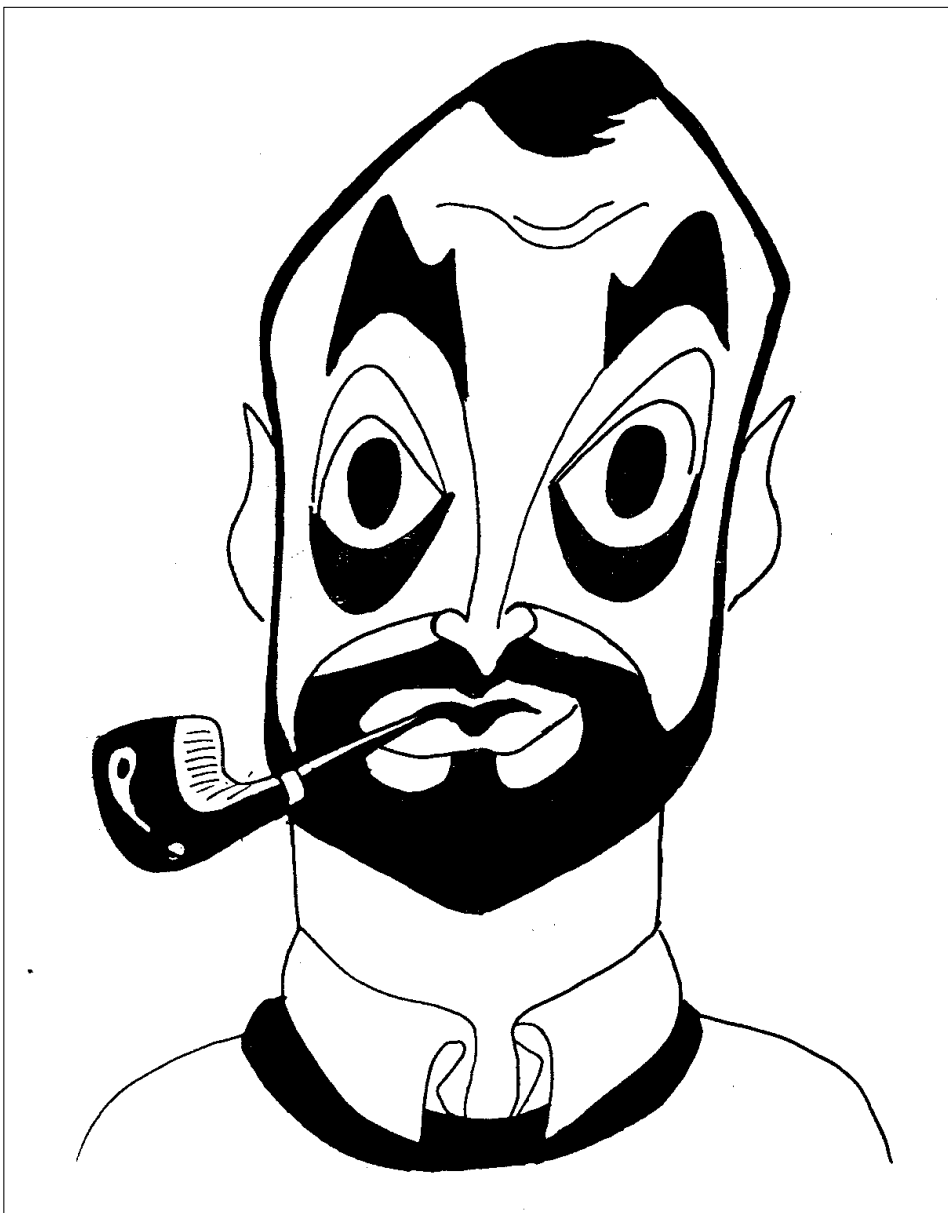
Валерий Хаит

Маски-шоу

Борис Барский

Григорий Горин

Рената Литвинова

Лариса Удовиченко

Максим Галкин

ПРОЗЕВАННЫЙ ГЕНИЙ

Анна БОВШЕК:

ГОРОД ДОБРЫЙ. ГОРОД ЗЛОЙ...

...Сегодня трудно представить себе, что двадцать лет назад имя "Сигизмунд Кржижановский" было известно едва ли десятку людей. О том, как началось его возвращение в литературу, писалось много раз, но всегда хочется сделать это снова. Рассказать о том, как не удавалось ему напечатать книги в 1920-е или в 1930-е годы, — ну разве что самые крохи; о том, как любили и ценили его современники из самых придирчивых. Как этого "писателя для писателей", волею судьбы десятилетиями не имевшего выхода к читателю, постигла немота — сначала фигуральная, "писательская", затем и буквальная, болезненно-человеческая... Как много после смерти Кржижановского Вадим Перельмутер, заинтересовавшись дневниковой записью Георгия Шенгели о "прозеванном гении", отправился в — тогда еще — ЦГАЛИ посмотреть его рукописи. Как до прозрачности был зачитан студентами МГУ экземпляр самой первой книги "Воспоминания о будущем" (1989 г.)...

Собрание сочинений С.Д. Кржижановского, которое выпускает петербургское издательство "Symposium", сегодня почти закончено: на подходе — последний, пятый том.

Не было бы у писателя и посмертной славы, когда бы не жена, актриса Анна Гавриловна Бовшек. Он не принадлежал к тем, кто "женится на своей вдове"; но она была и навсегда осталась верна его творчеству — в самом высоком смысле. И после его смерти позаботилась, чтобы рукописи не погибли, остались в архивах. Благодаря ей мы получили русского писателя европейского класса, а он — обрел, наконец, читателей. Поздно, но все-таки — не "никогда".

В 1920–1930-е гг. так часто, как только удавалось, Анна Бовшек приезжала в Одессу, навещала мать и родственников, грелась в лучах своего родного южного солнца. Москву она не любила, считала ее — почти всерьез — виновницей несчастий Сигизмунда Доминиковича. Разлучаясь, они переписывались. Весь корпус писем увидит свет в пятом томе. Здесь — только несколько отрывков из писем А.Г. Бовшек (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 2, е. х. 1), лишь штрихи: к автопортрету, к портрету города и — любимого человека.

18 июня 1923

Мой добрый-добрый, мой хороший друг, бесконечно обрадовалась Вашему письму, беру его с собой к морю, в степь, и стараюсь из-за строк видеть Вас. <...> Я живу в разоренной дикой местности: на версту кругом ни чернил, ни пера, ни бумаги. <...> ...оставшись без почтовых принадлежностей, почувствовала себя так, как чувствуют себя матросы, убедившись, что на корабле не осталось ни капли воды для питья. Листы, на которых я пишу сейчас, достались мне почти с такой же трудностью, с какой они достаются выброшенным на необитаемый остров, так что, при Вашем воображении, мой конверт, вероятно, покажется Вам бутылкою! <...> Событий со мной не происходит никаких. В городе я не была и не буду до самого отъезда, никого, кроме своих, не вижу, но оттого, должно быть, что я отдохнула, чувствую себя так, как будто у меня впереди радостная и важная работа, к которой нужно как можно скорей приступить. Первые

две недели я ни о чем не думала, было жарко, легко, спокойно, и я просто дремала, а сейчас много, много и часто думаю о Вас, думаю неясно, радостно и с благодарностью, думаю о Москве и, конечно, немного нервничаю. Не хочется оторваться от моря и хочется Ваших глаз, умных и добрых, хочется Вашего голоса и я, о ужас! летом в мою любимую жару считала дни. <...> Хорошо тут так, что я все время думаю о том, что за такую красоту и радость можно зимой и пострадать, если суждено за все платить. Я часто вспоминаю, как Вы, сидя у окна Студии, советовали мне чаще смотреть на Москвареку, чтобы сохранить радость от нее и для зимы, а я все время думаю о том, что Вас нет здесь и что Вы-то больше чем кто-либо могли бы насладиться морем и солнцем, и Вам не мешало бы очиститься от московской скверны. Только, милый, здесь надо "хорошо лениться", а я теперь вижу, что ничего не делать и лениться это тоже трудно, так как я часто не знаю, где кончается беспечная радостная

лень и начинается острая, тревожная, страшная тоска. Она здесь усиливается еще и тем, что нигде и никогда я не видела такого контраста между красотой природы и безобразием человеческих дел. Уцелевшие жилища такая редкость, что не развалины, а они вызывают жалость и недоумение. И все же мне хотелось, чтобы Вы все это видели... <...> Ну, теперь скоро... Будьте здоровы, родной, да хранит Вас Господь.

Ваша Нета

<без даты>

Мой добрый, родной, если б Вы знали, как мне хорошо сейчас. Я только все время думаю, что за такую радость и покой, должно быть, жестоко придется расплачиваться. Но пусть... Никаких мыслей в голове; солнце сделало меня совсем здоровой и счастливой. <...>

Представьте мое огорчение, милый, когда я узнала, что теперь на Фонтане нет почты и письма не приносят на дом. Мне все кажется, что Вы уж написали мне и теперь письмо начнет странствия. Пишите, родной, по такому адресу: Одесса, Раскидайловская, 8, кв. 9. <...>

<без даты>

Милый, родной мой Зимек, как Ваши дела? Мысли о Вас туманят горизонт моего бездумья. <...>

У нас здесь, на Фонтане, все как будто по-прежнему и вместе не по-прежнему. Пустые дачи... все мысли, дела и надежды сосредоточены на будущих уроках. Напряжение сил огромное, такое, как бывает, когда ставка — жизнь. Я после зимы сразу почувствовала себя ослабевшей и не могу еще собрать себя как следует. Начала работать, но словно сквозь сон... Чувствую, что силы мои восстановятся скоро, потому что, хотя и нашим очень трудно, — питаюсь я все же регулярно, чем в Москве, а главное — солнце и море, которые действуют на меня чудесно. Вода теплая, погода ровная, хорошая. Пожалуй, слишком жарко. Боюсь, что не доживу до сентября, так как не хочется быть в тягость, а жизнь невероятно дорога. Пока решила об этом не думать и каждый грамм сил и здоровья копить впрок. <...>

<без даты>

Мой милый, милый, добрый друг, сегодня неделя, как я приехала, и первый день, когда я предоставлена самой себе. Все время живу на даче, но как-то не чувствовала ее, так как у

мамы окончились занятия, и все время к нам приезжали с прощальными пикниками. Я старалась быть любезной и помогала в хозяйстве, а Вы знаете, как я это люблю... Но сейчас все уехали в город, тихо, радостно, и я с удовольствием думаю о том, что через несколько часов станет прохладно, я пойду в Люстдорф, море будет слева, степь справа, потом опущу письмо в ящик, и оно пойдет к Вам. Произойдет "смычка" между Москвой и Одессой.

Кстати, украинское население очень смущено словом "смычка", т. к. украинский глагол "смыкати" значит "очищать".

<...> Мне пока сейчас очень хорошо, живу в состоянии бездумности, бездеятельности и беспечности, но все эти три "без" я себе спокойно разрешаю, потому что летом в Одессе все так живут, так что никто ни видом, ни делом не может послать мне упрека. Одесса понемножку разрушается, но это стало ее особенным состоянием, пока тихо, безмятежно — и прежней кипучей жизни в порту еще, по-видимому, нескоро суждено возродиться. <...> Будьте благословенны.

Ваша Нета.

Одесса Больш. Фонтан Станция
Ковалевская Дача Бовшек
Анне Гавр. Бовшек

14 июня 1924

Зимик, Зимик — нехорошо так долго молчать. Я очень хорошо знаю состояние, когда не пишется, но и тут можно как-то овладеть собой. Я понимаю, что Вам нечего беспокоиться обо мне, но письмо мне нужно не ради меня, т. е. я хочу знать — о Вас, а не о себе. Остались Вы и без денег, и без работы и, конечно, меня точит мысль о Вас. Солнце, море и все вокруг так же чудесны, как в прошлом году, но какой-то легкости, какая была в прошлом году, нет, — быть может, я обнаглела и не так страстно ощущаю природу и отдых, а быть может, что-нибудь предощущаю... хотя нет — и тревоги нет... сказала бы, совсем живу бездумно, если бы не думала о Вас... Вчера ходили с компанией гулять далеко-далеко, на обратном пути зашли в Люстдорф выпить пива... вдруг за соседним столиком Ценин с какой-то дамой... что он делает в Люстдорфе, не понимаю; он что-то болтал о рыбном промысле, будто поселился на берегу, как рыбак, в шалаше, и стал ловить рыбу с кем-то в компании, потом будто их разогнали, и так

кончилась его трудовая жизнь. В качестве нетрудового элемента он по-видимому чувствует себя тоже хорошо... толст и весел. <...>

Ваша Нета.

Одесса Б. Фонтан 16 станция

6 августа (?)

Зимек, друг мой, — надо писать, хоть разбирает лень; не то следующий почтовый пароход, пожалуй, не застанет Вас в Коктебеле... Расставшись с Вами, я сразу впала в молчание... <...> В последнюю ночь плаванья поднялся хороший ветер, и, наконец, настала пора качки, к которой Вы взывали. Пассажиры присмирели и стали с нетерпением ждать Одессы. Приехали в 6 часов утра. Небо черное от туч, море черное от волн и проливной холодной дождь. Бедный Мандес, во все время своих странствий ни разу не раскрывавший зонта и добросовестно таскавший его, в самую нужную минуту отдал зонт мне. Пришлось взять — так как он действовал энергичными убеждениями, и я поняла, как важно и хочется ему быть джентльменом. Теперь боюсь за него — с тех пор не видела, — несмотря на его огромный зонт и пальто, я вымокла, пока добралась... <...> Как назло, в порту нет прикрытия, а в город извозчик едет шагом по мокрой горе. Дня три в Одессе было холодно — сейчас неясная, мягкая, теплая погода, которую я особенно ценю после кавказской жары. В голову появились мысли — и пока неплохие... Я на юге начала было побаваться хронического отупения... <...>

Милый Зимек, как чувствуете себя Вы, как встретились с Макс<имилианом> Ал<ександровичем>? Кто из Ваших знакомых живет там и как Ваше настроение? Читали ли Вы что-нибудь из своих работ у М. А.? Поминаете ли Вы меня и как? Должно быть, Ваша подруга сейчас "задумчивая лень" — да будет она благословенна и верна Вам во все дни отдыха... <...>

Пока целую Вас нежно и крепко.

Ваша Нета.

<без даты>

Мой милый, милый, мой добрый друг; из того, что я пишу Вам, Вы можете смело умозаключить, что со мной не произошло никакой катастрофы в дороге. От Киева до Одессы становилось все холоднее, так что на Фонтане меня встретила совсем суровая погода. Солнце сконфуженное и запрятавшееся в тучи... Правда, оно смеется с каждым днем и начинает греть понемногу. Вчера я уже купалась и делала вид, что лежу на солнце, но загара не произошло. <...> Сейчас материальные дела наших неплохи, но зимняя кампания у них была настолько тяжелой, в смысле безденежья, что они чинят старые проре-

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Энергия и эклектика Ильи Шенкера

В свои 85 лет Илья Шенкер говорит, что ежедневно проходит около десяти километров. Утром он выходит из своей манхэттенской квартиры на 33-й и Лексингтон и идет на север кварталов 20-30. Маршрут, по его словам, определяется светоточками. Он просто следует зеленым сигналам. Иногда поворачивает на запад, к Гудзону, иногда на восток, к Ист-Ривер. "Движение помогает сохранять бодрость и здоровье, — говорит он. — Я уже не помню, когда был у врача". Помимо многокилометровых прогулок бодрость ему помогает сохранять купание в океане. Илья рассказывает, что начинает сезон в начале апреля и купается до начала декабря. Он начал такие купания еще в Одессе и сохраняет верность "моржовому" образу жизни в Нью-Йорке.

В нью-йоркской галерее "Грант" прошла выставка работ Ильи Шен-

кера, в которой, как в зеркале, отразилась география жизни художника — от солнечного одесского пляжа до размытых вечерним туманом силуэтов манхэттенских небоскребов.

Илья родился в Одессе, после войны поступил на архитектурный факультет строительного института, а параллельно посещал занятия в Грековском училище. Получив диплом архитектора, он отдал этой профессии всего несколько лет, предпочтя ей труд художника. "За моим выбором стоял обычный человеческий эгоизм, я хотел делать то, что люблю, — объясняет художник. — И я никогда не стремился чему-то научить своего зрителя, объяснить ему что-то. Если бы я пошел по этому пути, то уж точно не смог бы делать то, что мне нравится". Его собственный художественный язык сформировался под влиянием очень разных мастеров. Это Леонардо да Винчи, Ремб-

рандт, Суриков, Серов и Врубель. "Суриков для меня бог", — признается он, и это признание в любви созвучно другому — пристальному интересу к мировой истории. "Я вырос в русской культуре, и мне всегда была близка русская образность. Точно так же мне интересны темы Ветхого Завета. В США, где я стал больше узнавать об американской истории, увлекся и ею. Это все — история человечества, наша история".

Еще одним живительным источником вдохновения была Одесса. "Для меня Одесса — это бульвар, круглые дома, лестница. То, что зовется одесским ампиром, — легкая, южная архитектура. К сожалению, она недалеко ушла за пределы бульвара. Если бы это произошло, то Одесса мало отличалась бы от лучших городов Средиземноморья".

После отъезда в 1974 году Шенкер побывал в Одессе всего лишь

раз — в 1988-м. "Тогда город еще мало изменился по сравнению с теми временами, когда я его покинул, — вспоминает он. — После того визита я не испытывал большого желания посетить его. То лучшее, что в нем есть, живет в памяти. Мне этого хватает". То лучшее, что живет в памяти, помимо воли художника покидает реальную жизнь.

В бруклинской студии Шенкера я увидел небольшую работу, которая неожиданно вызвала у меня ностальгическое чувство, — уголок Нового базара: старые скобяные, как их называли, лавки; деревянные стены, крашенные зеленой и коричневой краской, листы крашеной жести на крыше; серьезные мужчины в кепках и ватниках, сосредоточенно считающие пачки рубчиков; полутемные сырые внутренности помещений, где каждый гвоздь, каждый обернутый промасленной бумагой инструмент

— клещи, молоток, отвертка — не были предметом быстрого, разового использования, а представляли собой пожизненную ценность. Сейчас это мир уничтожен, застроен тесным лабиринтом бетонных стен, забит бросовым товаром южноазиатского производства, от многоцветья которого рябит в глазах.

Возможно, ностальгическая тема получила бы большее развитие в творчестве Шенкера, окажись он в другом городе, но эмиграция занесла его в Нью-Йорк. "Я все чаще смотрю вверх, — рассказывает он. — Эти силуэты высотных домов, эти стеклянные кубы и башни невероятно захватывают. Это как другой мир. Как это сочетается с моей любовью к одесскому ампиру? Очень просто. Здесь, в Нью-Йорке, двигаясь по улице, ты часто натыкаешься на здания, которые вполне вписались бы в одесский городской пейзаж".

Эклектика и энергия — две, вероятно, наиболее выраженные черты, присущие Нью-Йорку. Они в полной мере присущи жизни и творчеству Ильи Шенкера.

НРСлово

хи. <...> Деньги приносят на дом и паспорта не спрашивают. Оказалось, что удостоверения у всех просрочены, так что мы все одинаково грешны, но это не играет роли. <...>

Меня мучит то, что самый благополучный из периодов моей жизни каждого года совпадает с Вашим самым неблагополучным, и моя беспомощность в этом вопросе меня убивает. <...> Знаю, что ничего хорошего не предвиделось, но ведь спасение от клещей всегда у нас с Вами нежданно и не с той стороны, где ожидали. <...>

14 августа (?)

<...> "...иду на вы!" Думаю я выехать 28-го, в пятницу, значит, в воскресенье, 30-го буду в Москве. <...> Чувствую, что я, как говорится, одной ногой уже

если не в Москве, то на вокзале. Такому ощущению способствует и резко изменившаяся погода. Только-только <было> тепло, а ветер уже гонит перед собой желтые листья, забирается в трубы и подымает на море волны. Не рискуя купаться: вода теплее воздуха. Я с жадностью хватаюсь за последние лучи солнца и голубые куски неба. Говорят, что такая погода бывает здесь только в конце сентября, в начале октября. Ваш соперник — солнце — совсем бессилён, он не удержал бы меня и двух дней, если б ему не помогали все наши. Когда я думаю о Москве, я чувствую большую, большую радость от встречи с Вами и в то же время знаю, что попаду в тучу мелких забот, которые кусают меня, как комары или москиты... Ну, что же, за все надо платить!.. Прощай, фонтанское солнце! свети,

московское!!! (чтоб было легче московскому, я поставила три восклицательных знака за ним). <...>

18 августа (?)

<...> Как встретила Вас Москва?.. Брюзгливая, недобрая старуха — она всегда готовит какой-нибудь сюрприз, и я, приближаясь к ней, стараюсь угадать: какой... всегда тревожно. На этот раз осенние новости хороши, и я приободрилась. Любимый мой, Вы знаете: если Вам будет хорошо, должно быть хорошо и мне. Мы столько раз сдвигались бокалами с вином в одном и том же желании, что, может быть, в конце концов, мечта обратится в реальность. Виделись ли Вы с Евдоксией Федоровной и что слышно по поводу Ваших тех книг. Каково на том

фронте? Что узнали от Сергея Дмитриевича и от "Земли и Фабрики", виделись ли с Нарбутом? Все это меня чрезвычайно волнует. Хорошо было бы сейчас сидеть на диване, держать Вашу руку, следить за прыгающей над бровью мыслью и слушать подробно-подробно — что Вам сказали и как Вы ответили. <...>

Говорят, в Москве ужасная погода... <...> Здесь, напротив, погода установилась, дни стоят нежные, мягкие, ночи теплые, море фосфоресцирует, и я по вечерам держу в руках его черную блестящую пену... Милый, горячо-горячо целую Вас. Ваша Нета.

25 августа (?)

<...> Волнуясь перед отъездом, как школьница... Но это всякий раз,

когда мне приходится надолго расставаться с морем. Одесса на этот раз была мне особенно дорога, и я думаю — исключительно потому, что я перед ней получила для души пищу и потому что рассталась с Вами только на месяц. Больше всего я рада душевному равновесию — последние годы оно было самым уязвимым моим местом. Зимек, милый, защитите меня в Москве.

Привет моему доброму другу, господину Жилету. Он всегда в трудные минуты находил для меня слова утешения, согрел в ненастные дни и занимал в долгие зимние вечера. Милый, добрый друг — мой привет ему. Надеюсь, Вы не ревнуете к нему? Ведь Вы же сами признались мне, что и Вы тоже даже летом не можете обойтись без Него. <...>

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ

Золотой берег

У лукоморья дуб зеленый. Цепь, однако, не золотая, а железная, протравленная ржавчиной, прятала дуб, или дубок — как называют его обитатели Золотого берега, — неуклюже тупоносое рыбацье судно с двойным дном и зубастыми уключинами, к деревянному вбитому в песок колу. Дубок выставил свое деревянное брюхо под прямой удар золотых лучей солнца, — и длинная кисть лениво ползает по его жабрам, густо смазывая их смолой.

В двадцати шагах от запрокинувшейся кверху брюхом лодки лежат люди — пупами в небо, их животы и плечи тоже смазаны зеленой или черной глиной, а уключины пальцев лениво вытянуты вдоль бортов тела. И люди, и лодки берут солнечные ванны. Еще сотню шагов влево — и на торчащих из моря камнях (их называют здесь грядками) неподвижные фигуры людей с удочками, страстных бычкоистребителей, "злодеев царства водяного", как их называет одна из крыловских басен, на шее почти у каждого из рыболовов мокрый мешочек с наживкой, острохвостыми рачками или мелкой тюлькой. Рачков ловят сачком, а то и просто своими же трусиками, обмотанными снизу веревкой.

Злодеи водяного царства разбиваются на две партии. Одни работают длинными удилищами с длинной лесой; другие обыскивают впадины дна короткими "стрекачами", палками с приделанными к их концу двумя или тремя крючками. Дело в том, что бычок любит вести уединенную, почти отшельническую жизнь, забываясь в каменные щели-пещеры вблизи берега. Отсюда его и выдергивают крючки стрекачей.

Иные, более предприимчивые рыболовы, называвшиеся сотни крючков на длинной нити, называемой перементом (работают переметом обычно вдвоем), взяв в зубы с двух сто-

рон унизанную крючками нить, отправляются вплавь навстречу волнам. По пути они умудряются переговариваться, переметываться словами, не разжимая зубов, четырех челюстей, меж которых затянута концы снарядов.

Есть еще много способов напасть на рыбу, рыбищу и рыбешек. По ночам бурлит воду пестрыми свинцовыми пластинками, так называемым самодуром. Длинными, пятисотметровыми руками охватывает слева и справа весь берег японский невод, скипаси. Скипаси заставляет рыбу ткнуться носом в сеть, удариться о плоскость, пока она, ища выхода, не всплывет в мотню, в сетчатый мешок, откуда уж ей назад никак.

Здесь, на пляже, в золотых икрах песка, стоят пять-шесть деревянных грибов и десятки два коротеньких ванн. Под грибами черные тени, норывающие уползти и нырнуть внутрь влажного песка. На ваннах — зазывающие имена: Нина — Шурик — Арончик — Толя — Рая — Дуня.

Двое отцов семейств спускаются с горы к пляжу. В их руках — шесть или семь цепляющихся за пальцы маленьких ручонков.

— Вы знаете, Федор Абрамыч, "Дуня" — это вроде как символ: Д У Н Я; дураков у нас нет.

— Ну, а Я?

— Про вас, извините, никто и не подумал.

Вдалеке проплывает военное судно.

— Папочка, это что-то похожее на уют.

— Да, Наташенька, это вроде как для разглаживания волн. Чтобы нам легче было купаться.

Крохотный мальчик поймал майского жука. Он сидит голубыми трусиками в желтый песок и пробует оторвать у жука щупальцы и желтую элитру.

— Дядь, а дядь, я первомайского жучка спыймал.

Пара. Ей под тридцать, ему едва набеголо двадцать. Он откусил колючему рачку хвост и размахнулся удочкой, чтобы бросить крючок в воду.

Она:

— Сёма, море такое — умереть не очень хочется.

Сёма выплывает застрявшие меж губ рыжие волосики рачка.

— Сёма, слушай, Сёма, жить бы, умереть и попросить еще.

Сёма вытирает мокрые брови и отворачивается.

— Слушай, Сёма, будь я девушка, и если ты словишь хоть одного бичка.

— Здравствуйте, Клара Марковна.

— А, здравствуйте, без пиджака вас трудно узнать.

— Ну, как ваши? Пишут? А как ваши ноги?

— Благодарю вас. Ноги болят лучше. А ваша спина?

— Ее дело — быть сзади. Привет Марк Марковичу.

Рядом с зелеными трусиками лежит мешок, из полураскрытого полотняного рта которого торчит несколько огурцов. Сосед владелицы огурцов, раскачивая в такт словам ног, поучает:

— Огурчики надо покупать, когда с моря низовка, а чуть повеяло горишником — огурцу это не ндравится, он сразу морщинистый и желтый.

Мы все — купальщики. Всякий — в меру силы рук и в меру фантазии. Цена нам равная — со спортивной точки зрения. Даю краткий прейскурант:

а) *Плывущие враспашку*. На них полутрусика. Тела цвета дубовой коры. Бросаются не в воду, а прямо в горизонт. Бьют ладонями по волнам, по-дельфиньи ныряют — и через минуту они уже за линией бакенов. На берегу их терпеливо дожи-

дается недочитанная газета и коробка с папиросами.

б) *Лягушатники*. К этому классу пловцов принадлежу и я. Я, как и все мы — люди лягушачьего класса, — плыву, разводя руками врозь и толкая пятками воду вспять. Плыдем мы медленно, доплываем до деревянного поплавка с надписью "далее плыть воспрещено" и, искренне радуясь воспрещению, поворачиваем пятки к Трапезунду, а голову к прекрасному берегу Большого Фонтана. В десяти метрах от берега мы хлопаем себя по плечам, массируем свои ребра и пропускаем сквозь горло десяток глотков соленой воды.

в) *Окунальщики*. На каждой руке — по ребенку. Сзади, с берега, благословляющий жест толстогрудого иллы. Входят в море по пуп, окунают детей. Дети пищат и плачут. Возвращаются назад. Вместе и жены, и они растягивают простынями пухлые ребячьи тельца, обмывают им пяточки от приставшего ила и отползают назад, к деревянным грибам.

г) *Ладонщики*. Задом к Трапезунду — лицом к Одессе. Ладони уперлись в рыхлый песок, ноги взбивают буйную пену. Им кажется, что они плывут, что они уже пересекли море от берега к берегу. В глазах их восторг. Выйдя на берег, они ложатся лицом в песок и долго не могут наладить дыхание.

д) *Щиколотники*. Обычно это или пожилые люди, или дети, боящиеся волн, бьющих водой и пеной. Они входят в море по щиколотку. Они растерянно и робко улыбаются. Глаза их говорят: ты такое большое, такое сильное и синее, а я — варианты — такой уже слабый, или такой еще слабый; подожди, пока я умру, или подожди, пока я вырасту и стану большой, как волны.

е) *Брызгальщики*. У брызгальщика — жирное слоеное тело в поперечных складках. На левой руке черные часики. "Купаться? Нет, мне нельзя, я только так". Складчатый человек наклоняется над прибором и брызжет себе на лицо и на соски груди немножко соленых капелек. Он улыбается. Он почти счастлив. И он, как другие, почти купался в этом, за горизонт уходящем, шумном и синем море.

ж) *Не знаю, как назвать*. Мальчик Юра. Родители, лежащие в тени гриба, запретили ему даже близко подходить к мокрому морю. Ни-ни! Но мальчик подбегает к пенной оторочке волн, протягивает короткие руки, манит на себя волну и, когда она, шурша камешками, бежит на его зов, мальчик со смехом и вскриками страха отбегает назад и прячет лицо в коленях матери.

Ну вот, трусики мои высохли. Белеет парус, но он не ищет страны далекой, а возвращается назад к берегу. Я подымаюсь по крутой дорожке к трамвайной станции. Слева киоск со всякого рода водами. Но над окошком привычное, в одно слово: ВОДЫНЕТ.

Местные жители так и говорят: "В водынете воды нет".

Дальше идут куцые дачки. На одной из них — надпись пожелтевшая и ободранная: "Если вы страдаете запахом ног и их потением, можно избавиться из одного раза и навсегда. Просьба убедиться. Одесса, Средняя ул., 11".

Подымаюсь к станции трамвая, там сходятся большефонтанные и одесские вагоны. Тут, у стыка, два крохотных буфета. Официантка перебегают от стойки к стойке: "Веранда, вы, веранда, разменяйте рубль". На грязноватых подмостках — грязнувшие бутерброды с надписью: "Домашка — 67 коп. за одну". Под домашку запрокидываются стаканы с водкой. Старик-рыбак закусывает не только домашкой, но и хамсой.

На крутом подъеме от моря к трамвайной станции — длинный, стоящий боком к пляжу дом. Тут вода всегда есть, потому что это заведение морских ванн, трубы которого глотают влагу прямо из моря. И полная краснолицая женщина, заведующая ванными процедурами, в день особого — чаще всего по праздникам — наплыва посетителей то и дело вторгается в длинную очередь у окошка кассы и кричит: "Товарищ касса, прекратите билеты. Ну, хоть на четверть часа, их столько, что на них Черного моря не хватит!"

Лето 1939

Публикация Веры КАЛМЫКОВОЙ и Вадима ПЕРЕЛЬМУТЕРА.

Специально для жителей жилмассива Таирова
учебный комплекс «Тиква» - «Ор Самеах»

объявляет набор
в детский сад и 1-й класс

(филиал школы расположен
на ул. Ильфа и Петрова, 38).

Справки по тел.:

777-15-64, 34-07-19, 731-10-67

Лицензия АБ № 117142 от 19.01.2005 г.

ПРОЗЕВАННЫЙ ГЕНИЙ

Анна БОВШЕК:

ГОРОД ДОБРЫЙ. ГОРОД ЗЛОЙ...

...Сегодня трудно представить себе, что двадцать лет назад имя "Сигизмунд Кржижановский" было известно едва ли десятку людей. О том, как началось его возвращение в литературу, писалось много раз, но всегда хочется сделать это снова. Рассказать о том, как не удавалось ему напечатать книги в 1920-е или в 1930-е годы, — ну разве что самые крохи; о том, как любили и ценили его современники из самых придирчивых. Как этого "писателя для писателей", волею судьбы десятилетиями не имевшего выхода к читателю, постигла немота — сначала фигуральная, "писательская", затем и буквальная, болезненно-человеческая... Как много после смерти Кржижановского Вадим Перельмутер, заинтересовавшись дневниковой записью Георгия Шенгели о "прозеванном гении", отправился в — тогда еще — ЦГАЛИ посмотреть его рукописи. Как до прозрачности был зачитан студентами МГУ экземпляр самой первой книги "Воспоминания о будущем" (1989 г.)...

Собрание сочинений С.Д. Кржижановского, которое выпускает петербургское издательство "Symposium", сегодня почти закончено: на подходе — последний, пятый том.

Не было бы у писателя и посмертной славы, когда бы не жена, актриса Анна Гавриловна Бовшек. Он не принадлежал к тем, кто "женится на своей вдове"; но она была и навсегда осталась верна его творчеству — в самом высоком смысле. И после его смерти позаботилась, чтобы рукописи не погибли, остались в архивах. Благодаря ей мы получили русского писателя европейского класса, а он — обрел, наконец, читателей. Поздно, но все-таки — не "никогда".

В 1920–1930-е гг. так часто, как только удавалось, Анна Бовшек приезжала в Одессу, навещала мать и родственников, грелась в лучах своего родного южного солнца. Москву она не любила, считала ее — почти всерьез — виновницей несчастий Сигизмунда Доминиковича. Разлучаясь, они переписывались. Весь корпус писем увидит свет в пятом томе. Здесь — только несколько отрывков из писем А.Г. Бовшек (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 2, е. х. 1), лишь штрихи: к автопортрету, к портрету города и — любимого человека.

18 июня 1923

Мой добрый-добрый, мой хороший друг, бесконечно обрадовалась Вашему письму, беру его с собой к морю, в степь, и стараюсь из-за строк видеть Вас. <...> Я живу в разоренной дикой местности: на версту кругом ни чернил, ни пера, ни бумаги. <...> ...оставшись без почтовых принадлежностей, почувствовала себя так, как чувствуют себя матросы, убедившись, что на корабле не осталось ни капли воды для питья. Листы, на которых я пишу сейчас, достались мне почти с такой же трудностью, с какой они достаются выброшенным на необитаемый остров, так что, при Вашем воображении, мой конверт, вероятно, покажется Вам бутылкою! <...> Событий со мной не происходит никаких. В городе я не была и не буду до самого отъезда, никого, кроме своих, не вижу, но оттого, должно быть, что я отдохнула, чувствую себя так, как будто у меня впереди радостная и важная работа, к которой нужно как можно скорей приступить. Первые

две недели я ни о чем не думала, было жарко, легко, спокойно, и я просто дремала, а сейчас много, много и часто думаю о Вас, думаю неясно, радостно и с благодарностью, думаю о Москве и, конечно, немного нервничаю. Не хочется оторваться от моря и хочется Ваших глаз, умных и добрых, хочется Вашего голоса и я, о ужас! летом в мою любимую жару считала дни. <...> Хорошо тут так, что я все время думаю о том, что за такую красоту и радость можно зимой и пострадать, если суждено за все платить. Я часто вспоминаю, как Вы, сидя у окна Студии, советовали мне чаще смотреть на Москвареку, чтобы сохранить радость от нее и для зимы, а я все время думаю о том, что Вас нет здесь и что Вы-то больше чем кто-либо могли бы насладиться морем и солнцем, и Вам не мешало бы очиститься от московской скверны. Только, милый, здесь надо "хорошо лениться", а я теперь вижу, что ничего не делать и лениться это тоже трудно, так как я часто не знаю, где кончается беспечная радостная

лень и начинается острая, тревожная, страшная тоска. Она здесь усиливается еще и тем, что нигде и никогда я не видела такого контраста между красотой природы и безобразием человеческих дел. Уцелевшие жилища такая редкость, что не развалины, а они вызывают жалость и недоумение. И все же мне хотелось, чтобы Вы все это видели... <...> Ну, теперь скоро... Будьте здоровы, родной, да хранит Вас Господь.

Ваша Нета

<без даты>

Мой добрый, родной, если б Вы знали, как мне хорошо сейчас. Я только все время думаю, что за такую радость и покой, должно быть, жестоко придется расплачиваться. Но пусть... Никаких мыслей в голове; солнце сделало меня совсем здоровой и счастливой. <...>

Представьте мое огорчение, милый, когда я узнала, что теперь на Фонтане нет почты и письма не приносят на дом. Мне все кажется, что Вы уж написали мне и теперь письмо начнет странствия. Пишите, родной, по такому адресу: Одесса, Раскидайловская, 8, кв. 9. <...>

<без даты>

Милый, родной мой Зимек, как Ваши дела? Мысли о Вас туманят горизонт моего бездумья. <...>

У нас здесь, на Фонтане, все как будто по-прежнему и вместе не по-прежнему. Пустые дачи... все мысли, дела и надежды сосредоточены на будущих уроках. Напряжение сил огромное, такое, как бывает, когда ставка — жизнь. Я после зимы сразу почувствовала себя ослабевшей и не могу еще собрать себя как следует. Начала работать, но словно сквозь сон... Чувствую, что силы мои восстановятся скоро, потому что, хотя и нашим очень трудно, — питаюсь я все же регулярно, чем в Москве, а главное — солнце и море, которые действуют на меня чудесно. Вода теплая, погода ровная, хорошая. Пожалуй, слишком жарко. Боюсь, что не доживу до сентября, так как не хочется быть в тягость, а жизнь невероятно дорога. Пока решила об этом не думать и каждый грамм сил и здоровья копить впрок. <...>

<без даты>

Мой милый, милый, добрый друг, сегодня неделя, как я приехала, и первый день, когда я предоставлена самой себе. Все время живу на даче, но как-то не чувствовала ее, так как у

мамы окончились занятия, и все время к нам приезжали с прощальными пикниками. Я старалась быть любезной и помогала в хозяйстве, а Вы знаете, как я это люблю... Но сейчас все уехали в город, тихо, радостно, и я с удовольствием думаю о том, что через несколько часов станет прохладно, я пойду в Люстдорф, море будет слева, степь справа, потом опущу письмо в ящик, и оно пойдет к Вам. Произойдет "смычка" между Москвой и Одессой.

Кстати, украинское население очень смущено словом "смычка", т. к. украинский глагол "смыкати" значит "очищать".

<...> Мне пока сейчас очень хорошо, живу в состоянии бездумности, бездеятельности и беспечности, но все эти три "без" я себе спокойно разрешаю, потому что летом в Одессе все так живут, так что никто ни видом, ни делом не может послать мне упрека. Одесса понемножку разрушается, но это стало ее особенным состоянием, пока тихо, безмятежно — и прежней кипучей жизни в порту еще, по-видимому, нескоро суждено возродиться. <...> Будьте благословенны.

Ваша Нета.

Одесса Больш. Фонтан Станция
Ковалевская Дача Бовшек
Анне Гавр. Бовшек

14 июня 1924

Зимик, Зимик — нехорошо так долго молчать. Я очень хорошо знаю состояние, когда не пишется, но и тут можно как-то овладеть собой. Я понимаю, что Вам нечего беспокоиться обо мне, но письмо мне нужно не ради меня, т. е. я хочу знать — о Вас, а не о себе. Остались Вы и без денег, и без работы и, конечно, меня точит мысль о Вас. Солнце, море и все вокруг так же чудесны, как в прошлом году, но какой-то легкости, какая была в прошлом году, нет, — быть может, я обнаглела и не так страстно ощущаю природу и отдых, а быть может, что-нибудь предощущаю... хотя нет — и тревоги нет... сказала бы, совсем живу бездумно, если бы не думала о Вас... Вчера ходили с компанией гулять далеко-далеко, на обратном пути зашли в Люстдорф выпить пива... вдруг за соседним столиком Ценин с какой-то дамой... что он делает в Люстдорфе, не понимаю; он что-то болтал о рыбном промысле, будто поселился на берегу, как рыбак, в шалаше, и стал ловить рыбу с кем-то в компании, потом будто их разогнали, и так

кончилась его трудовая жизнь. В качестве нетрудового элемента он по-видимому чувствует себя тоже хорошо... толст и весел. <...>

Ваша Нета.

Одесса Б. Фонтан 16 станция

6 августа (?)

Зимек, друг мой, — надо писать, хоть разбирает лень; не то следующий почтовый пароход, пожалуй, не застанет Вас в Коктебеле... Расставшись с Вами, я сразу впала в молчание... <...> В последнюю ночь плаванья поднялся хороший ветер, и, наконец, настала пора качки, к которой Вы взывали. Пассажиры присмирели и стали с нетерпением ждать Одессы. Приехали в 6 часов утра. Небо черное от туч, море черное от волн и проливной холодной дождь. Бедный Мандес, во все время своих странствий ни разу не раскрывавший зонта и добросовестно таскавший его, в самую нужную минуту отдал зонт мне. Пришлось взять — так как он действовал энергичными убеждениями, и я поняла, как важно и хочется ему быть джентльменом. Теперь боюсь за него — с тех пор не видела, — несмотря на его огромный зонт и пальто, я вымокла, пока добралась... <...> Как назло, в порту нет прикрытия, а в город извозчик едет шагом по мокрой горе. Дня три в Одессе было холодно — сейчас неясная, мягкая, теплая погода, которую я особенно ценю после кавказской жары. В голову появились мысли — и пока неплохие... Я на юге начала было побаваться хронического отупения... <...>

Милый Зимек, как чувствуете себя Вы, как встретились с Макс<имилианом> Ал<ександровичем>? Кто из Ваших знакомых живет там и как Ваше настроение? Читали ли Вы что-нибудь из своих работ у М. А.? Поминаете ли Вы меня и как? Должно быть, Ваша подруга сейчас "задумчивая лень" — да будет она благословенна и верна Вам во все дни отдыха... <...>

Пока целую Вас нежно и крепко.

Ваша Нета.

<без даты>

Мой милый, милый, мой добрый друг; из того, что я пишу Вам, Вы можете смело умозаключить, что со мной не произошло никакой катастрофы в дороге. От Киева до Одессы становилось все холоднее, так что на Фонтане меня встретила совсем суровая погода. Солнце сконфуженное и запрятавшееся в тучи... Правда, оно смеется с каждым днем и начинает греть понемногу. Вчера я уже купалась и делала вид, что лежу на солнце, но загара не произошло. <...> Сейчас материальные дела наших неплохи, но зимняя кампания у них была настолько тяжелой, в смысле безденежья, что они чинят старые проре-

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Энергия и эклектика Ильи Шенкера

В свои 85 лет Илья Шенкер говорит, что ежедневно проходит около десяти километров. Утром он выходит из своей манхэттенской квартиры на 33-й и Лексингтон и идет на север кварталов 20-30. Маршрут, по его словам, определяется световыми сигналами. Иногда поворачивает на запад, к Гудзону, иногда на восток, к Ист-Ривер. "Движение помогает сохранять бодрость и здоровье, — говорит он. — Я уже не помню, когда был у врача". Помимо многокилометровых прогулок бодрость ему помогает сохранять купание в океане. Илья рассказывает, что начинает сезон в начале апреля и купается до начала декабря. Он начал такие купания еще в Одессе и сохраняет верность "моржовому" образу жизни в Нью-Йорке.

В нью-йоркской галерее "Грант" прошла выставка работ Ильи Шен-

кера, в которой, как в зеркале, отразилась география жизни художника — от солнечного одесского пляжа до размытых вечерним туманом силуэтов манхэттенских небоскребов.

Илья родился в Одессе, после войны поступил на архитектурный факультет строительного института, а параллельно посещал занятия в Грековском училище. Получив диплом архитектора, он отдал этой профессии всего несколько лет, предпочтя ей труд художника. "За моим выбором стоял обычный человеческий эгоизм, я хотел делать то, что люблю, — объясняет художник. — И я никогда не стремился чему-то научить своего зрителя, объяснить ему что-то. Если бы я пошел по этому пути, то уж точно не смог бы делать то, что мне нравится". Его собственный художественный язык сформировался под влиянием очень разных мастеров. Это Леонардо да Винчи, Ремб-

рандт, Суриков, Серов и Врубель. "Суриков для меня бог", — признается он, и это признание в любви созвучно другому — пристальному интересу к мировой истории. "Я вырос в русской культуре, и мне всегда была близка русская образность. Точно так же мне интересны темы Ветхого Завета. В США, где я стал больше узнавать об американской истории, увлекся и ею. Это все — история человечества, наша история".

Еще одним живительным источником вдохновения была Одесса. "Для меня Одесса — это бульвар, круглые дома, лестница. То, что зовется одесским ампиризм, — легкая, южная архитектура. К сожалению, она недалеко ушла за пределы бульвара. Если бы это произошло, то Одесса мало отличалась бы от лучших городов Средиземноморья".

После отъезда в 1974 году Шенкер побывал в Одессе всего лишь

раз — в 1988-м. "Тогда город еще мало изменился по сравнению с теми временами, когда я его покинул, — вспоминает он. — После того визита я не испытывал большого желания посетить его. То лучшее, что в нем есть, живет в памяти. Мне этого хватает". То лучшее, что живет в памяти, помимо воли художника покидает реальную жизнь.

В бруклинской студии Шенкера я увидел небольшую работу, которая неожиданно вызвала у меня ностальгическое чувство, — уголок Нового базара: старые скобяные, как их называли, лавки; деревянные стены, крашенные зеленой и коричневой краской, листы крашеной жести на крыше; серьезные мужчины в кепках и ватниках, сосредоточенно считающие пачки рубчиков; полутемные сырые внутренности помещений, где каждый гвоздь, каждый обернутый промасленной бумагой инструмент

— клещи, молоток, отвертка — не были предметом быстрого, разового использования, а представляли собой пожизненную ценность. Сейчас это мир уничтожен, застроен тесным лабиринтом бетонных стен, забит бросовым товаром южноазиатского производства, от многоцветья которого рябит в глазах.

Возможно, ностальгическая тема получила бы большее развитие в творчестве Шенкера, окажись он в другом городе, но эмиграция занесла его в Нью-Йорк. "Я все чаще смотрю вверх, — рассказывает он. — Эти силуэты высотных домов, эти стеклянные кубы и башни невероятно захватывают. Это как другой мир. Как это сочетается с моей любовью к одесскому ампиру? Очень просто. Здесь, в Нью-Йорке, двигаясь по улице, ты часто натыкаешься на здания, которые вполне вписались бы в одесский городской пейзаж".

Эклектика и энергия — две, вероятно, наиболее выраженные черты, присущие Нью-Йорку. Они в полной мере присущи жизни и творчеству Ильи Шенкера.

НРСлово

хи. <...> Деньги приносят на дом и паспорта не спрашивают. Оказалось, что удостоверения у всех просрочены, так что мы все одинаково грешны, но это не играет роли. <...>

Меня мучит то, что самый благополучный из периодов моей жизни каждого года совпадает с Вашим самым неблагополучным, и моя беспомощность в этом вопросе меня убивает. <...> Знаю, что ничего хорошего не предвиделось, но ведь спасение от клещей всегда у нас с Вами нежданно и не с той стороны, где ожидали. <...>

14 августа (?)

<...> "...иду на вы!" Думаю я выехать 28-го, в пятницу, значит, в воскресенье, 30-го буду в Москве. <...> Чувствую, что я, как говорится, одной ногой уже

если не в Москве, то на вокзале. Такому ощущению способствует и резко изменившаяся погода. Только-только <было> тепло, а ветер уже гонит перед собой желтые листья, забирается в трубы и поднимает на море волны. Не рискуя купаться: вода теплее воздуха. Я с жадностью хватаюсь за последние лучи солнца и голубые куски неба. Говорят, что такая погода бывает здесь только в конце сентября, в начале октября. Ваш соперник — солнце — совсем бессилён, он не удержал бы меня и двух дней, если б ему не помогали все наши. Когда я думаю о Москве, я чувствую большую, большую радость от встречи с Вами и в то же время знаю, что попаду в тучу мелких забот, которые кусают меня, как комары или москиты... Ну, что же, за все надо платить!.. Прощай, фонтанское солнце! свети,

московское!!! (чтоб было легче московскому, я поставила три восклицательных знака за ним). <...>

18 августа (?)

<...> Как встретила Вас Москва?.. Брюзгливая, недобрая старуха — она всегда готовит какой-нибудь сюрприз, и я, приближаясь к ней, стараюсь угадать: какой... всегда тревожно. На этот раз осенние новости хороши, и я приободрилась. Любимый мой, Вы знаете: если Вам будет хорошо, должно быть хорошо и мне. Мы столько раз сдвигались бокалами с вином в одном и том же желании, что, может быть, в конце концов, мечта обратится в реальность. Виделись ли Вы с Евдоксией Федоровной и что слышно по поводу Ваших тех книг. Каково на том

фронте? Что узнали от Сергея Дмитриевича и от "Земли и Фабрики", виделись ли с Нарбутом? Все это меня чрезвычайно волнует. Хорошо было бы сейчас сидеть на диване, держать Вашу руку, следить за прыгающей над бровью мыслью и слушать подробно-подробно — что Вам сказали и как Вы ответили. <...>

Говорят, в Москве ужасная погода... <...> Здесь, напротив, погода установилась, дни стоят нежные, мягкие, ночи теплые, море фосфоресцирует, и я по вечерам держу в руках его черную блестящую пену... Милый, горячо-горячо целую Вас. Ваша Нета.

25 августа (?)

<...> Волнуясь перед отъездом, как школьница... Но это всякий раз,

когда мне приходится надолго расставаться с морем. Одесса на этот раз была мне особенно дорога, и я думаю — исключительно потому, что я перед ней получила для души пищу и потому что рассталась с Вами только на месяц. Больше всего я рада душевному равновесию — последние годы оно было самым уязвимым моим местом. Зимек, милый, защитите меня в Москве.

Привет моему доброму другу, господину Жилету. Он всегда в трудные минуты находил для меня слова утешения, согрел в ненастные дни и занимал в долгие зимние вечера. Милый, добрый друг — мой привет ему. Надеюсь, Вы не ревнуете к нему? Ведь Вы же сами признались мне, что и Вы тоже даже летом не можете обойтись без Него. <...>

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ

Золотой берег

У лукоморья дуб зеленый. Цепь, однако, не золотая, а железная, протравленная ржавчиной, прятала дуб, или дубок — как называют его обитатели Золотого берега, — неуклюже тупоносое рыбацье судно с двойным дном и зубастыми уключинами, к деревянному вбитому в песок колу. Дубок выставил свое деревянное брюхо под прямой удар золотых лучей солнца, — и длинная кисть лениво ползает по его жабрам, густо смазывая их смолой.

В двадцати шагах от запрокинувшейся кверху брюхом лодки лежат люди — пупами в небо, их животы и плечи тоже смазаны зеленой или черной глиной, а уключины пальцев лениво вытянуты вдоль бортов тела. И люди, и лодки берут солнечные ванны. Еще сотню шагов влево — и на торчащих из моря камнях (их называют здесь грядками) неподвижные фигуры людей с удочками, страстных бычкоистребителей, "злодеев царства водяного", как их называет одна из крыловских басен, на шее почти у каждого из рыболовов мокрый мешочек с наживкой, острохвостыми рачками или мелкой тюлькой. Рачков ловят сачком, а то и просто своими же трусиками, обмотанными снизу веревкой.

Злодеи водяного царства разбиваются на две партии. Одни работают длинными удилищами с длинной лесой; другие обыскивают впадины дна короткими "стрекачами", палками с приделанными к их концу двумя или тремя крючками. Дело в том, что бычок любит вести уединенную, почти отшельническую жизнь, забываясь в каменные щели-пещеры вблизи берега. Отсюда его и выдергивают крючки стрекачей.

Иные, более предприимчивые рыболовы, называвшиеся сотни крючков на длинной нити, называемой перементом (работают переметом обычно вдвоем), взяв в зубы с двух сто-

рон унизанную крючками нить, отправляются вплавь навстречу волнам. По пути они умудряются переговариваться, переметываться словами, не разжимая зубов, четырех челюстей, меж которых затянута концы снарядов.

Есть еще много способов напасть на рыбу, рыбищу и рыбешек. По ночам бурлит воду пестрыми свинцовыми пластинками, так называемым самодуром. Длинными, пятисотметровыми руками охватывает слева и справа весь берег японский невод, скипаси. Скипаси заставляет рыбу ткнуться носом в сеть, удариться о плоскость, пока она, ища выхода, не всплывет в мотню, в сетчатый мешок, откуда уж ей назад никак.

Здесь, на пляже, в золотых икрах песка, стоят пять-шесть деревянных грибов и десятки два коротеньких ванн. Под грибами черные тени, норывающие уползти и нырнуть внутрь влажного песка. На ваннах — зазывающие имена: Нина — Шурик — Арончик — Толя — Рая — Дуня.

Двое отцов семейств спускаются с горы к пляжу. В их руках — шесть или семь цепляющихся за пальцы маленьких ручонков.

— Вы знаете, Федор Абрамыч, "Дуня" — это вроде как символ: Д У Н Я; дураков у нас нет.

— Ну, а Я?

— Про вас, извините, никто и не подумал.

Вдалеке проплывает военное судно.

— Папочка, это что-то похожее на уют.

— Да, Наташенька, это вроде как для разглаживания волн. Чтобы нам легче было купаться.

Крохотный мальчик поймал майского жука. Он сидит голубыми трусиками в желтый песок и пробует оторвать у жука щупальцы и желтую элитру.

— Дядь, а дядь, я первомайского жучка спыймал.

Пара. Ей под тридцать, ему едва набеголо двадцать. Он откусил колючему рачку хвост и размахнулся удочкой, чтобы бросить крючок в воду.

Она:

— Сёма, море такое — умереть не очень хочется.

Сёма выплывает застрявшие меж губ рыжие волосики рачка.

— Сёма, слушай, Сёма, жить бы, умереть и попросить еще.

Сёма вытирает мокрые брови и отворачивается.

— Слушай, Сёма, будь я девушка, и если ты словишь хоть одного бичка.

— Здравствуйте, Клара Марковна.

— А, здравствуйте, без пиджака вас трудно узнать.

— Ну, как ваши? Пишут? А как ваши ноги?

— Благодарю вас. Ноги болят лучше. А ваша спина?

— Ее дело — быть сзади. Привет Марк Марковичу.

Рядом с зелеными трусиками лежит мешок, из полураскрытого полотняного рта которого торчит несколько огурцов. Сосед владелицы огурцов, раскачивая в такт словам ног, поучает:

— Огурчики надо покупать, когда с моря низовка, а чуть повеяло горишником — огурцу это не ндравится, он сразу морщинистый и желтый.

Мы все — купальщики. Всякий — в меру силы рук и в меру фантазии. Цена нам равная — со спортивной точки зрения. Даю краткий прейскурант:

а) *Плывущие враспашку*. На них полутрусика. Тела цвета дубовой коры. Бросаются не в воду, а прямо в горизонт. Бьют ладонями по волнам, по-дельфиньи ныряют — и через минуту они уже за линией баке-нов. На берегу их терпеливо дожи-

дается недочитанная газета и коробка с папиросами.

б) *Лягушатники*. К этому классу пловцов принадлежу и я. Я, как и все мы — люди лягушачьего класса, — плыву, разводя руками врозь и толкая пятками воду вспять. Плы-вем мы медленно, доплываем до деревянного поплавка с надписью "далее плыть воспрещено" и, искренне радуясь воспрещению, поворачиваем пятки к Трапезунду, а голову к прекрасному берегу Большого Фонтана. В десяти метрах от берега мы хлопаем себя по плечам, массируем свои ребра и пропускаем сквозь горло десяток глотков соленой воды.

в) *Окунальщики*. На каждой руке — по ребенку. Сзади, с берега, благословляющий жест толстогрудого иллы. Входят в море по пуп, окунают детей. Дети пищат и плачут. Возвращаются назад. Вместе и жены, и они растягивают простынями пухлые ребячьи тельца, обмывают им пяточки от приставшего ила и отползают назад, к деревянным грибам.

г) *Ладонщики*. Задом к Трапезунду — лицом к Одессе. Ладони уперлись в рыхлый песок, ноги взбивают буйную пену. Им кажется, что они плывут, что они уже пересекли море от берега к берегу. В глазах их восторг. Выйдя на берег, они ложатся лицом в песок и долго не могут наладить дыхание.

д) *Щиколотники*. Обычно это или пожилые люди, или дети, боящиеся волн, бьющих водой и пеной. Они входят в море по щиколотку. Они растерянно и робко улыбаются. Глаза их говорят: ты такое большое, такое сильное и синее, а я — варианты — такой уже слабый, или такой еще слабый; подожди, пока я умру, или подожди, пока я вырасту и стану большой, как волны.

е) *Брызгальщики*. У брызгальщика — жирное слоеное тело в поперечных складках. На левой руке черные часики. "Купаться? Нет, мне нельзя, я только так". Складчатый человек наклоняется над прибором и брызжет себе на лицо и на соски груди немно-го соленых каплей. Он улыбается. Он почти счастлив. И он, как другие, почти купался в этом, за горизонт уходящем, шумном и синем море.

ж) *Не знаю, как назвать*. Мальчик Юра. Родители, лежащие в тени гриба, запретили ему даже близко подходить к мокрому морю. Ни-ни! Но мальчик подбегает к пенной оторочке волн, протягивает короткие руки, манит на себя волну и, когда она, шурша камешками, бежит на его зов, мальчик со смехом и вскриками страха отбегает назад и прячет лицо в коленях матери.

Ну вот, трусики мои высохли. Белеет парус, но он не ищет страны далекой, а возвращается назад к берегу. Я поднимаюсь по крутой дорожке к трамвайной станции. Слева киоск со всякого рода водами. Но над окошком привычное, в одно слово: ВОДЫНЕТ.

Местные жители так и говорят: "В водынете воды нет".

Дальше идут куцые дачки. На одной из них — надпись пожелтевшая и ободранная: "Если вы страдаете запахом ног и их потением, можно избавиться из одного раза и навсегда. Просьба убедиться. Одесса, Средняя ул., 11".

Поднимаюсь к станции трамвая, там сходятся большефонтанные и одесские вагоны. Тут, у стыка, два крохотных буфета. Официантка перебегают от стойки к стойке: "Веранда, вы, веранда, разменяйте рубль". На грязноватых подмостках — грязнувшие бутерброды с надписью: "Домашка — 67 коп. за одну". Под домашку запрокидываются стаканы с водкой. Старик-рыбак закусывает не только домашкой, но и хамсой.

На крутом подъеме от моря к трамвайной станции — длинный, стоящий боком к пляжу дом. Тут вода всегда есть, потому что это заведение морских ванн, трубы которого глотают влагу прямо из моря. И полная краснолицая женщина, заведующая ванными процедурами, в день особого — чаще всего по праздникам — наплыва посетителей то и дело вторгается в длинную очередь у окошка кассы и кричит: "Товарищ касса, прекратите билеты. Ну, хоть на четверть часа, их столько, что на них Черного моря не хватит!"

Лето 1939

Публикация Веры КАЛМЫКОВОЙ и Вадима ПЕРЕЛЬМУТЕРА.

Специально для жителей жилмассива Таирова
учебный комплекс «Тиква» - «Ор Самеах»

объявляет набор
в детский сад и 1-й класс

(филиал школы расположен
на ул. Ильфа и Петрова, 38).

Справки по тел.:

777-15-64, 34-07-19, 731-10-67

Лицензия АБ № 117142 от 19.01.2005 г.

Лада ПРОКОПОВИЧ

МЫШЬ

1

В деканате завелась мышь. Декан, никак не ожидавший такой провокации во вверенном ему подразделении, поделился горем с подчиненными:

— Представляете, эта зараза сожрала все мои конфеты! Сегодня утром прихожу, открываю коробку, а там остался только один вот такусенький огрызок!

Встретив сочувственные взгляды, декан немного успокоился.

— Конечно, — рассудительно произнес его заместитель, — если бы огрызков осталось больше, было бы не так обидно...

— Представляю, — задумчиво сказала секретарша, — приходит мышь, открывает коробку, съедает конфеты, закрывает коробку и уходит...

— Да что вы к словам цепляетесь! — возмущился декан. — Ну... не открыл я коробку — она была приоткрыта... Какая разница? Конфеты ж она все равно сожрала!

Однако, как ни убивался декан по своим конфетам, он смог простить их этой мелкой твари. Простил и разбросанные документы на своем столе. Простил даже кал на этих документах — прямо на подписи ректора (да, согласна, вопиющее святотатство! Но он ей простил).

А вот когда декан заметил, что эта мерзавка точит книги, он объявил ей войну.

Вечером он позвонил другу:

— Привет, мин херц. Мне нужна твоя мышеловка.

На том конце провода — тишина.

После паузы:

— Кого ты имеешь в виду?

— Да не "кого", а "что"! Мышеловку.

Пауза.

— Ну, не знаю... есть ли она у меня...

— Должна быть.

Пауза.

— Ты уверен?

— Ну да. Мы ж в прошлом году с тобой на Привозе ее покупали. Там

еще дедуля такой оригинальный ходил и кричал: "Мышеловка! Первый сорт! Бьет врага беспощадно!". А у меня на работе как раз такой враг завелся.

— Да-да, вспоминаю... Надо поискать в подвале...

— Поищи, поищи. Завтра я к тебе зайду.

2

В старину говорили, что в жизни человека есть часы, которые не идут в счет определенного судьбой срока. Если это так, то время, проведенное деканом за разглядыванием мышеловки, как раз и было таким чудесным моментом.

Забыв обо всем на свете, забыв даже о губительном предназначении этого достижения человеческой мысли, декан с увлеченностью девятилетнего ребенка щелкал пружиной и наблюдал за слаженной работой всех деталей механизма. Вызывал восхищение точно рассчитанный изгиб крючочка, заставляла удивляться упругость стальной пружины... И все это математически строго, красиво, мощно! "Вот, — думал декан, — наглядный пример того, что в технике простота граничит с genialностью!"

Но тут его взгляд упал на превратившийся в труху учебник по теории машин и механизмов, и он вслух злобно добавил:

— На механизмы посягнула — от механизма и погибнешь!

В этот момент за окном злое похлынула молния (это зимой-то!), и по стене скользнула тень декана с какими-то странными рожами на голове. Далее по правилам жанра должно было последовать люциферское "Ха-ха-ха-ха!", но... не последовало. Зазвонил телефон, и декан погрузился в повседневную рутину, забыв на время о своей подопечной.

3

А спустя несколько дней он снова жаловался трудовому коллективу:

— Ума не приложу, что делать. Эта диверсантка не идет в мышеловку!

— Ее можно понять, — тихо усмехнулся замдекана.

Декан, не расслышав смешка (или сделав вид, что не расслышал), продолжал на своей волне:

— Как бы ее туда завлечь?

— А что вы ей туда кладете? — поинтересовалась секретарша.

— Как что? Сыр, конечно!

— Тома и Джерри" насмотрелись?

— то ли спросил, то ли констатировал замдекана.

— А что?

— Да не едят наши мыши сыр!

Левый глаз декана начал нервно подергиваться. Пытаясь его усмирить, декан левой рукой приподнял очки, а правой был готов задушить своего заместителя.

— Что ж ты раньше-то молчал?! — прошипел он.

— Вы не спрашивали.

— Пока я ее тут сыром соблазнял, она у меня весь "Сопромат" погрызла!

Декан запустил руку в карман и вытащил оттуда горсть мелких бумажек. Тихо и безнадежно посыпался на пол бумажный снег. На отдельных снежинках можно было прочитать "ение", "нагруз", "эпюра", "Q=dM/dx", "балка"... Слова, священные для каждого технически образованного человека. Уравнения, заставляющие учащено биться сердце любого лирика от физики... Разве какая-то серая (серая!) мышь может это понять? Разве это ушербное существо способно вздрогнуть от словосочетания "изгибающий момент" или, скажем, "балка с защемленным концом"? Впрочем, насчет защемленного конца — это мы еще посмотрим!

— А что же они едят? — спросил декан, с тоскою глядя на обрывки великого учения. — Кроме книг, конечно...

— Сало, — последовал ответ. — Копченое.

— Ого!

— Я же вам говорю — наши мыши!

4

Постепенно выяснилось, что мыши (или только эта сволочь?) не едят ни

сыр, ни сало, ни колбасу, ни крабовые палочки, ни чипсы...

— А может, ее на конфеты ловить?

— предложил замдекана. — Она ж тогда у вас всю коробку съела.

— Нет! — запротестовала секретарша. — На конфеты лучше меня ловите!

Лица мужчин на секунду (только на секунду!) озарились лукавым огоньком, но тут же потухли и приняли вполне деловое, официальное выражение.

— Так тебе к конфетам еще и шампанского захочется, — заметил декан.

— Идея! — воскликнул заместитель.

— А может, и этой (кивок в сторону книжного шкафа) налить?

— Ну, знаете! — развел руками декан.

— А что? Сыр, конечно!

— Накапаем ей пять капель... а под водочку, глядишь, и сало пойдет...

— Тебя послушать, так создается впечатление, что наша цель — не убить ее, а накормить!

— Тоже вариант! — все больше вдохновлялся заместитель. — Если не получится уничтожить, попробуем договориться.

— С кем??

— С мышью. Я когда в армии служил, у меня тоже была такая подружка. Я ж был художником-оформителем, и мне выделили каптерку, чтобы я там рисовал стенгазеты и боевые листки. А тут повадилась одна... То ватман погрызет, то в краски нагадит, подлое животное. Бился я с ней, бился... А потом стал подкармливать. Поставил, так сказать, на довольствие в Советскую Армию. Все ж лучше, чем вредительство...

— Правильно, — вставилась секретарша. — Как гласит восточная мудрость, если не можешь задушить — обними, не можешь запретить — возглавь.

Декан молитвенно возвел глаза куда-то вверх (то ли к иконе Христа Спасителя, то ли к диплому победителей КВН) и испустил мученический вздох.

— В любом случае, — не унимался заместитель, — ее легче будет брать в состоянии алкогольного опьянения.

— И что потом будем с ней делать?

— спросил декан, уже не имея сил возражать.

— Ну... не знаю... отдадим коту...

— Какому?

— Да хоть бы Мурчику. Он почти каждый день ко мне заходит.

— Чтобы потом еще и кот был в состоянии алкогольного опьянения?!

— Ну... тогда я не знаю, — сдался

замдекана. Наступило тягостное молчание. Кто о чем в этот момент думал — неизвестно. Но декан вдруг заговорил официальным тоном.

— Шутки шутками, — сказал он, — но она уже приступила к протоколам наших заседаний за прошлый год.

— Нет! — раненой чайкой вскрикнула секретарша.

— Да, — холодно отрезал декан и вышел из приемной.

5

Став лицом заинтересованным, секретарша вложила весь свой профессиональный талант в решение этой проблемы. Она обзвонила подруг, проконсультировалась с соседями, заглянула в интернет... И уже через три дня преподнесла шефу рецепт:

— Нужна кошка.

Декан поглядел на нее поверх очков и утомленным придушенным голосом произнес:

— Надюша, этот вариант мы уже обсуждали. Мурчик на нее не ведется.

— В том-то и дело! Мурчик — кот. А нам нужна кошка.

— Гм... интересно, — оживился декан. — А где же мы возьмем кошку?

— Да найдем уж где-нибудь, — с оптимизмом сказала секретарша.

— Главное, что средство — надежное.

6

И действительно, средство оказалось надежным. Не прошло и двух дней, как мышь исчезла.

А спустя два с половиной месяца декан самозабвенно нянчился с целым выводком котят и еще более самозабвенно проклинал Мурчика (расцветка одного котенка давала все к тому основанию).

На дверях деканата появилось объявление интригующего содержания:

Внимание!

Студенты, взявшие на воспитание котеночка, будут освобождены от уборки снега на территории университета.

Администрация.

Но желающих пойти на столь выгодную сделку не находилось. Ибо кто может рассчитывать на то, что

обещание, данное в мае, будет выполнено в декабре? Мало ли что за это время может случиться...

Тарелки

В замечательной книге Валентины Голубовской "На краю родной Гипербореи" есть рассказ "Этот лев — Макс". История, потрясшая своей знакомостью.

Валентина Степановна поведала, как однажды в антикварном магазине увидела английскую тарелку с изображением льва, но по вполне объективным причинам ее не купила. Зато ее супруг, руководствуясь еще более объективными причинами, на следующий же день купил эту тарелку и вручил жене со словами: "Как же ты не вспомнила, что о подобной тарелке, только другого цвета, писала Марина Цветаева! Вот же по краям античные герои, а лев похож на Максимилиана Волошина — больше, чем сам Макс! Она же единственное, что увезла с собой в эмиграцию, — такую тарелку!".

Вот воспоминания самой поэтессы об этом: "У меня здесь, в Клараме, на столе, на котором пишу, под чернильницей, из которой пишу, тарелка. Столы и чернильницы меняются, тарелка пребывает, вывезла ее в 1913 году из Феодосии и с тех пор не расставалась. В моих руках она стала еще на двадцать лет старше. Тарелка страшно тяжелая, фаянсовая, старинная, английская, с коричневым по белу бордюром из греческих героев и английских полководцев. В центре лицо. Даже лик: лев. Собственно, весь лев, но от величины головы тело просто исчезло. Грива, переходящая в бороду, а из-под гривы маленькие белые сверла глаз. Этот лев — самый похожий из всех портретов Макса. Этот лев — Макс, весь Макс, более Макс, чем Макс".

Кто бы смог, увидев в одесской антикварной лавочке старую английскую тарелку, соотнести ее с

французскими воспоминаниями Цветаевой?

"В этой тарелке — характер Голубовского!" — заметила Валентина Степановна.

Когда мне посчастливилось побывать в доме Голубовских, то среди многочисленных произведений искусства я увидела и эту тарелку. Я посмотрела на нее, подышала, но дотронуться не посмела. Я только еще раз сказала Евгению Михайловичу, что история с этой тарелкой действительно очень символична.

А когда я покинула этот гостеприимный, светлый, пропитанный духом творчества дом, мне в висок словно молния ударила. "Боже мой! — вспыхнуло в мозгу. — А ведь в моей жизни тоже была знаковая тарелка!"

И я вспомнила, как в детстве разбил тарелку. Да не простую, а из сервиза. Да не из простого, а из сервиза под названием "Мадонны" — аляповато-перламутровой фарфор с изображением толстых тет в пасторальных сценах. В то время эти сервизы были в моде, хотя стоили очень дорого и достать их было почти невозможно. Именно "достать", поскольку в магазинах они не продавались, а привозились из-за границы женами военных. Но моя мама сумела добыть это сокровище, этот шедевр ГДРовского ширпотреб! Правда, наш семейный бюджет смог осилить только шесть тарелок, но их оказалось вполне достаточно, чтобы мы не чувствовали себя оторванными от мировой культуры.

И одну из этих тарелок я разбила. Очень удачно разбила: на две части. Но эту удачу я не осознала и решила замести следы. Взяла и выбросила половинки в мусорное ведро. Упав на дно пустого ведра, они разбились уже не так удачно: на кучу мелких осколков.

Меня никто за эту тарелку не ругал. Но когда мама узнала подробности, схватила за голову: "Господи! Ну что мне делать с этим ребенком?! Зачем же ты ее добила? Ведь ее можно было склеить! Стояла бы себе для красоты... А теперь..."

Потом в моей жизни было много разбитых тарелок, чашек, сердец... Но эту тарелку я помню до сих пор. Каждый раз, когда передо мной возникает "разбитая" ситуация, я не впадаю в отчаяние, а начинаю прикидывать, что здесь можно "склеить". И оказывается, что почти всегда можно подогнать осколки друг к другу, всегда можно подобрать подходящий клей и всегда можно найти применение этому надломленному, но спасенному сокровищу. И даже в том случае, когда оно уже не сможет служить по назначению, оно останется как память — память об ушедших людях, исчезнувших странах...

Мои размышления об исторической роли тарелок закончились тем, что я, затосковав по своей тарелке из детства, позвонила родителям в Тирасполь и выпросила два прибора из оставшихся "Мадонн".

Пересекая украино-приднестровскую границу, эти тарелки приобрели дополнительную историческую ценность, поскольку стали свидетелями того, как умозрительная граница превращается в конкретную контрольно-следовую полосу. Которую по слову украинского суверенитета роет американская машина. Тоже, знаете ли, вежа.

Кстати, только сейчас я обратила внимание на то, что эти тарелки не просто из Германии, а из Веймара. Города, освященного именами Гете, Шиллера, Листа!

Пораженная и воодушевленная этим открытием, одну из тарелок путешественник повесила на стене своей кухни, другую подарила Голубовским. Вдруг они повесят ее рядом с уже легендарной Цветаевско-Волошинско-Голубовской тарелкой?

Куда идем?

Наша страна, раздираемая многовековой историей нашей же политики, никак не может решить, куда ей идти, — на Запад или на Восток, в синюю часть спектра или в красную... Возможность идти собственным, особым путем как вариант практически не рассматривается (не досрочно?).

Я как человек политически неграмотный, идею неподкованный и, страшно сказать, *як людина національно несвідома*, предлагаю вообще куда-то не идти. Как в том анекдоте про рыбаков — предлагаю взять по три бутылки водки на рыло и из автобуса не выходить.

Нет, ну в самом деле, какой Запад? Какой Восток? У нас же такие разные взгляды на жизнь! Я, например, как бы ни старалась, не могу смотреть на мир глазами японца или, скажем, китайца. Не могу я на него взглянуть и европейским взглядом (уж простите!). Мне дано смотреть на мир глазами украинки, а точнее — одесситки.

Сидит, к примеру, какой-нибудь старый китаец на живописном камне и созерцает прекрасный пруд. На гладкой поверхности воды он наверняка увидит лотос, который для него, для китайца, является символом вселенской мудрости и гармонии.

Я же, глядя на тот же самый пруд, вижу, как из него выпрыгивает лягушка и возмущается:

— Не, я не врубилась! Какого черта эти отдыхающие швыряются тут камнями?! Не нравятся вам наши песни — не слушайте. Зачем же искусству на горло наступать? В искусстве каждый имеет право на индивидуальную форму самовыражения! В иску... — и обрывает свою речь на полуслове, поскольку очередной камень, пущенный очередным отдыхающим, попадает точно в цель.

Или, допустим, японец. Продукт одной из древнейших и утонченнейших культур. Вооружившись маникюрными ножницами и пилочками, он глубокомысленно кромсает молодое деревце, чтобы сде-

лать из него бонсаи — символ эстетического единения человека и природы.

А я смотрю, как сотрудники одесского "Зелентреста" с богатырской удалой размахивают бензопилами, спиливая засохшие на корню сосны (символ долголетия). Проходящая мимо девочка дергает за руку свою мать:

— Мама, смотри, они дрова косят!

Тут же, рядом, можно наблюдать и другие деревья. Шелковицу, например. Какой-нибудь экономный немец или, ну, не знаю, предприимчивый поляк посмотрит на это дерево и начнет в уме подсчитывать, какую прибыль (в пересчете на евро) оно даст, если на него запустить тутового шелкопряда.

А я замечаю, как под этим деревом ползает голопузый мальчуган и собирает ягоды. На дереве сидит его отец и с бесконечной усталостью в голосе стонет:

— Синку, я вже буду злізати...

— Ні! Я ще не наївся.

Пока одесский малыш ест шелковицу, где-то далеко, за морями, за туманами, истинный англичанин пьет чай (что же еще может пить истинный англичанин?). И видит он, англичанин, в своем чае и прекрасный напиток, и многовековую традицию.

Я же смотрю на чай и в упор чая не вижу. Как, собственно, и традиций. Ибо в нашем национальном чаепитии никак не удается закрепить традицию — что считать чаем: коньяк с лимоном, шампанское с конфетами, водку с огурцом, пиво с воблой, слезы с сигаретой, сигарету с бабой, бабу с чаем или что-нибудь еще. Наша широкая творческая натура позволяет понимать под чаем все, что на данный момент мы можем себе позволить.

Спрашивается, как с такими взглядами мы можем куда-то идти? Чем мы можем обогатить мировую культуру, не подрывая ее основ? Что мы можем привнести в мировую экономику, не нанося ей ущерба?

Может, все-таки, из автобуса не выходить?.. По три чая на рыло — и можно хорошо посидеть.

Мария ГУДЫМА

БОЛЬШИЕ ДЕТИ

Юлия и Геннадий — брат и сестра, но впервые попавшие в театр зрители, усмотрев в программке одну и ту же фамилию, принимают их за супругов. Уж очень они разные, непохожие. Он — сдержанный, суховатый, она — яркая, взбалмошная. При этом оба — актеры, оба — любимцы публики. То и дело им приходится играть в одних и тех же спектаклях, а бывало и так, что брат осуществлял постановку, приглашая на роль сестру. Они не устают подшучивать друг над дружкой, но при этом, как и полагается родным людям, очень ценят все, что делает и умеет каждый из них. Конечно, когда у трехлетнего Гены появилась младшая сестричка, он поначалу безумно ревновал и не понимал важности момента, но сейчас это, безусловно, самый дорогой для него человек. Мужья, жены и дети — дело, в общем-то, наживное, а вот братские узы от личных усилий человека не зависят, ими особенно надо дорожить. О них сложно рассказывать. Начнешь говорить об одном и тут же сбиваешься на другую. Уж очень тесно переплелись их судьбы, человеческие и театральные. Многие думают, что актеры, вышедшие из театральной семьи, работают в каких-то особых условиях, а на самом деле о них судят строже, воспринимая сквозь призму талантов их родителей. И что-то доказать на сцене Гене и Юле психологически бывает сложнее, чем многим их коллегам...

Четыре года назад Геннадий Скарге было присвоено звание заслуженного артиста Украины. На тот момент он был одним из тех, кто, простите за каламбур, давно заслужил это звание. Взять хотя бы его послужной список. На первый взгляд, он пестрит именами персонажей иностранного происхождения. Шотландец Малькольм ("Макбет"), немец Аренгейм ("Антихрист"), грек Герострат ("Забыть Герострата"), англичанин принц Уэльский ("Кин IV"), испанец Маурисьо ("Дерево умирает стоя"), поляк Кароль ("Мужчина"), американцы Брик ("Кошка на раскаленной крыше") и Ричард ("Любовник")... А больше всего французов: Эраст ("Единственный наследник"), Жак Гастон ("Странный этот мсье Жак"), Юбер Дарсэ ("Загнанная лошадь"), Франк ("Убийство — дело семейное"), Камилл Севинье ("Следствие на стороне дуры"), месье Жиру ("Школа налогоплательщиков").

Юлию режиссеры охотнее всего видят в ролях колоритных итальянок и француженок (уже названные "Школа налогоплательщиков" и "Странный этот мсье Жак", "Дом сумасшедших", "Классное дельце", "Школа жен"). Небольшая роль графини Труссал д'ю Труссо в как-то уж очень стремительно сошедшей со сцены постановке продюсерского центра Александра Жегалова "Лекции о нравственности" по Фредериду Дара позволила раскрыть весь диапазон возможностей актрисы. Вот она — рафинированная аристократка, ослепительно красивая дама с изысканными манерами, истинная салонная героиня. А вот вскрывается правда о ее прошлом, и лжеграфиня, подбочившись, осыпает бранью своих собеседников. Юлия бесподобна в ролях вульгарных особ. Совершенно неотразима. Яркая внешность, чуть хриплый голос, шаловливые повадки на сцене буквально "рвут" зал. А в жизни она несколько стесняется своего сценического имиджа. Мо-

Геннадий Скарга в роли Флориана ("Пляска Чингиз-Хаима")

жет, напрасно? Кислая, скучная добродетель на самом деле никому не интересна, вот порок всегда привлекателен. Нет ничего величественнее вульгарной женщины с ее бьющим в точку простонародным юмором. Одесситка Двойра из "Заката" по Бабелю долго была коронной ролью Юлии Скарги.

Но вернемся к ее брату... Удивительно, но в пьесах отечественных авторов Геннадий тоже поручались чаще всего образы иностранцев. Однако есть и "свои" — Бенья в "Закате", Саша в "Детях Арбата", кооператор Рома в "Золотых временах", офицер Советской Армии в спектакле "Приказано умирать немедленно". Вспоминается еще фантазмагическая Тень в быстро сошедшей со сцены трагикомедии по Шварцу "В нашем милом королевстве". Бог велел артисту играть роли русских интеллигентов, а репертуар почему-то не велит. Вот и в "Чайке", поставленной в ушедшем сезоне Алексеем Литвиным, роль Тригорина досталась не ему. Более того, его кандидатура на эту роль даже не рассматривалась. Досадно!

Проблема в том, что Геннадий относится к числу личностей, диктующих условия общения с ними. В хорошем, разумеется, смысле. Невозможно представить себе, чтобы он повысил голос на собеседника (хотя на сцене, бывает, срывается на крик, что не всегда на пользу роли, но объясняется недюжинным сценическим темпераментом). Да и собеседник, в свою очередь, должен говорить вполголоса, а резкие жесты и вульгаризмы поберечь для другой аудитории. Перенеся свою манеру общения на сцену, артист мог бы убедительно играть персонажей из высшего света, на худой конец — из научных кругов.

ту"), и у зрителя пойдет процесс сопереживания. Или неприятия. Не без того. Потому что убедительно страдать на сцене наш герой умеет, критики любят писать о его "бездонных" глазах, в которых — "вселенская боль и вселенская тоска".

Не всем зрителям это по нраву. Возможно, какая-то часть публики потому и недолюбливает Геннадия, что уж очень редко его герои самодостаточны, удачливы, улыбкивы... Время нынче такое, что персонаж с растерзанной душой раздражает — у каждого сидящего в зале своя драма. По сравнению с этими невидимыми миру слезами коллизии иных пьес попросту смешны.

Раздражать может и кажущаяся легкость жизненного и творческого пути самого Скарги. Как же, родился в известной театральной семье (блестящие артисты Борис Ильич Зайденберг и Альбина Васильевна Скарга, увы, уже ушли из жизни), выдержал конкурс в 250 человек на место при поступлении в Школу-студию МХАТ, ролями до недавнего времени обделен не был... О том, что за всем этим стоит колоссальный труд, предпочитают забывать. На самом деле, дабы не быть обвиненным в том, что утверждается в театре под крылышком отца, Геннадий по окончании вуза несколько лет проработал во Владимирской драме, приобрел имя и опыт, и только тогда приехал работать в родную Одессу. Юлия, окончив ГИТИС, довольно скоро оказалась в Одессе. Папа видел в ней героиню, переживал, когда ей неизбежно доставались характерные роли, даже подготовил с Юлей роль Марии Стюарт в спектакле по пьесе Петрушевской "Ваша сестра и пленница" (театралы тут же окрестили постановку "Ваша сестра и племянница"), но... Роли героинь сковывали молодую актрису, в них она выглядела бледной, неинтересной. Темперament куда-то пропадал, а с ним — и обаяние. А вот Геннадий, наоборот, на сцене стоит помнит о том, "как важно быть серьезным...". До сих пор, выходя на сцену, он старается играть так, словно в зале сидит отец, самый лучший учитель и самый строгий критик.

У создаваемых артистом героев есть нечто общее — все они "держат в уме" некий идеал, но им, все знающим, битым смолоду жизнью и лишенным иллюзий, очень трудно следовать этому идеалу, сохраняя, а главное — обнаруживать красоту

шел через ряд эпох, начиная от античности, чтобы оказаться в современной Москве, разбить еще несколько женских сердец и пережить крах всех своих жизненных идеалов. Многие сошлось в этом театральном пасьянсе для Скарги, и прежде всего, удачу определила встреча с режиссером-единомышленником, личностью сходных духовных поисков. Что греха таить, до сих пор частенько приходилось на премьерных спектаклях играть так, как то угодно приглашенному режиссеру, а уж после отъезда последнего начинать "вязать кружева", по меткому выражению Фаины Раневской. Одну из подружек Дон Жуана сыграла Юлия. Это был ударный эпизод. Она величественно являлась к любовнику в невообразимом наряде с боа (о Верке Сердючке тогда и не слышали), обольщала его при помощи корзиночки с продуктами и обнаженных ножек. И как же сочувствовал ей зал, когда она удалялась в слезах, обманутая в своих ожиданиях, проигнорированная теряющим былую ловкость соблазнителем женщин!

Но Миша Горевый уехал, и в театре все пошло по-старому. Пожалуй, стремление наиболее полноценно выполнять свой артистический долг и подвигло Гену на режиссерские опыты.

Постановки Геннадия на родной сцене имели как критиков, так и сторонников, но это были ценные как для него самого, так и для театра эксперименты, и наибольшая его удача на поприще режиссуры — спектакль по пьесе Гарольда Пинтера "Любовник" — обнаружила проблему. Оказывается, блестяще исполняя главную роль, Скарга вовсе не добивается от своих партнеров должного видения их задач. И это сказывается на художественном результате, на целостности спектакля. Мастерство режиссера имеет свои секреты, и главный из них заключается в том, каким образом повести за собой исполнителей... Правда, Юлия, сыгравшая роль жены героя, "прекрасной слухи" (тема сексуальных игр в жизни добропорядочного семейства оказалась для нашего общества новой и шокирующей), была на высоте. Она перевоплощалась во всех женщин, каких только желал видеть в ней супруг, от уличной искательницы приключений до чопорной обитательницы гостиных Мэри. Юлия в последние годы хороша без преувеличений в любой постановке. Претензии могут возникнуть к режиссерам, но не к ней. Шарлотта в "Вишневом саде", Бетси в "Анне Карениной", Маша в "Чайке" неизменно срывают аплодисменты зрительного зала. Анна в "Последней остановке" по Ремарку (хотя от Ремарка в спектакле сохранились разве что ремарки) тоже трогает зрительское сердце, а бенефисную роль Тамары в "Конкурсе" по Галину ("Я сюда с аккордеоном пришла...") актриса наверняка будет играть еще очень долго, несмотря на то, что спектакль уже шесть лет не сходит со сцены!

В последнее время Юлия более востребована в театре, нежели ее брат. Время, что ли, такое, руководство театра в чем-то недальновидно... После лирической роли в "Листе ожиданий" по пьесе одесского драматурга Александра Марданя Геннадий Скарга долго не получал новых ролей. Вплоть до нынешнего сезона, когда Олег Школьник ввел его на роль загадочного злодея Флориана в своем спектакле "Пляска Чингиз-Хаима". И хотя актеру хватает занятости на телевидении, где он озвучивает рекламные ролики (еще бы, мхатовский выговор!), режиссирует передачи, основное место его должно быть на сцене. Он вполне заслужил право на создание моноспектакля, во время которого ему на сцене никто своим присутствием не помешает. Это могло бы раскрыть новые, до сих пор не познанные грани его таланта постановщика и исполнителя. А еще не приходится сомневаться, что любая его роль в чеховской постановке стала бы событием. Главное, чтобы это был тот самый русский интеллигент, которого так долго репертуар играть не велит...

Фото Олега Владимирского.

Юлия Скарга в роли Анны ("Последняя остановка")

У артистов странная судьба. В ней слишком многое зависит от среды, репертуарной политики театра, постоянно изменяющихся величин под названием "возраст" и "внешность". Однако еще Немирович-Данченко подметил, что репутация актера складывается по количеству не сыгранных, а созданных им ролей. В случае Геннадия Скарги можно ставить знак равенства между тем, что исполнено, и тем, что оказалось интересным публике. Скарга может спрятаться на премьерном спектакле за внешнюю характерность, налегать на голосовые связки и пережимать, но уже на втором-третьем непременно пробьется здоровое мхатовское "зерно", характер, отыщется нотка ("тянешься всю жизнь, как травинка к све-

своей личности. После роли Бени Крика в бабелевском "Закате" пришлось услышать, что герой Скарги, независимо от драматургической основы, всегда жесткий, нервный, рациональный, ироничный... А потом спохватились: разве не рационален, не рассудочен Эраст в "Единственном наследнике" Реняра, несмотря на свой расшитый камзол и пудренный парик? Мхатовская школа предполагает наивную для некоторых теоретиков нашего времени веру в характер, мало меняющийся с течением столетий. И Геннадий эту веру вполне разделяет.

Получив этапную роль Дон Жуана в пьесе Эдварда Радзинского "Последний Дон Жуан" (постановка Михаила Горевского), артист оказался в своей стихии. Его герой про-

Гордей ЛАН-КИТЧЕР

СУХАЯ ВЕТОЧКА ПЛАТАНА

Любимым цветком Карташова, вне зависимости от времени года, был одуванчик. Не периода его самотвержденного размножения, когда пушистые белые головки, раскачиваясь порывами ветра, отпускают в самостоятельную взрослую жизнь крохотные семена, каждое на маленьком и беззащитном парашютике. Он любил весеннюю жизнь этого цветка. Тугая и удлинённая яркая зелень бутона раскрывается неожиданно яркой желтизной, и она осыпает маленькими солнышками зеленые поляны, крутые и пологие спуски к морю, забирается в унылую протяженность трамвайных рельсов. Ранние цветки в окружении остроконечных узорчатых листьев тянутся к теплему весеннему солнцу и сверху кажутся ему веснушками на лице южного города.

Уже почти три часа Карташов старательно выдергивал злую поросль, заглушающую маленькие аккуратные кустики садового растения с нежным и трогательным названием — "маргаритка". Выдергивал и размышлял. Мысли текли плавно и соответствовали размерности его движений.

С латинского звучное женское имя Маргарита переводится как "жемчужина", вспоминал он, а русский язык, добавив свой уменьшительно-ласкательный суффикс "к", превратил это слово в название невысокого стебелька, увенчанного плоской головкой маленькой густой ромашки с желтой серединкой. Маргаритки ему попадались трех цветов: белые, розовые и бордовые. Каждый стебель стоял, облаченный в пышную ярко-зеленую юбочку. И вот на этом парниковом подиуме густо желтели головки любимых им одуванчиков. Здесь это травянистое солнышко — сорняк, забирающий жизненную энергию у элитарной маргаритки.

Ноги затекли неимоверно. Пришло желание броситься вглубь парника, расположенного на полметра ниже основной поверхности ботанического сада, и тут же исчезло в силу своей невероятности. Карташов осторожно выпрямился, постоял и, оглядевшись по сторонам, отвесил несколько низких поклонов в сторону моря. На равном удалении от линии горизонта и металли-

ческой ограды сада просматривались очертания большого сухогруза.

Обед начинался через двадцать минут, а пока можно отдохнуть и пройтись по дорожкам, петляющим между причудливо расположенными деревьями. Они стоят парами или по три, из разных широт и разной породы. Но вот прижились, возмужали, а люди, их посадившие и ухаживавшие за когда-то молодыми тоненькими стволами, давно ушли в иное измерение.

Осторожно переступая через буйство нежных комочков, он вышел на твердый грунт, снял перчатки и медленно зашагал под теплым майским солнцем Одессы в прохладу юной зелени миниатюрного смешанного леса. Неспешным шагом обходя вторую, меньшую, часть ботанического сада, часто наклонялся, подбирая упавшие сухие ветки, вырывал уж очень разросшийся сорняк. Здесь он был "у себя", и от него даже зависела некоторая доля прибыли от продажи заботливо выращенных им цветов этого большого зеленого хозяйства.

Хозяйством руководила женщина. И все растения в нем — от могучих деревьев до изысканных тропических прищельцев — обрабатывались нежными пальчиками одесских женщин-ботаников. А ведь лучшими садоводами издавна считались мужчины. Как и пекарями, и парикмахерами, и ткачами. Не перечесать профессий, перешедших в руки женщины! Мужчины придумывали, создавали и начинали производить... Потом от Рождества Христова минуло много веков, пришел век девятнадцатый, когда из латыни вытащили зашифрованный существительное "эмансипация", которое и не сопротивлялось. А зачем? Каждому слову приятно, когда в нем нуждаются и склоняют на разные лады. Досклонялись... В следующем столетии женщины взяли в руки садовые и парикмахерские ножницы, встали у ткацких станков. Освоились быстро и начали все усовершенствовать, так как эмансипация была следствием прогресса. Когда он приходит, космическое тело покидает божественная гармония мира, ибо эти понятия несовместимы, как несовместимы существительные "человек" и "природа". Пришел человек — ушла

природа. Вместо нее теперь царит окружающая среда. Она медленно, но верно убивает человека — пятую расу обитающих на Земле гуманоидов.

Дальше размышлять некогда, нужно было планировать следующую часть своего времени в ботаническом саду. Карташов подошел к любимому дереву — огромному платану. Ствол в обхвате был таких невероятных размеров, что походил скорее на дуб, тем более что отсутствовала привычная глазу одессита кора с белесыми проплешинами. Такие "бесстыдники" поглощают выхлопные газы на Ришельевской и Пушкинской, величественной аллеей они разрослись в середине Адмиральского проспекта, забрели в конце 60-х и на Черемушки, где каждый платан, широко раскинув ветви, переплелся с соседом, и сверху все они напоминают длинную строчку из равномерных стежков, которые умудрилась проложить в спальном районе рукодельница-природа. А у этого гиганта в холодное время года породу можно было определить, только задрав голову и разглядев чинно висящие шишечки.

Карташов перешагнул невысокое ограждение и, подойдя вплотную, прислонился лбом к стволу. В детстве, проведенном на Ближних Мельницах, он слышал легенду об одесском волшебном платане, возвращающем молодость и силы. Может, этот исполин и есть то самое "молодильное дерево"? Хотелось так думать и стоять долго-долго... Но тут где-то вверху раздался тихий щелчок и что-то аккуратно опустилось ему на голову. Карташов резко отпрыгнул от ствола — рядом с ним на взрыхленную землю упала сухая веточка. Только на самом кончике теплилась жизнь: три плотных коричневых комочка — еще не распутившиеся почки. "Он мне ответил, — тут же подумалось Карташову, — но что бы это значило?" Ветку поднял и дома поставил в вазочку с водой.

*** * ***

Весь следующий день Карташов провел за письменным столом, честно планируя завтра опять отправиться в ботанический сад и помочь

милой Верочке в борьбе с высыхающей в тепличных горшках землей — поить гордые орхидеи. Почти двадцать тысяч видов этих в основном тропических растений легко размножаются вегетативно, то есть делением корневищ и клубней, а также черенками и отпрысками, когда-то воодушевленно сообщила ему Верочка. Последний термин рассмешил филолога Карташова, у которого это название ассоциировалось с человеком по отношению к его предкам. Словоохотливая Верочка тут же "ботанически" его расшифровала, поведав о молодых побегах, которые выбрасывает корень растения или даже пень. "А вот семенами орхидея размножается трудно, — сокрушалась женщина, быстрыми умелыми движениями взрыхляя землю вокруг тепличных цветков, — но если взять специальную питательную среду из водорослей филофоры — агар-агар, добавить нужное количество сахара, витаминов и особенно томатного сока..." Здесь Карташова разобрал такой смех, а потом он так долго кашлял, что Верочка притащила в теплицу термос с чаем и остальные их обеденные свертки. И они вдвоем среди прекрасных цветов в неказистых горшках очень вкусно пообедали и остались довольны общением. Особенно Верочка. А ведь раньше она возражала против такой помощи пожилого филолога, уставшего от чужих рукописей и погибающего от гиподинамии за письменным столом, теперь же стала даже подкрашивать помадой маленькие потрескавшиеся губы.

На этом месте воспоминаний Карташову захотелось есть, и он потащился на кухню, в глубине души надеясь, что все-таки отыщется не замеченный утром хотя бы кусочек какой-нибудь еды. Но в холодильнике было пусто, а в жестяных банках для круп вяло перекачивались не выпавшие в свое время крупинки гречки и пшена. За окном было очень темно и очень тихо. Часы показывали половину двенадцатого. Он лег голодным, зато лежащая на столе рукопись была тщательно вычитана до конца, на страницах густо пострелили корректорские знаки, а редакторские правки были столь обширны, что уже засыпающий Карташов, прежде чем ныр-

нуть в туманные видения, успел подумывать о непременно последующем через месяц очередном звонке известного в Одессе ученого, который будет рассыпаться в благодарностях и опять уверять Карташова, что без него он "просто пропал бы".

*** * ***

Воскресным утром Карташов решил поехать за провизией на Привоз. Он был начинающим пенсионером, а потому в трамвае десятого маршрута, хотя уже мог ехать, не платя за проезд, задумавшись, машинально достал портмоне и купил кусочек проштампованной бумаги. Когда спохватился, было поздно — кондуктор ушла в другой конец вагона, но даже находись она рядом, ему было бы неловко просить о возвращении пятидесяти копеек. Взглянув на приобретенное подтверждение права на проезд, он увидел шесть цифр и вспомнил, как в школьные годы верил примете, по которой равенство суммы первых трех цифр сумме второй тройки означало, что билет счастливый и можно загадать желание — сбудется. Такой билет попался очень редко, но даже загадав при везении, он обычно забывал проследить результат. Если же между двумя суммами была разница в единицу, билет считался "любовным", и должно было повезти в любви. Что означали остальные цифры, Карташов уже не помнил. Сейчас разница заключалась в числе семь, и он сунул билет в карман.

В середине ночи над городом тихо и медленно проплыла небольшая дождевая туча. Она высыпала миллиарды капелек, вобравших в себя по пути ее следования бог весть какие испарения. Под утро слякотью и лужами покрылся асфальт Пересыпи и старого города. Вернулась уступившая было теплу густая и зыбкая прохлада, и снова одесситы покорно облачились в кожаные куртки, свитера и плащи...

На Привозе Карташов не был лет пятнадцать. "И ка-ко-во же было его удив-ле-ние..." — мысленно по слогу тянул он про себя, пробираясь по слякоти и обходя лужи, пока не догадался зайти под огромный навес, где было грязно, но сухо. Наконец он остановился, продолжая удивленно оглядываться по сторонам, среди прилавков, заваленных непривычной для его памяти продукцией. Даже при отсутствии солнечных лучей, которые на Привозе уже давно не принимали

Виталий АМУРСКИЙ

Из цикла «Детская комната»

ОБ АВТОРЕ

Виталий Амурский родился в Москве в 1944 году. Получил высшее филологическое образование, окончив МОПИ, а позднее продолжил учебу в Сорбонне. Во Франции живет с 1973 года. Журналист русской редакции Международного французского радио, автор нескольких книг и многочисленных публикаций в периодической печати. Лауреат московского авангардного литературного издания "Футурум арт" за 2005 год в номинации "Поэзия". Член редакционного совета одесского альманаха "Дерибасовская — Ришельевская".

Алфавит

А — как эхо в лесу,
Ф — рябина в саду,
Г — разбитый фонарь,
Ш — забор, **Я** — холодный январь,
М — морская волна,
В — былая война, мотылёк,

Кренделёк,
О — колечко, в колодец упавший
цветок...

То он грустен, то весел,
то просто молчит —
Вот бывает какой иногда алфавит.

Природа вещей

Памяти Спартака Калачева

Открытая книга
Подчас
Превращается в птицу

Карандаш,
Воткнутый в землю,
Вырастает в дерево

Цветные карандаши
Рождают
Радугу

Глядя на птиц,
Деревья, радугу
Думаю о тебе

Про козу

Вдали темный лес,
Там сосна до небес.
В небесах звезда,
А под ней изба.

Там коза живет,
Пироги печет.
Пироги печет —
Волка в гости ждет.

И не поздно ждет, и не рано,
Да не слышит, как из чулана,
Где грибы да мед,
Ей сверчок поет:

"Ах, коза, коза,
Ты протри глаза!
Ты глаза протри —
Лучше дверь запири".

Рыбалка

Встретил однажды червяк рыбака
Или — не помню — рыбак червяка.

Было о чем им вдвоем говорить,
Вместе отправились рыбу удить.

Вместе поплыли по тихой реке —
В лодке рыбак и червяк — на крючке.

Чудеса

Михаилу Яснову

Уйдя однажды в лес, опята,
В места, где водятся ребята,
Набрали полное лукошко!
А в это время мышка кошку,
Как щука рыбака, ловила...

.....
И получилась неплоха
В тот день Демьянова уха!

Сивка-Бурка

То овраг, то лес, то горка,
То равнинный путь пылит.
То беспечный смех, то горький,
То лишь цоканье копыт.

То дождя сплошное сито,
То в снегу светлы поля,
Сивка-Бурка, Бурка-Сивка,
Укатала ты меня!

Карусель

Музыкой и светом
Звонкая, как медь,

Карусель под снегом,
Снега круговерть.

Крутятся лошадки
Сквозь метельный круг,
Шапочки и шапки,
Смех, мельканье рук.

Снег и лиц мельканье,
Темь и снова свет,
Праздника дыханье,
Суета сует!

У колодца

(скороговорка)

Смотри на дно —
В тени добро.
Тяни ведро,
Дени Дидро!

Про "если"

Саше и Кирюше, внукам

Будь однажды я маской,
То б любил карнавал.
А какой-нибудь сказкой —
То себя б рассказал.

Если конскою гривой
Я б когда-нибудь был,
Проносился б сквозь ливни,
Ветер, степи, ковыль.

Стать медалью героя
Мне бы выпал удел,

К генералу, не скрою,
Я б попасть не хотел.

Но лишенная злата,
Что была на войне,
Гимнастерка солдата
Мне б сгодилась вполне.

Кем я не был, кем буду,
Если буду потом,
Повзрослев, не забудьте —
Нарисуйте в альбом.

Еще про репку

Виталию Стацинскому

Посадил дедка
Репку,
А где посадил —
Забыл.
У бабки спросил,
И она забыла.
Пошла к внучке,
Внучка — к Жучке,
Жучка — к кошке,
Кошка — в окошко
В дом, за печку,
Узнать у мышки.
А мышка испугалась —
Убежала!

Кручинятся дедка,
Бабка да внучка,
Жучка да кошка —
Где же репка?

А репка на грядке,
А мышка на репке
Смеются!

Вопросы

О чем с утра поет петух,
Гудит пчела,

участия в обыденном процессе купли-продажи, чем разительно и отличался внешний вид нового обустроенного рынка от прежнего, прошлого столетия, в глазах рябило от разноцветия верхней и нижней одежды, постельного белья, обуви любого фасона и вида, дезодорантов, стиральных порошков и прочих предметов для дома. Ни редиски, ни лука, ни другой зелени не просматривалось. Решив не задавать скачущим продавцам вопросов, он отправился дальше и почти сразу вышел к аккуратным пирамидам из цитрусовых, по соседству с которыми высились плоские ящики с аппетитно смотрящимся урюком, финиками и еще какими-то загадочными, но вкусными на вид фруктами, выращенными на чужой земле.

К состоянию удивления присоединились ощущения разочарования и ностальгии. Первое очень быстро покинуло его — все-таки он смотрел новости, а потому был не так уж и далек от современной жизни, как считали его друзья. Разочарование тоже ушло, когда Карташов наконец-то увидел возжеленную зелень салатных пучков, петрушки, укропа и двухцветные стрелы молодого лука.

Сделав необходимые покупки, он продолжал двигаться к Преображенской, чтобы потом прогуляться по парку Ильича, где одессит знает, как можно выйти к Чумке через узкий проход в стене из желтого ракушняка, добытого два века назад под улицами старой Одессы. Закончилась весенняя зелень, и пошли рыбные ряды с обитателями воды в чешуе, выпотрошенными и без голов, а также высушенными и расквашивающимися на длинных натянутых проволоках. Поглядев на них, а заодно и на продавцов, Карташов захотел немедленно убраться подальше. Он ускорил шаг — и опять попал в царство носильных вещей, обуви и бытовых товаров.

И только сейчас он понял охватившее его здесь чувство ностальгии, то есть тоски по тому, чего у человека нет в определенный момент его жизни. Ему была неприятна не только увиденная картина — засилье наступающих с двух сторон одежды и обуви, — но и перемена звучания этого когда-то сильного городского организма, точно и правильно функционировавшего, а потому тоже внесшего свою лепту в известность и славу Одессы. Нынешний Привоз издавал другие звуки, он почти молчал: не кричал и не ругался, не смеялся и не обменивался новостями. Казалось, он только тихо дышит,

и каждый вдох дается с трудом: не было крестьян, кто своим трудом выращивал зелень, фрукты и овощи, а потому продавал весело и "с походом" — разговорное выражение, совершенно не знакомое молодым одесситам и означающее продажу с небольшим изливом веса — от души.

Ни в мясной корпус, ни в молочный он уже не пошел: побоялся опять увидеть вместо оставшейся в памяти картины прилавки с шубами и шапками, сапогами и босоножками.

Нахмурившись, он быстро шел по парку к проему в стене и плакал внутри себя. Карташов понял, что известный всему миру одесский продуктовый рынок идет к своему концу...

Утром понедельника позвонил директор издательства и предложил новую рукопись. Противного словосочетания "на позавчера" Карташов не услышал, что уже было приятно, — рукопись не срочная, будет время ездить в ботанический сад на трудотерапию. Автор охарактеризован как грамотный человек, но самым главным оставался вопрос о языке. Украинский в Одессе знали немногие, впрочем, как во всей Украине, — шел период его становления. Разговаривали весело и быстро, но на суржике. Все естество Карташова горестно возмущалось, когда с экрана телевизора произносили: "перетворюються в", "мани це нравиться" и тому подобное. Раздражали говоруны, которые "попэраждали" преступление в криминальных хрониках или поломку стиральной машины в надоевшей рекламе: подходил сотрудник милиции к преступлению и предупреждал его одуматься и не высовываться, а мастер вяло переругивался с поломкой стирального агрегата, в то время как от них требовалось "запобигаты" и первому, и второй.

Карташов спросил о языке и расстроился. Украинский. Значит, придется не читать, а писать, то есть переводить. Иногда длинные словосочетания. Менять окончания во всем предложении. После такой "читки" рукопись густо краснела — он работал только красной пастой. Прежде чем идти в издательство, Карташов решил съездить к морю. Еще все радовало: купальный сезон только начинался, приезжих не было, загорающие попадались редко — холодное утро требовало теплой одежды, вдоль берега по "дорогам здоровья" почти не ездили машины, ярко светило, но не пекло солнце,

продолжали желтеть в сочной зелени одуванчики, и одурманивающее пахло само море.

Он приехал маршрутным такси на 16-ю станцию Большого Фонтана и спустился к морю по дороге, о которой знает не каждый, — она начинается сразу напротив трамвайной колеи, — внизу повернул налево и быстрым шагом направился в сторону Аркадии, решив подняться в районе 8-й станции.

Карташов шел и вдыхал весенние запахи попеременно с необъяснимым и не написанным на книжных страницах запахом Черного моря. Слева зеленели ярусы крутых склонов, где начинали серебриться дикие оливы, справа громко шелестела вода, пузырясь, пенясь, выкатывая на поверхность и тут же забирая обратно мелкие камушки. Она дразнила покорный серый песок, целовала, укладываясь на него, и тут же всем телом откидывалась назад, а он оставался идеально ровный и влажный и ждал новой ласки, нового прикосновения...

Он дошел до места, где песка не было видно вовсе. Вода уже на полметра верно покрывала его, здесь она преданно любила и злобно упиралась в фундамент невысокого паркета. А в годы его детства до морской кромки было метров десять...

В конце самого длинного мола он увидел одиноко стоящую мужскую фигуру с удочкой. Пройдя еще немного вперед, Карташов сошел на песок и, увязая в смеси влажных песчинок, мелкой гальки, хрупких и длинных ракушек мидий, густо вкрапленных в эту смесь кусочков стекла, тщательно обточенных соленой водой, ступил на мол.

Медленно двигаясь вперед, он прислушивался к звукам, которые издавали идущие чередой невысокие волны, пробираясь к берегу и встречая на своем пути преграду, им не понятную. Выдающаяся вперед грубая твердь разрезала не ожидающие подвоха волны, и те обиженно хлюпали от неожиданности по обе стороны, натываясь на совсем уж непредвиденно выпирающие углы этой тверди и обволакивая их, а заходя в укромные части, так смачно плескали о следующий выступ мола, что Карташов, остановившись где-то на его середине, замер, выбрал один выступ, уставился туда и слушал, слушал, слушал...

Он не заметил, как в десяти метрах от конца мола появилась очень большая волна и стремительно понеслась к преграде, разрезающей бегущих впереди сестер, будучи

уверенной, что уж она-то сомнет эту серую массу, утащит за собой и выбросит наглую на берег.

Карташов громко вскрикнул от неожиданности, когда сотни соленых и сверкающих на солнце капелек со всего размаху врезались в него, высоко взметнувшись ввысь от удара о выступ. Светло-серая куртка моментально намочила и потемнела.

— Ну ты даешь! — восхищенно сказал Карташов морю и не обиделся. Сам виноват. Не зевай и не мечтай, когда весной стоишь одетым далеко от берега, на узкой полосе, имитирующей земную твердь.

Но тут он вспомнил о мужчине с удочкой в конце мола и повернулся лицом к горизонту. Тот сидел на корточках и шарил руками вокруг себя. Карташов быстро прошел вперед.

— Осторожно! Здесь леска! — закричал человек, не оборачиваясь. По голосу Карташов понял, что впереди была женщина. Он замедлил шаг и стал внимательно смотреть под ноги. Но женщина уже поднялась.

— Не ищите. Вот она!

— А что на конце под водой?

— Крючки какие-то. Я не очень разбираюсь. Внук попросил. Он скоро придет.

Женщина стояла, повернувшись к нему лицом, и расстегивала длинную и широкую брезентовую куртку. Резко откинув назад голову, она сбросила капюшон, и Карташов увидел очень густые черные волосы с седыми прядями, закрученные на затылке в большой узел. На висках и над лбом волосы вились крупными колечками и были очень мокрыми. Мокрым было все лицо, ворот темно-зеленого шерстяного свитера и кисти рук. Потертым джинсам воды досталось меньше. Казалось, что они вообще сухие. Брезент куртки выдержал натиск хлынувших на него капель, и по нему судить было не о чем.

— Вон Генка бежит! — обрадованно объявила женщина.

Карташов повернулся к берегу. Прямо на них по молу неслись высокий парень в таком же брезенте.

— Бабуль! Ты жив?

— Жив! Позавтракал?

— Да. Спасибо! — и он приложил губами к ее мокрой щеке.

Карташов почему-то разозлился. А Генка повернулся к нему и вежливо произнес "доброе утро". Карташов так же вежливо ответил.

Приличия были соблюдены, можно уходить. Но он продолжал стоять.

— Я иду завтракать, — сказала женщина. — Если вы проголодались, идемте ко мне, я вас покормлю.

— А я вообще не ел, — неожиданно для себя соврал Карташов и вспомнил оставленную "на потом" невымытую сковороду.

Сегодня на завтрак у него был жареный в сухарях сыр, большой парниковый помидор и кофе с двумя кусочками шоколадного торта. Ну как назло!

Они шли по молу и разговаривали, прошли по песку, асфальту, поднялись по лестнице, потом еще по одной, в одном месте, согнувшись и цепляясь руками за траву и редкие маленькие кустики, взбирались по склону. Куда? Зачем? Он забыл, потому что они разговаривали. Ему было все равно. Они говорили по очереди и одновременно. Потом опять был асфальт, красивый забор, большой двухэтажный дом из красного кирпича со слабым намеком на чешское барокко, просторная светлая кухня, где он что-то беспрерывно ел и пил. Зашел Генка, ушел, появился откуда-то опять, посмотрел на них, ничего не сказал, хмыкнул и исчез где-то в стенах этого теплого и уютного дома.

Потом они сидели у камина, за окнами было темно, в дальнем углу ярко светил старинный торшер с полочкой. Еще в память намертво врезался номер ее телефона.

Он не помнил, как они расстались, но знал точно, что домой его на машине привез Генка, угрюмо молчавший всю дорогу. Карташов очень устал и был этому только рад. У парадной Генка вежливо сказал "до свидания" и уехал.

Дома Карташов вымыл руки и лицо, почистил зубы. И только выйдя из ванной, подумал, что не узнал ее имени, а она — его. Им было некогда, они разговаривали.

Он сел за стол и посмотрел на часы. Пять минут двенадцатого. "Поздно звонить", — успел подумать, и телефон тут же зазвонил. Определитель высветил ее номер. Он схватил трубку.

— Вы дома? Я же просила мне позвонить, сообщить, как добрались. Генки еще нет, я волнуюсь.

— Господи! — сказал он. — Господи! Как вас зовут?

— Светлана, — ответила она. По ее тону он понял, что на другом конце улыбаются.

— Веточка... — произнес он нежно.

В расписной вазочке рядом с телефоном стояла сухая веточка платана. Почек на ней уже не было — три малюсеньких зеленых листика ярко блестели под светом настольной лампы, но Карташов их не видел. Он сидел с закрытыми глазами и слушал, слушал, слушал...

И отчего костер потух —
Тот, что горел вчера?

Когда в реке блестит вода
И месяца рожок,
Сгоняет облака куда
Небесный пастушок?

И лучше ль дождю шуметь
Иль тихо моросить,
Чем нас печалит листьев медь —
Кого спросить?

Большие вещи

Не звонит у меня телефон.
Может быть, простудился он?
Мой будильник стучит:
"тик-так..." —
Как всегда, но... чуть-чуть не так.

Взял я книгу и сел у окна —
Не читается что-то она.
Начал брату писать письмо —
Заскрипело странно перо.

Гвоздь забить захотел в потолок,
Да не слушается молоток.
Не пойму, отчего вокруг
Изменились все вещи вдруг?!

Я остался совсем без дел,
Молча в зеркало поглядел,
А оттуда взглянул на меня
Кто-то грустный — совсем не я!

Значит, зеркало это, друг,
Тоже тронул недуг..
Я врача попросил бы прийти,
Только где мне такого найти?

Чтоб читалась книжка легко
И без скрипа скользило перо,

Чтоб из зеркала на меня
Глянул прежний — веселый — я.

Книге, зеркалу и часам
Чем помочь? Я не знаю сам.
Кто рассеет вопросов дым:
Как помочь мне вещам больным?

Слова

Памяти Генриха Сапгира

Слова высокие
похожи на жирафов,
А низкие подобны черепахам.

А те, что очень высоки, —
парят, как птицы,
От них порою голова кружится.

А очень низкие
ушли в земную твердь,
Нам незачем их слушать и смотреть.

В ресторане "Поплавок"

В ресторане "Поплавок"
Целый день переполох.

Червяков — да поскорей! —
Просят двое пескарей.

А плотве еще быстрее
Подают пескарей!

Ну, а щуки по привычке
Заказали по плотвичке...

Только, выпив пива, раки
Говорят, что это враки.

VII Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе

Клуб "Neue Zeiten" и литературное объединение "Шаг навстречу" предлагают всем желающим участвовать в VII Международном поэтическом турнире в Дюссельдорфе под девизом:

"Нет конца "веселым" переменам..."
Николай Гумилев

Николай Гумилев ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Песнь первая

Свежим ветром снова сердце пьяно,
Тайный голос шепчет: "Всё покины!"
Перед дверью над кустом бурия
Небосклон безоблачен и синь,
В каждой луже запах океана,
В каждом камне веянье пустынь.

Мы с тобою, Муза, быстроноги,
Любим ивы вдоль степной дороги,
Мерный скрип колес и вдалеке
Белый парус на большой реке.
Этот мир, такой святой и строгий,
Что нет места в нем пустой тоске.

Ах, в одном божественном движении,
Косным, нам дано преображение,
В нем и мы — не только отраженье,
В нем живым становится, кто жил...
О пути земные, сетью жил,
Розой вен вас бог расположил!
И струится, и поет по венам
Радостно бушующая кровь.
Нет конца обетам и изменам,
Нет конца веселым переменам,
И отсталых подгоняют вновь
Плетью боли Голод и Любовь...

В конце этого года и в начале следующего пройдут региональные турниры, которые выявят призеров с правом участия в финале турнира в мае 2007 года в Дюссельдорфе.

Список руководителей региональных центров:
1. Северный Рейн — Вестфалия, Дюссельдорф
Раф Айзенштадт — 0211 352240
2. Нижняя Саксония, Ганновер
Григорий Галич — 0511 2123504
3. Гамбург
Леонид Михелев — 040 29891822
4. Берлин
Станислав Львович — 030 6914255
5. Бранденбург, Потсдам
Наталья Горбатюк — 0331 710277
6. Баден-Вюртенберг, Штутгарт
Виктор Старшенко — 0711 8493727
7. Бавария, Мюнхен
Марк Хабинский — 089 7439714
8. Бавария, Нюрнберг
Татьяна Свирская — 0911 5192793
9. Саксония, Дрезден
Андрей Фурсов — 0351 2104885
10. США, Нью-Йорк
Ирина Поволоцкая — 001 7183731730
11. США, Лос-Анджелес
Маина Ерусалимчик — 001 3236540880
12. Израиль, Нетцер
Иосиф Вул — 00972 48216297
13. Израиль, Ашдод
Зоя Воеводина — 00972 88675434
14. Австралия, Сидней
Борис Мельников — 0061 293981250
15. Украина, Киев
Алла Потапова — 0038 0445408762
16. Россия, Москва
Любовь Саломон — 007 4954938285
17. Украина, Одесса
Всемирный клуб одесситов — 0038 0487240135

Сайт турнира в интернете: www.turnir-poesie.de

Дорогие друзья, участвуйте в нашем турнире!

**Рафаэль АЙЗЕНШТАДТ,
Президент Международного поэтического турнира**

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

В мѣ "Юніонъ"
состоится
АНОНСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО
ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ
ВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ
Въ понедѣльникъ въ 8 часовъ

Состоится въ Концертномъ Зданіи
Маріи Ивановны Долиной
извѣстной артистки
исполнителъ

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 4 (63)

Сентябрь. 2006 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Вечные спутники

День рождения Одессы — не только для нынешнего поколения одесситов, но и для тех, кто жил здесь до нас, и, надеюсь, для будущих поколений — это возможность прикоснуться к истории и культуре, осознать, как много дал город каждому из нас и всему миру.

Потому что Одесса — это и де Рибас и дюк де Ришелье, это Георгий Гамов и Илья Мечников, это Александр Пушкин и Исаак Бабель, это Леонид Утесов и Сергей Уточкин, это оперный театр и гигантская лестница... Спутники Одессы, ставшие ее сутью, смыслом, ее легендой и надеждой.

Всегда ли мы замечаем маленькие перемены в нашем городе? Скульптор Александр Князик создал новую мемориальную доску на доме, где жил Исаак Бабель — вместо старой, потрескавшейся, с ошибками, установленной на соседнем доме. В этом году исполняется 65 лет со дня трагической гибели писателя. Но Бабель жил, живет, будет жить в ауре нашего города, он, переведенный на десятки языков мира, делает Одессу городом мировой литературы. А впрочем, только ли он? И Жаботинский, и Олеша, и Ильф, и Петров, и Катаев учат человечество мудрости Одессы и одесситов, знакомят с одесским характером и языком.

Всегда ли мы находим в себе душевные силы, энергию, чтобы стоять на защите родного города? Кто, где и когда обсуждал безликие фонтаны, возникшие на месте последней "бельгийской стоянки" на Греческой площади? А что происходит в Городском саду? Кто и по каким чертежам будет возводить ротонду, ковать решетки ограды? Разве это не должно заботить нас, одесситов?

Можно и нужно переносить отжившие свое памятники. Но гостиницу "Одесса" на морвокзале не скоро перенесут, как и центр "Европа" на Дерибасовской... И не можем мы сказать, что не заметили, как они возникли.

Нет, все эти новоделы не станут вечными спутниками Одессы. Думаю, ироническая улыбка Бабеля сквозь годы относится сегодня к нам. А может быть, нужно вспомнить крылатые слова Михаила Жванецкого: "Тщательнее, ребята!". И именно за это выпить в день рождения Одессы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Желаю Вам доброго здоровья, ста-
бильности и удачи во всем! Псылаю
свое стихотворение. Есть желание на-
писать на него музыку Если песня полу-
чится — обязательно пришло.

С уважением,

Всеволод Верник
Нью-Йорк
seva37@mail.ru

Я прилечу!

Мой лайнер

приземлится утром зыбким,
Вот, наконец, я прилечу домой!

И двери распахнет

таксист с улыбкой:

— С приездом!

Где мы едем, дорогой?!

С застывшей на губах

улыбкой грустной

В Аркадию отправлюсь,

будто в рай,

С Пантелеймоновской на мой

бульвар Французский

Свернет, как прежде,
старенький трамвай.

Легко отдам за шепот ласковой волны
Всю прелесть Ниагарских водопадов,
Все пляжи мира, что красот полны
Мне не заменят старую Отраду!..

Мне часто снятся

Молдаванка и Тересынь,

Одесской летней ночи благодать, —

Мне не заменит

Брайтон-бич Одессы,

Как мачеха вам не заменит мать!..

И только в снах —

невидимый, безликий —

У Дуны я брожу между колонн, —

Кричит моя душа

безмолвным криком,

Как сдавленный змеей Лаокоон!..

Я помню все закаты и рассветы,

Глаза друзей, которых провожал,

И нету на вопрос в душе ответа:

Зачем я из Одессы уезжал?!

От всего сердца благодарю А. Дильфана за статью о Валентине Хруще.
Мне довелось знать Хруща совсем немного. Однако этого хватило, чтобы
быть покоренной его творчеством и глубиной его души. Наше сообщество:
Александр Лисовский, Юрий Плисс, Евгений Стоев, Виктор Ратунский,
Евгений Лукашов, Виктор Павлов глубоко скорбят по нем.

Память о таком Великом человеке и художнике будет жить всегда.

Елена Гертнер
Gertnerlena@ukr.net

Два года назад я была в Одессе
(это просто сказка!) и купила на
Дерибасовской Большой полуПолко-
вый словарь одесского языка Валерия
Смирнова. Прочитала залпом вдоль
и поперек, а когда приехала в Моск-
ву и дала почитать друзьям — поня-
ла, какую сделала ошибку. Надо бы-
ло купить как минимум пять, а то и
десять экземпляров. Теперь со вре-
менем очередь из ноющих, просящих,
умоляющих дать почитать, скопи-
ровать на принтере, плоттере и

переписать вручную возросло.

В мае я снова была в Одессе,
но книжку не нашла ни в одном
магазине! Подскажите, пожа-
луйста, где ее можно заказать.
Я не могу больше отбиваться от
приставаний друзей и знако-
мых... Помогите.

Как говорят, моя благодар-
ность не будет знать никаких ра-
зличных пределов.

С уважением,

Надежда
n_minakova@mail.ru

С некоторых пор я очень заинтересовался
своей настоящей фамилией — Скроцкий. Дело
в том, что мой отец совсем не много знает о
своем родном деду, который и носил эту фа-
милию. Все, что известно, — то, что этот
человек имел несколько братьев, которые, в
свою очередь, были как-то связаны с сахарны-
ми заводами на Юге Украины. Моего деду с
детства на Украине воспитывал отчим с фа-
мией Исаенко, которую ношу и я сейчас.

Я родился и живу в Анапе, учился ювелирно-
му делу у отца, окончил художественную шко-
лу, с 16-ти лет занимаюсь ювелирным дизай-
ном, сейчас работаю в Московской ювелирной

фирме. С моих работ открыли новую
рубрику в журнале "A World Of Dreams",
это французское ювелирное издание.

В ближайшем будущем надеюсь привлечь
инвесторов к созданию бренда, производя-
щего по-настоящему ювелирное искусство, а
не леденцы, как прочие, поэтому мне хочется
работать именно под своей настоящей фами-
лией. И потому, я думаю, это будет честно по
отношению к моим предкам.

Я буду очень признателен, если вы сможете
мне чем-то помочь.

Владимир Исаенко
jeweller_2007@mail.ru

Сейчас у меня на руках
сценарий легендарного Юнг-
вальд-Хилькевича, "папы"
мушкетеров, — завершение
истории легендарной чет-
верки под названием "Со-
кровища кардинала Мазар-
ини". К нему — смета.

Проект зависает, поскольку
затянулся поиск инвестора.
Интересуясь этим вопро-
сом, я узнала, что даже
Феллини не удалось снять
свой последний шедевр по та-
кой прозаической причине,
как отсутствие денег. А вот
Ежи Таржану повезло больше
— он кинил клич по всей Поль-
ше и создал "Огнем и мечом"
на пришедшие на счет деньги.

Георгию Эмилевичу 71, он
в добром здравии, прожи-
вает в Москве. Напомню,
что все свои шедевры он снял
именно в Одессе, а это и
"Опасные гастроли" с Вы-
соцким, и "Ах, водевил, во-
девил", и "Узник замка
Иф", и, конечно же, "Ис-
кусство жить в Одессе".

С надеждой,

Оксана Чернышева,
редактор журнала
"Единственная"
Edipresse Ukraine LLC
tel. +38(044)4907140
fax. +38(044)4907141
e-mail: edipresse-info@edi-
presse.com.ua
www.edipresse.com.ua

Один из моих читателей,
одесит по рождению, ленин-
градец по прошлой жизни и
израильянин по нынешней,
просит узнать что-либо о ев-
рейском детском доме
в Одессе, существовавшем

в нашем городе с дореволюци-
онных времен вплоть до...?

Если кто что знает, отзо-
витесь, пожалуйста!

Белла Кердман
kerdman@zahav.net.il

Здравствуйте, уважаемые господа!

Ни разу у вас не был, но люблю ваш город
почти как свой и, конечно, давно хотел
побывать.

Не могли бы вы сообщить, с кем можно было
бы начать переговоры о выставке, или
просто о людях, которых бы это
заинтересовало. Думаю, для культурных
людей, людей искусства и офтальмологов
это было бы интересно.

С глубоким уважением,

Тарри Линн
Garri Linn

Nitzsche Str 5
53177 Bad Godesberg
Tel: +49-228/8579980
Web: www.irisationen.com
Mail: garri@linn-art.de
Exklusiv vertreten durch:
Galerie UNIKAT
Mainzer Stra. 87
53424 Rolandswerth
T+ F: +49-2228/ 80 61
Mobil: 0177/ 738 62 53
artunikat1@hotmail.com

Поздравляю всех выпускников
1981 года ОБАКОЛУ с 25-ле-
тием выпуска. Всех крепкого здо-
ровья, счастья, успехов во всем.
Всем крепко жму руку и обнимаю.
12 батарея, 4 взвод
Сокол (Мальков)
vershmal@reg.avtlig.ru

Разыскиваю выпускников-
судомехаников ОМУ ММФ
1991.

Вячеслав
slash71@inbox.ru

Талине Владимирской
Когда сижу на 35-м этаже
в своем нью-йоркском офисе с
видом на Тудзон и в рабочее вре-
мя разглядываешь Ваши по-
следние фотографии со Жва-
нецким на сайте клуба, то ду-
маешь, насколько вся наблю-
даемая из окна красота мерк-

нет перед Вашим обяза-
нием! Красавица и Ум-
ница! Так держать!

А. Б.
Морган Стэнли
Файнэншл Координейтор
Нью-Йорк
a@odessa.com

Создан форум для выпускников Одесского института связи
им. А.С. Попова <http://andrez.rbxlib.com.ua/ois/> Ищу всех выпускников
этого института. Заходите, ищите друг друга, общайтесь...
С уважением,

Неволин Владимир
grig@uaservice.com.ua
Kiev +38-050-970-20-12

Здравствуйте!

Я одесит, в настоящий мо-
мент учусь в Петербургском
университете. Хотелось бы уз-
нать, есть ли землячества

одеситов в Питере и как с ни-
ми связаться.

С уважением,

Денис Субботниковый
dennissub@rambler.ru

Более 40 лет я занимаюсь изуче-
нием жизни и творчества замеча-
тельного сатирика, фельетониста
Власа Дорошевича. Выпустил
книги о нем, подготовил его сборни-
ки, в т. ч. "Театральная крити-
ка Власа Дорошевича" (2004),
"Сахалин" в 2-х томах (выходит
в Южно-Сахалинске в этом году).
Прошу связать меня с одесскими

издателями, которым было бы ин-
тересно издать книгу Дорошевича
"Одеситы и одеситки" с моей
вступительной статьей, расска-
зывающей об одесском периоде жиз-
ни и творчества Дорошевича.

Семен Владимирович Букчин,
д-р филологич. наук
Минск
bukczyn@atomnet.pl

Ищу все, что связано с именем моего деду (Жака)
Ефимовича Малика, художника, члена Общества независи-
мых художников в г. Одессе в 10-20-х годах 20 века. Если у
кого-то есть его картины, мы готовы купить их. Если кар-
тины не продаются, мы очень просим сделать цветную фо-
тографию для семейного архива. Нас интересуют любые
сведения и упоминания о нем. Заранее благодарим всех,
кто откликнется на нашу просьбу.

Владимир Баденков
mxfart@yandex.ru

Телефон: 8 903 119 61 43; 542 48 71.

Александр ДОРОШЕНКО

Великая Екатерина

*"Богородица царевна
Киргиз-Кайсакия орды! ..."
Гаврила Державин. Фелица*

Екатерининская (Елисаветинская) площадь имеет камерные размеры. Площадь и одноименная улица названы во имя святой великомученицы Екатерины. Площадь эта треугольной, ограненной временем формы, она открыта всем ветрам и пронизана солнцем, и от ее граней лучами звезды отходят Екатерининская улица и короткие улочки, ведущие к Сабанееву мосту и Приморскому бульвару. С названиями этих улочек всегда была проблема. Узкая и кривая щель Воронцовского голого переулочка есть наследие всяких состоявшихся и не получившихся здесь перепланировок. Устраивалась эта площадь долго и трудно. Несколько раз она могла в перестройках исчезнуть вовсе. Ломаются на ней линия Екатерининской, а с постройкой Сабанеева моста засиял ее третий луч, переброшенный через балку Военного спуска.

В начале времен здесь естественным образом расположился скверик, — за прозрачной решеткой с ромбическими косыми ячейками росли деревья и подстриженные пуфиками кусты, а по периметру расставлены были высокие трехглавые фонари, пережившие здесь все последующие изменения. В центре скверика в тени ветвей и листьев была круглая прохладная чаша бассейна, и в ней плескался тройной высоты из трех чаш фонтан.

В мае 1900 года по проекту Б.В. Эдуардса здесь поставили памятник Великой Екатерине. Основательнице нашего Города, давшей ему имя и право на жизнь. Он был так же легок и строен, как сама эта площадь (поэтому его доминантой была вертикаль), и с четырех сторон постамента, у его граней, стали сподвижники Екатерины в строительстве Новороссийского края, двое русских — светлейший князь Григорий Потемкин и граф Платон Зубов, первые генерал-губернаторы южного края России, и два иностранца происхождением, отдавшие лучшие годы жизни и все силы души и ума своей новой родине — Франц Сент де Волан и Иосиф де Рибас, первооткрыватели Города. Каждый на своем месте, на собственном невысоком пьедестале, вокруг центрального барабана из розового гранита. Львиные морды с кольцами в оскаленных зубах охраняли памятник, и две изящные гранитные лестницы легкими дугами вели к основанию постамента.

Лицом памятник был обращен к Екатерининской улице, на пьедестале во весь рост стояла фигура государыни, в царской мантии, опирающаяся ногой турецкий флаг и держащая в правой руке указ об основании нашего Города, и с этой же стороны Григорий Потемкин, светлейший князь Таврический, генерал-фельдмаршал, новороссийский, азовский и астраханский генерал-губернатор, властелин полумира.

"Это был человек даровитый, но почти ни одно дарование его не могло быть применено к надлежащей цели по страшной жадности и честолюбию, питаемому неверностью положения"¹. С юности одна только мысль поглощала его — быть первым, играть главную роль. Он никогда и ни в чем не знал меры. Он властвовал над Югом России, над громадными территориями, властвовал, как монарх, и никакие европейские монархи такими пространствами и властью не обладали. А роскошью это уж точно. Людовик XIV был Францией — Григорий Потемкин был Новороссийским краем и Крымом. Он построил себе столицу на юге — Херсон. Все вокруг раболепствовало... и ненавидело. На вершине власти друзей не имел. Никогда и никому так не завидовали в России, и не было вельможи, которого бы так яростно ненавидели.

"...князь Потемкин, сей великий вельможа тогдашнего времени, вороватый всем государством, *приводившим все оное в удивление собою* и, как казалось, родившимся на сущий вред оному; человек, который ненавидел все свое отечество и причинял ему неизреченный вред и несметные убытки алчностью своею к богатству и от которого и вперед ничего ожидать было не можно, кроме вреда и пагубы", — это домашняя запись-меморий Андрея Болотова², — так чувствовало дворянство. А это уже голос памяти старого князя Болконского:

"...И ему представился Дунай, светлый полдень, камыши, русский лагерь и он входит, он, молодой генерал, без одной морщины на лице, бодрый, веселый, румяный, в расписной шатер Потемкина, и жгучее чувство зависти к любимцу, столь же сильное, как и тогда, волнует его. И он вспоминает все те слова, которые сказаны были тогда, при первом свидании с Потемкиным".

¹ С.М. Соловьев. История России с древнейших времен (в пятнадцати книгах). М. Мысль, 1966.

² А. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1738-1795).

Потемкин это спокойно знал... Он любил сильных врагов. Станным образом эти слова Толстого сказаны о самом Потемкине, — так остро он чувствовал зависть к Григорию Орлову. Начали они восхождение в одном общем деле 28 июня 1768 года, но он, много более даровитый, остался на вторых ролях, и долго пришлось ждать...

Стоит он тяжело и спокойно. Держит треуголку на сгибе правой руки, а в левой фельдмаршальский жезл. Роскошен, властолюбив, снисходителен. Эта снисходительность в нем оттого, что равных себе не видит. Суворов, пока был жив Потемкин, был при нем и ему не ровня. Суворов ему завидовал. Вельможа и русский медведь. Барин. Такая сила чрезмерна и приложения себе она не находит. Лицо у него — так делали лица-маски у мифических божеств, символизирующих великие реки мира, с открытым ртом и льющимся из него нескончаемым потоком воды. Но так изобразали и сластолюбие без меры. Убивающее.

В Городе он застыл водопадом лучшей в мире лестницы, самой роскошной, самой небываемой, неостановимой (как и он, во многом бесполезной, — если признать красоту бесполезной...).

Платон Александрович Зубов. Генерал-губернатор Новороссийского края (Екатеринославский и Таврический), генерал-фельдцеймстер, светлейший князь. Он был из тех, кто способен во всем, — царедворец, политик, дипломат и организатор. В правой руке у него треуголка. И очень непростое лицо. Хорошо иметь среди основателей Города такие лица — и гордиться, вот такими мы были в своих истоках (а ставшее с нами сегодня вполне переходящее). С такими лицами они в ином разбеге могли бы стать вождями Великой Французской революции... могли бы написать конституцию Соединенных Штатов...

И вновь голос князя Болконского:

"...И ему представляется: матушка-императрица, ее улыбка, слова, когда она в первый раз, обласкав, приняла его, и вспоминается ее же лицо на катафалке и то столкновение с Зубовым, которое было тогда при ее гробе за право подходить к ее руке".

Если бы он не отстоял идею создания главной гавани на Черном море именно здесь, где ее определили де Рибас и де Волан, нас не было бы на земле!

В Городе есть Платоновский мол...

Поразителен Иосиф де Рибас. Испанский дворянин, солдат удачи, генерал-майор, вице-адмирал русской службы. Дон Хосе. Самый "легкий" из всех, невесомый... Он не здесь в этот момент, он уже где-то там, впереди, и за ним не угнаться. Сразу видно — честолюбец, авантюрист... Баловень фортуны... Все вокруг для него лежит шахматным полем и, рассчитав наперед ходы, ждать он не станет. Верить ему особенно не стоит. Просто потому, что вторым он не будет и станет первым, если его не оставят... и, видимо, остановили. Сам бы он не остановился... Адмирал. Он это понимал как движение, и впереди у него не было границы, не было мыслимого предела. Легкий в решениях, отважный до безумия, осторожный, как медлящая перед броском яростная пума... Изящный, он стоит здесь, как стоял бы на придворном балу, легко и непринужденно (и Эдуардс так поставил пальцы правой его руки — они выдают его с головой, эти пальцы, так они нервны, так замерли в напряженной попытке). Этот нос и разлет бровей от хищной птицы, и глаза, высматривающие добычу, и губы, с улыбкой, успокаивающей жертву, если она так наивна, и эти губы могут ее успокоить... Лицо поднято, поднят подбородок — он музыку слышит, и манит его эта музыка, то ли гвардейский рожок зовет там, на стены Измаила, то ли начальные такты торжественного выхода императрицы... Храбрый из храбрых, как во Франции маршал Ней и у нас генерал Багратион, но в отличие от них, храбрых солдат, в нем было еще многое сразу... Слишком многое для одного!

Не повезло ему с Аркольским мостом!

В Городе он остался главной улицей и нашей юностью!

Франц Сент де Волан здесь самый низший чином. У него только одна на груди награда — боевая — Георгиевский крест за отвагу при штурме Измаила. Эполет на левом плече — в год создания Города он был инженерный полковник. Правой опущенной рукой он держит свиток планов и карт. Он необычен среди этих четырех всем — невысоким званием, работой тяжелой профессией, позой, наклоненной в раздумии тяжелой головой, усталым задумчивым лицом. У него одного опущен книзу подбородок. Мастер, на минуту превращавший работу и вглядывающийся в пространства еще не построенного Города — он видит Город, видит, как это будет. Мастер, однажды нарисовавший нам Город!

В Городе он остался Городом, который стал ему памятником, — целиком!

Чудный памятник этот жил недолго, — кумачовая скатерть накрыла Екатерину в кроваво-красном 1917 году, так палач перед казнью набрасывает на голову жертвы покрывало...

"Из тьмы веков вззошла тяжелым шагом
На гулкий пьедестал торжественная новь,
И голову царицы красным флагом
Закутала... И пурпур, точно кровь,
Стекает вниз по бронзовому телу..."

...над городом встает
Из давних снов, как призрак, тень Марата
И смотрит, как пурпурово течет
По памятнику кровь и как мелькают птицы
Над трупом обезглавленной царицы"

Юрий Олеша.
Кровь на памятнике. Апрель 1917

Де Волан и де Рибас, Григорий Потемкин и Платон Зубов, накрытые этим покрывалом, тоже дождались своей казни. Они лежали на площади, и позы их были такими, как падает расстрелянное тело. А позже Екатерину четвертовали...

Беспомощные, они лежали в самом центре Города, который задумали и создали на краю солонного, как слезы, моря и сухой, как сиротство, безводной степи. Платон Зубов, отстоявший мысль о создании Города, Григорий Потемкин, властелин полуденной этой земли, обеспечивший ее безопасность, дон Хосе де Рибас, так задумавший наш Город, и Франц де Волан, так нам его нарисовавший.

И Великая Екатерина, благословившая Город на жизнь!

Они лежали на брусьях мостовой и кровь медленно сочилась и текла вдоль бороздок, вдоль канавок брусьев, под ноги стоящим вокруг людям, пришедшим участвовать в площадной казни. И неловко переступали ногами стоявшие вокруг трупов люди, боясь запачкать этой кровью свою обувь.

(Художник совместил здесь два времени, реальное сиюминутное время, в нем стоят все эти, нацепившие красные банты и усы, и с шашками усевшиеся на не виноватых ни в чем лошадей, а также селянин с граблей-ружьем и пустой постамент. И время вечности, в котором отлетают куда-то от нас прочь бронзовые тела наших близких...)

Памятник Екатерине сняли 1-го мая 1920 года, и постамент долго стоял пустым³. Екатерину гильотинировали, — говорят, — намерено лишили головы! Выдрали из постамента льва. Сорвали надписи, где-то сложили тела казненных, Екатерины и четырех...

А всего за несколько десятков лет до этого дня на площади вот так же собирались люди. Был день открытия памятника Великой Екатерине. На старой фотографии, любительской, море людей и цветов. Живыми цветами убраны клумбы вокруг постамента, цветы в руках людей, и один букет лежит у ног Екатерины. Люди стоят по всей площади и на прилегающих улицах, Сабанеева моста и Екатерининской, ее надломленного поворота, ведущего к Дюку. С цветами в руках, со слезами благодарности. Среди них были отцы и деды вот этих, теперь вернувшихся сюда, и поставили они памятники основателям и строителям Города. Деньги на него были собраны всеми сословиями Города, бескорыстно... У пьедестала хор и оркестр. Море флагов в руках пришедших на праздник открытия, на стенах домов, на балконах, где тоже цветы и люди. Движимые любовью.

А эти движимы были силой разрушения и страшной ненавистью к ушедшему. И страхом — уже проявлялся в их поведении страх, который с этого мгновения стал расти и расти и стал основой всей их последующей жизни! И основным побудителем всех поступков... Потому что отвечает человек за свои поступки... Потому что ненависть к прошлому отцов рождает страх за будущее детей!

А потом мы долго и счастливо жили, имея вид, что ничего не произошло. И сегодня такой вид привычно сохраняем.

Они много лет провели в подвале Музея истории и древностей. Там были выставлены "отдельные части императрицы — голова, юбки и бюст, волнующий своей пышностью посетителя". Я вижу, что рассказывали этим посетите-

³ Снимали памятник по частям. Я видел фотографию — рядом с памятником на площади стоит паровоз (он добрался сюда по специально проложенной трамвайной ветке от Ланжероновской), и этим паровозом пытались сдвинуть памятник целиком — но не потянул паровозик. Тогда же трактором пытались сдвинуть памятник Воронцову и, к счастью, не потянул трактор (Прим. автора).

⁴ Илья Ильф. Путешествие в Одессу. 1929.

лям тогдашние экскурсоводы, какой мерзостью и грязью поливали нашу историю.

По сути, это наша Гревская площадь!

Попыток пристроить на екатерининском постаменте Карла Маркса было две, и обе странным образом провалились, родив анекдоты, — поставленного в рост Маркса сдуло ветром, а установленный его же бюст вызвал игривую неприязнь горожан, писавших на его спине короткое и излюбленное ругательство моего народа, так что власти сочли за благо оставить эту затею вовсе.

На советской открытке представлено открытие памятника Марксу на краденом Екатерининском постаменте. Январь 1921 года. Бюст, поставленный на таком высоком и несоразмерном постаменте — нонсенс. И сам Маркс видом языческий идол. Сурово и страшно. Они тогда уже все боялись друг друга и джина революции, выпущенного ими из бутылки. Обычно при открытии памятника люди стоят с букетами цветов, с праздничными лицами, с радостью и в улыбках. Так было при открытии памятника Екатерине. А здесь вокруг памятника каре войск, и угрозой торчат штыки трехлинеек. Все отдают друг другу честь — командиры войск тем, кто, взобравшись на постамент, отдает честь им, сверху вниз, командирам. И видно, как все они делают правильно, правильными имеют выражения лиц и принятые торжественные позы, слова они там говорили правильные и правильные пели песни — слишком много было вокруг внимательно наблюдающих глаз! Потом они хором пели, без музыки или под похоронные излюбленные марши духового военного оркестра, пели, конечно, о себе, о том, что пали жертвой, а что погубили массу невинных, об этом они никогда не пели. Опасные смертельно были эти певуны, еще Пушкин, это предвидя, отметил:

"Сколько их, куда их гонят,
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?"

Партийные бонзы вылезли на постамент и стоят на местах, где были Потемкин и Зубов, де Рибас и де Волан. Только эти, в роскошных революционных галифе, малы ростом для постамента, и давным-давно позабыты смешные их имена. Есть и гражданские соучастники действия. Они стоят правильными несколькими шеренгами у зданий за памятником, у дома Маса. Они стоят так правильно, так молча и так трагически неподвижно, как обычно стоят перед расстрелом (или наблюдая чужой расстрел и примеряя его к себе...). Ну, многим так и вышло, чуток погоды.

А это уже памятник Марксу в рост — настоящий стоит Иван Сусанин. Нечто уродливое, прибудившееся и пошлое. Если пропустить эти фотографии кинематографом, Маркс сплывет вприсядку, — вот он присел и сжался, и был он тогда бюстом, а здесь он встал и выпрямился на краденом пьедестале. Тот же самый, с волосатой гривой, в густой бороде венником, с пенсне и в жилете⁵.

Какая-то сила их, марксов, отсюда сдувала!

Они, четверо, стоят теперь во внутреннем дворике музея на Гаванной. Двое, де Волан и де Рибас, у облезлой стены, поставлены отдельно, как ставят перед расстрелом, и двое, Григорий Потемкин и Платон Зубов, — в густых кустах разросшейся клумбы. Обрубок Екатерины, оплечный, сохранившийся чудом, собран из двух кусков и превращен в подобие бюста. Обращена императрица лицом к густым зарослям. Взгляд ее, адресованный Городу, упирается в близкую плоскость стены. Тяжелая мантия заткана двуглавыми орлами. На шее виден багровый рубец от ножа гильотины.

И многие годы пустым стоял постамент, превращавшийся зимой в ледяную горку, и мы подrostками и студентами бежали сюда кататься с крутых ее склонов. Потом сняли, куда-то продав постамент.

И напоследок в году 1965-м поставили здесь неповоротливо огромный, задавивший тяжестью площадь, памятник восставшему броненосцу "Потемкин". Булыжник пролетариата. Прототипом послужил старый утюг на углях, но почему-то с дурно искаженными пропорциями.

Много раз пытались вернуть их, сохранившихся, на площади Города, и все сывалось. Видимо, нам трудно будет смотреть им в глаза за все, что сделали с их памятью, и за все, что сделали с их Городом!

Но это место для нас святое, так было предопределено, и иному здесь места не будет. Все это пыль времени, сон разума, переходящая суета. Это наше, горожан, семейное дело. На этом месте, святом для нас, ничего иного уже не создано. Только вернуть, как было. Булыжник пролетариата, страшной тяжестью легший на площадь и нам на душу, надо перенести. И поставить на кладбище, могильным камнем ушедшему, если только оно реально ушло... Даже и размышлять не стоит — это место памятника Великой Екатерине и, не восстановив его, Города нам не построить. Это угловый камень фундамента, и без него зданию не устоять!

А к подножию Великой Екатерины принести цветы и покаяться за долгие годы беспамятства.

⁵ Это пенсне по наследству досталось Лаврентию Павловичу, и так его хищный блеск отразился в нашей истории (Прим. автора).

Март 53-го на Дальних Мельницах

В 49-м расквартированные в

Самолет на дальгофских фотогра-

Сгоряча мечтали о застройке всех Дальних Мельницами такими же ладными, как чирок-белоглазками, но строительство споткнулось на первом здании, потом продолжилось уже за Ивановским переулком, но и там надежды не оправдались. В разное время попытки наступления на пыльное село Курсаки почему-то захлебывались сначала на пятиэтажных "хрущобах", потом на девятиэтажках, что венчают улицы

Служивых увозили в бортовых грузовиках. Машины безнадёжно и несправедливо застревали перед шлагбаумами на комплексном Ивановском

Недавно в тамошнем гастрономе, так и не облагоустроенном до супермаркета, услышала нечаянное: "Далеко, далеко, где кочуют туманы..." Раскрепощенную выпивкой певичку не совестили, не носилили, возможно, привыкли. Автор угостил ее стаканом вина. Когда дама выпила, положил ей конфету в ладошку... совсем как 53 года назад. Светлана Г-ова, одноклассница из 1-го "А", дочь разбившегося старшего лейтенанта, автора не узнала.

Neue Zeiten
Дюссельдорф.

Путь Ирвинга Гоффа из Бруклина в Испанию

ПРОТОТИП ГЕРОЯ РОМАНА ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ «ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ»

Родители Ирвинга Гоффа эмигрировали из Одессы в 1900 г. Его отец был ремесленником с классовым революционно настроенным сознанием. Ирвинг Гофф родился в Нью-Йорке в 1900 г. Почти ребенком ему пришлось бороться с другими ребятами из антисемитских банд Бруклина Лонг-Айленда. Он рано прервал свою учебу, так как нужно было помогать семье. Экономический кризис заставил его братья за любую подверженную работу. Он работал продавцом в мясной лавке, спасателем на пляже, акробатическим танцором в кабаре, потом акробатом в цирке. В это время он был активным членом коммунистической лиги молодежи США.

И. Гофф был одним из первых добровольцев, которые направились из США в Испанию. Поначалу он — рядовой солдат на многих фронтах республиканской испанской войны. Позже ему было поручено командование парком грузовиков 15-й интернациональной бригады. Однако на базе в Альбасете сорвали его подолгу не задерживались. Благодаря своей настойчивой просьбе он стал солдатом партизанского подразделения — Brigade Special, которая неделями действовала на вражеской территории за линией фронта. Самой знаменитой операцией было выведение из строя железнодорожного сообщения Малага — Гранада и Малага — Кордоба. Эрнест Хемингуэй два раза принимал участие в этих операциях. Партизанская груп-

Операция у Ла Корхуны вошла в annals истории гражданской войны в Испании. После прорыва на северном фронте 315 офицеров из Астурии попали в плен к фашистам и были заключены в крепость Ла Корхуна, которая считалась неприступной, так как достичь ее можно было только со стороны моря. Неминуемая смерть от рук расстрельной команды генерала Франко грозила офицерам. Гофф и еще 34 партизана-добровольца вызвались на операцию по освобождению, которую предполагалось провести внезапно, бурвально свалившись с небес на голову. Группа высадилась на маленьких лодках и разведала обстановку. На следующий вечер была захвачена охрана, пере-

Здесь испанские бойцы все время повышались в звании. Офицеры этой

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАРШРУТЫ

Олег ГУБАРЬ

Что роднит Одессу и Дублин?

Джойс Пушкина читал, а Пушкин Джойса прочесть не успел — разошлись во времени и пространстве. Зато оба почитали Одессу, каковая не только в "Путешествии Онегина", но и в "Улиссе" представлена. Вот и нащупывается некая степень родства, покада литературного. Если же идти дальше, глядясь пристально, то похожесть двух отдаленных и разных приморских городов становится все более очевидной. Моя дорогая подруга Пэт Херлихи, знаменитый историк Одессы, американка ирландского происхождения, справедливо замечает: самый тонкий, самый пронзительный юмор рождают всего больше претерпевшие народы, еврейский и ирландский. Вот уже много ближе, причем не только до Берлина и Парижа, но и до неисторической родины заглавного джойсовского персонажа, Леопольда Блума (Блюма).

Другая моя подруга, дорогая не менее, а именно Люся Лысенко, преподаватель Киевской академии художеств, внучка выдающегося украинского скульптора, волею судеб на несколько лет прописалась в Ирландии, в Хэливике, неподалеку от Дублина. Она-то и рассказала мне впервые о ежегодном "Bloomsday" — Дне Блума, театрализованном

празднике, карнавале, проходящем ровно 16 июня, то есть в тот самый день, который описан Джеймсом Джойсом. Тот самый день, в течение коего и разворачиваются все события легендарного "Улисса". Когда два главных героя — типологический иудей Блум (метафорический Одиссей, отец) и типологический христианин Стивен (метафорический Телемак, сын) — двигаются по своим эксклюзивным дублинским маршрутам, как бы навстречу друг другу, и практически не пересекаются.

События романа происходят в реальном городе и реальном времени: все многочисленные мелочи абсолютно достоверны. Топография, ономастика, историко-архитектурные и историко-бытовые детали воспроизведены скрупулезно, в точности, один к одному, у всех персонажей, по крайней мере, есть прототипы. Джойс тщательно изучал все первоисточники, проверяя, обновляя и дополняя собственные впечатления. Дорсет-стрит, пивная Ларри О'Рурка, Беркли-роуд, набережная сэра Джона Роджерсона, Таунсенд-стрит, дом такого-то, лавка другого-то, похоронное бюро Николса, Уэстленд-роу, витрина Белфастской и Восточной чайной компании, почтовое отделение,

подъезд отеля "Гровнор", Брансвик-стрит, рекламные плакаты имбирного эля фирмы Кантрелл и Кокрейн, "Приют извозчика", Камберленд-стрит, аптекарь Свени на Линкольн-плейс, аптека Гамильтона Лонга и т. д. и т. п. Вся эта "уличная фурнитура" — архиважное дело! И мы еще вернемся к ней по-одесски. А куда гости "Bloomsday" иезуитски (садомазохистски?) следуют этим самым маршрутом, искренне наслаждаясь соучастием.

"Нашим экскурсоводом, — рассказывает Люся, — была поразительно рассеянная, как все гуманистари, старушка, все время теряющая бумажки с цитатами из "Улисса", а вместе с ними и свою группу". За два часа экскурсанты пробежались по дублинскому центру, начав с О'Коннол-стрит, стремительно перешли через реку и ворвались в кафе, где "стол Блума" и стойка, как и все связанные с ним места, отмечены бронзовыми табличками, вмонтированными прямо в асфальт, булыжную мостовую и прочие сопротивляющиеся материалы. Сверху на табличке — фигурка шагающего с тросточкой человека (Леопольда Блума), а внизу — приличествующая случаю цитата из романа. Далее — Тринити-колледж, Дюк-стрит и все, что положено в придачу. Перед какой-нибудь пивной Барни Кирнана ряженые разыгрывают сценку из "Улисса", в какое действие охотно включаются (вписываются) припадные экскурсанты и проч.

И вдруг — что за наваждение?! — на маршруте объявляется "Одесса" — ресторация, понятно, а что же еще. Впрочем, с совершенно неординарной биографией. Заведение это придумал некий Питер О'Кеннеди — большой, надо сказать, оригинал местного разлива. Харизмат, куча сумасбродных идей, делает странные чешуйчатые скульптуры, используя автомобильный лом, составляет поразительные ресторанные меню, да еще вкусно играет на гитаре и поет в ночном клубе. Внешне этот тип сильно смахивает на Брюса Виллиса (видел снимок ресторатора — вырезка статейки о нем, из иллюстрированного журнала), и его принимают чуть ли не за мафиози, хотя это чертовски добродушный человек. Позже Люська спросила его между прочим, с какого это рожна он назвал свой ресторан "Одесса". Последовал презабавный ответ.

Когда Питер сочинял название, он выписывал на бумажке разные приходящие в голову слова, даже самые непредсказуемые. Одним из таких случайных слов была Одесса. Отчего-то оно, это слово, затесалось в памяти, хотя О'Кеннеди даже понятия не имел, что существует такой город (не у Джойса ли он Одессу вычитал?). В другой раз он сидел у телевизора, и как раз шла программа типа "Что? Где? Когда?". Программу он не слушал, но отчетливо расслышал последний ответ на последний вопрос: "Одесса". Тогда и призадумался. А вскоре они с приятелем катались в заливе на яхтенном катере, и тот обратил его внимание на снимающееся с якоря большое судно. "Куда идете, парни?" — панически заинтересовался Питер. "В Одессу", — последовал ответ. И тогда ему стало ясно, что это судьба. Теперь Питер мечтает посетить наш город. "И если к тебе однажды завалятся огромный бритоголовый ирландец, — предупреждает Люська, — то знай, что это от меня".

Все это было кучу лет назад, в середине 1990-х. И тогда же мне пришла в голову столь же простая, сколь и гениальная идея. Отчего бы нам не закатать тут свой одесский "Pushkinday", по отменному апробированному и привлекающему груды туристов дублинскому "Bloomsday"? Взять хрестоматийное "Итак, я жил тогда в Одессе..." и пройтись

Памятник Пушкину в Одессе

Памятник Джойсу в Дублине

ежедневным пушкинским маршрутом, установить красномедные, навевающие ностальгические всхлипы таблички, обновить или воссоздать соответствующие домишки (торговые ряды близ Нового базара и на других мемориальных задворках, дома де Рибаса, Кирьякова, Бларамберга, Давыдовых и проч.) и заведения, да получать моральные и материальные дивиденды! К слову, и памятники архитектуры подлажаем, а достойные развалюхи (пусть и не памятники) спасем от бесповоротного, беспросветного умирания.

А сколько экзотики на вынос?! Утро в гостинице "а ля ретро рюс", чашка аравийского мокко, приправленная бильярдом в коммерческом итальянском казино, эклер и ансамбль "арфьянок" в немецкой кондитерской, баранина и всяческая пахлава в греческой харчевне, посещение бухты с лицезрением всех флагов, энергичное "сбегание" к морю, купальня, заповедный уголок Старого базара (торг в этом деле уместен!), крутая ресторация Отона с "устрицами по-пушкински", сладкоголосая итальянская опера (пушкинский репертуар: "Сорока-воровка", "Севильский цирюльник", "Тайный брак" и проч.), извозчик-лихач

— знаток и исполнитель оперной классики и т. д. и прочее. В числе прочего, скажем, корчму цыганскую или лавку еврейскую устроить, песни и пляски, заказанный мордобой в регистре фольк (репрезентующие танцевальные собрания) пушкинских времен), "похищение невесты", сувениры подходящие соорудить и т. д. и еще раз прочее.

Мы когда-то, было, приняли пропагандировать эту ненавязчивую идею с сотрудниками Литературного музея Олей Попроцкой и Аней Мисюк. Но как-то никого тогда агитация эта не вдохновила и не встрепнула. Время было трудное, купонное (купонное?), без куража. Может, теперь пришел черед, с учетом, так сказать, позитивной эволюции того же ресторанного, гостиничного и прочего развлекательного бизнеса, включая не растаможенную Таможенную площадь, за отчетный период и общего нашего неумного стремления в Европу и далее везде?

Задаю сто первый вопрос об Одессе: отчего бы и не побрататься с Дублином хотя бы родством выдающихся из ряда вон литературных маршрутов? Не вижу препятствий.

А теперь сто второй вопрос: что думает по этому поводу общественность?

Илья КРИЧЕВСКИЙ

«ОДЕССКИЕ ПАРИЖАНЕ» И ПАРИЖСКИЙ ОДЕССИТ

РАБОТЫ ФАЗИНИ В ИЗРАИЛЬСКИХ МУЗЕЯХ

У старшего брата моего деда было много имен: Шауль, Израэль, Александр, Сандро. Как это звонко и весело звучит — Сандро! Особенно звонко и весело, если знать, что был он художником и жил в Париже.

Кроме этого, в детстве я знал о нем не так уж много. На старой семейной фотографии Сандро возвышался над родителями и братьями, внешность у него была самая что ни на есть романтическая, немного мрачная. И в воображении возникал божественный артист, человек сильный и бесстрашный, всегда находящийся в центре внимания. Его жизнь во Франции просто обязана была стать головокружительным приключением...

С годами я узнал о нем больше. Узнал, что был он скромным, немногословным, в зрелые годы больше походил на клерка, нежели на художника. Узнал, сколько трудностей пришлось ему преодолеть. Узнал, где и как закончилась его жизнь. Веселый образ парижского романтика постепенно померк, и сегодня я грущу сразу о двух людях — о настоящем Сандро и о том, которого создала моя детская фантазия.

* * *

Шауль Файнзилбергер, родившийся в 1892 году в Киеве и выросший в Одессе, рисовать начал рано и в 19-летнем возрасте уже публиковал свои работы в журналах. Но где эти работы? Сергей Зенонович Луцкий, замечательный одесский коллекционер, показывая мне свое собрание, продемонстрировал только один оригинал с подписью Сандро. Все остальное — журнальная графика. То тут, то там мне приходилось слышать о рисунках и живописи раннего Фазини, но увидеть никак не получалось. И еще года три назад я не подозревал, сколько работ "парижского дядюшки" хранится в израильских частных коллекциях. А увидел я эти работы только в апреле нынешнего года, в рамат-ганском музее.

Здесь я просто обязан сделать отступление. Человеку, знакомящемуся с жизнью Израиля по газетам или интернету, может показаться, будто в Рамат-Гане множество музеев, — городской, русского искусства, прикладного искусства, детского творчества... Вынужден разочаровать: все это — один музей, где соседствуют очень не похожие друг на друга тематические экспозиции. А те частные коллекции, о которых я только что говорил, когда-то были одним собранием, принадлежавшим Якову Перемену — одесскому ученому, меценату и политику. В 1919 году Перемен вместе с семьей, друзьями и несколькими десятками картин прибыл в Эрец-Исраэль на пароходе "Руслан". Рейс был в полном смысле историческим — ведь на борту "Руслана" находились будущий профессор Еврейского университета Иосиф Клаузер, будущий главный редактор газеты "Ха-Арец" Моше Гликсон, будущий главный архитектор Тель-Авива Иуда Магидович, поэтесса Рахель, танцовщик Барух Агадати, чета художников Константиновских... А картины принадлежали кисти (перу, карандашу) одесских художников из круга "независимых" — Нюренберга, Гершенфельда, Фраермана, Фазини, Олесевиича, Мексина, Малика.

После смерти Перемена (он скон-

чался в Тель-Авиве в 1960 году, 79-ти лет отроду) его коллекция была разделена между наследниками. Картины если и выставлялись, то крайне редко. Так что выставка в Рамат-Гане — настоящее событие, и не только для меня.

Итак, я увидел оригиналы раннего Фазини. Не один, не два, а сразу две дюжины. Это были рисунки, небольшие живописные работы в самых разных стилях — от кубофутуризма до "Бубнового вала". Что ж, Сандро долго искал свой стиль, а пока искал, не считал зазорным подражать и Бердслею, и Тулуз-Лотреку. Маленький, с почтовой открыткой "Лотрек" в толстой раме висит между таких же маленьких работ Сигизмунда Олесевиича и Израиля Мексина, аргументируя название выставки — "Одесские парижане". А чуть подальше — смелые, без тени подражательства фантазии на античную тему. И тут же большой портрет Сандро, каким его увидел Олесевиич.

Вышло так, что для графики и небольших картин отвели малый зал музея, а "полноразмерную" живопись определили в большой. И экс-

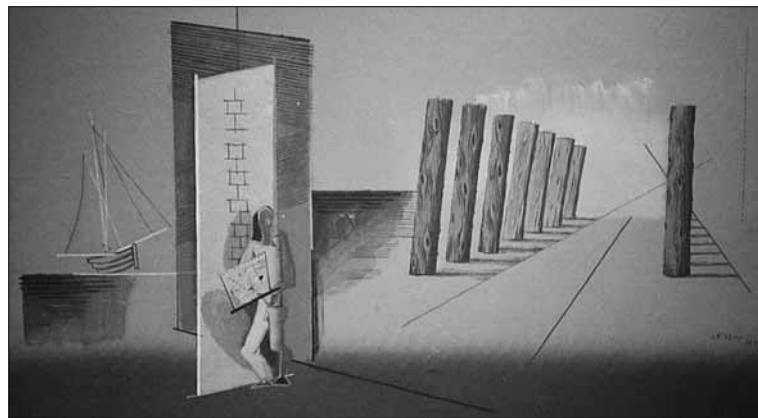

позиция малого зала оказалась интереснее. Не потому что там Фазини, а по иной причине — в малых формах чувствуется гораздо больше мастерства и самостоятельности, чем на больших полотнах (да простят меня художники, в юности черпавшие вдохновение в творчестве Гогена и Сезанна!).

"Очень много вторичного", — сказал мне старый приятель, оглядев выставку. Я согласился, но заметил, что не во вторичности дело. В музее воссоздан целый мир, давно исчезнувший и безумно интересный. Мир, который не выглядит вторичным рядом с Парижем, Мюнхеном или Веной начала века, а стоит в одном ряду с ними.

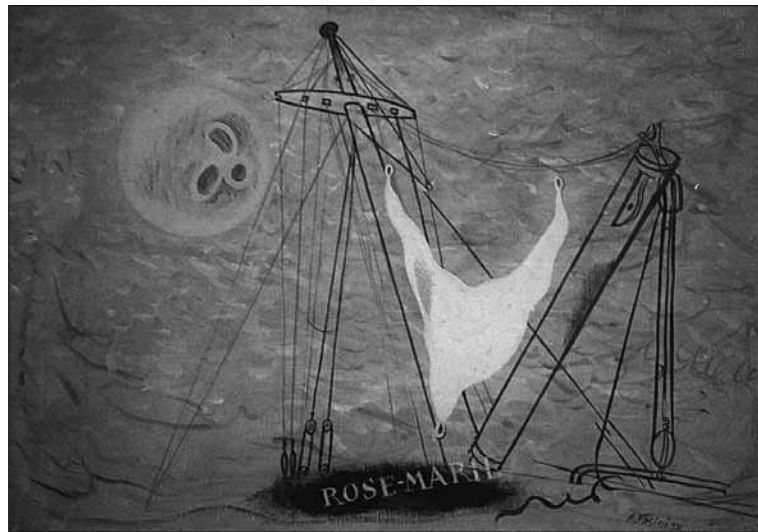
Здесь же, в Рамат-Гане, экспонируются парижские фотоснимки Фазини. Он первым из четверых братьев увлекся фотографией, в 1917 году был направлен Военным правительством в Гатчину для съемки интерьеров дворца императрицы Марии Федоровны. После этих съемок у нас дома сохранилось несколько сувениров: пара маленьких технически безупречных фотографий, конверты и почтовая бумага с тисненными раззолоченными вензелями великих княжон и... А были еще толстые папиросы, изготовленные специально для Александра III, да листок промокательной бумаги, на котором отпечаталось одно слово — "Николай". Этот листок мой дед подарил Булгакову,

и тот благоговейно подносил промокашку к зеркалу, чтобы увидеть царский автограф. "На подлинном собственной рукой его императорского величества..."

О Фазини-фотографе, о его снимках, сделанных в Париже, много говорить не буду. Скажу лишь, что три брата — Сандро, Илья и Вениамин — видели мир одинаково. И фотографии, выставленные в Рамат-Га-

не, можно объединить в один цикл с московскими и американскими снимками Ильфа и композициями самого младшего брата (единственного, кто не обманул отцовские надежды и стал пусть не бухгалтером, но инженером).

* * *

Рамат-Ган — не единственный город, где нынешней весной можно было увидеть работы Сандро. Пять его картин демонстрировались на

выставке "Депортированный Монпарнас" в иерусалимском мемориальном комплексе Яд ва-Шем. Сама выставка впервые была показана почти год назад в Париже. В Израиле она особого интереса не вызвала, и лишь за несколько недель до закрытия экспозиции о ней начали рассказывать в средствах массовой информации. Жаль, но ничего не поделаешь. У прессы свои приоритеты.

Если во Франции названию выставки сопутствовал нейтральный подзаголовок "Художники из Европы", то в Израиле придумали нечто более острое: "Конец парижской школы". И действительно — когда художников, проживших в Париже десятки лет, ставших частью этого города, вдруг сгоняют на Зимний велодром, чтобы увезти навсегда,

разве это не конец, не катастрофа? Причем катастрофа не только для художников, не только для их народа, но и для Парижа.

В просторном зале, наполовину упрятанном в склон горы Герцля, были работы десятков художников — выходцев из России и Австрии, Польши и Венгрии, Украины и Румынии. На большом щите у входа фамилия Фазини значилась под рубрикой "Украина". И я, не задерживаясь у постимпрессионистских и экспрессионистских холстов (некоторые были по-настоящему прекрасны!), пошел искать Сандро.

Я нашел его сразу. Пять картин оказались не очень-то похожи на те лаконичные рисунки середины 1930-х, которые хранятся у моей матери, но ошибиться было невозможно. Вот он, Фазини парижского периода, выставившийся у Вавена, в Салоне независимых и на Всемирной выставке 1937 года!

Всего пять работ. Одна из них меня просто потрясла. Это графиче-

что издавала все это можно принять за рельсы и шпалы. Железная дорога. Ограда. Написано в 1929 году.

Не знаю, о чем думал художник, но получилось произведение воистину пророческое. Ведь после ареста в 1942-м его отправили в концлагерь Дранси, а потом в Освенцим. По железной дороге. За ограду.

К слову, официальное известие о его гибели моя семья получила только 12 лет назад, из архива Великого герцогства Люксембург. Именно там было сказано: "Казнен в концлагере Аушвиц в 1944 году". Конечно, родные знали, что с ним произошло. Знали задолго до моего рождения, ибо поиски, проведенные сразу после войны, никаких результатов не дали. Но мы не знали, где и когда его убили. Теперь знаем. Предчувствовал ли он свою судьбу — сказать трудно. Известно, что знакомые предлагали ему бежать из оккупированного нацистами Парижа в Виши, а оттуда в Испанию, но он не двигался с места. По словам очевидцев, в последние месяцы перед арестом Фазини пребывал в состоянии глубокой депрессии. А арестовали его вместе с женой Азой 20 июля 1942 года.

Вышло так, что пять работ моего парижского дядюшки (вообще-то двоюродного деда, но мне привычнее считать его дядей) привлекли больше внимания, чем картины многих известных монпарнасцев. На выставке нет больше ни одной работы в подобном жанре. Сегодняшние искусствоведы объявили Фазини сюрреалистом и метафизиком. И вполне возможно, что его забытые картины обретут новую жизнь, а их автор — мировое признание.

Я должен быть благодарен судьбе. После Сандро, которого я никогда не видел, остались картины и рисунки, фотографии и письма. Даже гатчинские сувениры. Его памяти повезло.

А в главной экспозиции Яд ва-Шема, на одном из изломов зигзагообразного бетонного коридора, я увидел другое. Такое, что без стеснения расплакался. То были мелочи, буквально мусор, выложенный в маленькой витрине. Какие-то бумажки, разломанные коробочки от лекарств и конфет, монетки и билетики, паспортные фотографии. "Мусор" выгребли из карманов расстрелянных, собрали в коробку и похоронили в братской могиле. И это все, что осталось от нескольких сот человек. А рядом — стихотворение Натана Альтермана, которое в Израиле часто цитируют, особенно в День памяти Катастрофы и героизма, но всегда читают одну и ту же строчку — вторую. Целиком оно куда страшнее:

Когда нас казнили,
Мы не слышали гнева мирского,
Ибо нас Ты избрал
из всех народов,
Ибо нас Ты любил.
И когда казнили наших детей,
Наших умных еврейских детей,
Они ничего не говорили.
Только закрывали глаза матерям,
Чтобы те не смотрели.
Ибо знали: их кровь
В этом кровопролитии
Не считается.

Это написано в 1942 году. В том же году, когда арестовали Сандро. Это и о нем тоже.

Израиль.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Только детские книги читать...

...в детстве не пришлось. К сожалению или к счастью, не знаю. Читалось все, что можно было читать. А стихи Мандельштама, откуда я позаимствовала строчку заголовка, нам тогда были неведомы. Как и его имя.

С нашим нехитрым скарбом в оккупированной Одессе перемещались и те немногие книги, которые были в доме. Все они помещались на полках одной этажерки, но мне казались библиотекой. Правда, первой библиотекой, в которую я попала, была скромная школьная библиотека, но мне она представлялась наполненной книжными сокровищами. А уж когда ее владелица, немолодая дама, внешне не похожая на наших учительниц и пионервожатых (может, из "бывших"?), позволила мне заходить за перегородку и выбирать себе книгу для чтения — это было невероятным счастьем, приобщением к таинству, хоть слова такого я еще не знала. Великие библиотеки — наша Горьковка, библиотеки одесского и ленинградского университетов ("коридор Петровских коллегий бесконечен, гулок и прям" — нужно было пройти четыреста метров его протяженности, чтобы в торце открылась заветная дверь в этот книжный рай!), библиотека Академии художеств с ее торжественными ампириными залами, питерская Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина — меня ждали в будущем, о чем я тогда и не догадывалась, как не догадывалась, что судьба подарит мне книжные драгоценности, любовно собранные моим мужем... Все это будет в счастливом потом!

Кроме книг на этажерке были еще "папины книги" — богословские, хранившиеся особняком в тумбочке под иконами. Я и туда заглядывала, с особым интересом рассматривая "Путеводитель", с которым папа накануне первой мировой совершил долгое паломничество по Святым местам, и альбом фотографий Афонских монастырей.

Я рано начала читать, года в три с половиной, не позже, а когда еще чуть подросла, папа выучил меня церковнославянскую азбуку, и чтобы доставить ему радость, я легко читала вслух Новый Завет...

В тишине буфета, в одном из его отделений хранились "мамыны книги". Рядом с образчиками выкроек, вышивок, кружев, книжек о лекарственных травах степенно высились три книги, неизменно вызывавшие мой интерес. Первая — "Домашняя медицина" Флоринского, изданная в начале XX века. Мама всю свою долгую жизнь предпочитала лечение натурными средствами, насколько это было возможно. Различные травы, графинчик с водкой, настоящей на зеленых орехах, другой графинчик — с "церковным вином", кагором — мне кажется, никогда не исчезали из буфета. И минимальный арсенал лекарств — аспирин, цитрамон и прочие, столь же "демократические" лекарства.

Я думаю, что мама, сложись ее жизнь иначе, была бы замечательным врачом, таким же, как моя покойная свекровь Клара Натановна, наша Кларочка, которая была врачом от Бога. Даже сейчас ее пациенты, а прошло почти двадцать лет после ее ухода, вспоминают ее с благодарностью, что греет нам душу.

Мама же лечила нас сама, и только в каких-то сложных ситуациях в доме звучала фраза: "Нужно пригласить врача!". "Вызвать врача!" — этого в лексиконе тех лет (не только в нашей семье) не было. "Вызвать врача!", по-моему, появилось тогда, когда из одесского языка исчезло обращение "Мадам!", и стало все чаще звучать "Женщина!".

Пока мама лечила нас и врачевала оказавшихся в беде и печали многочисленных родственников, я читала "Домашнюю медицину". Не скажу, что так уж она была мне интересна (может, я напоминала гоголевского Селфиана, готового читать все без разбору?!), но какие-то страницы привлекали мое внимание, и подлинный

ужас вызывало название и описание болезни "пляска святого Витта"...

Две книги из маминого "хранилища" были совсем другими. Одна, в простеньком холщовом переплете, называлась "Скоромный и постный стол. Кулинарное пособие для хозяек". В предисловии автор, Александр Толливерова, сообщала, что адресует эту книгу семьям среднего достатка. Правда, советы, как одевать прислугу, как следить за наличием носового платка в кармане передника, чтобы, не дай Бог, прислуга "не сморкалась в полотенца", описанием всяческих блюд, например, "экономического супа", для которого нужно было взять "полтора фунта говядины или старую курицу", коренья, варить, а когда суп будет готов, "курицу за ненадобностью можно выбросить"(!), и упоминание о "среднем достатке" казались в послевоенные годы и даже гораздо позже неуместной шуткой. Потом этот томик достался мне по наследству. Лет двадцать тому назад в одном из "толстых" журналов, кажется, это была "Нева", мы наткнулись на статью об Александре Толливеровой, и я теперь совсем иначе отношусь к этому скромному пособию о скоромном и постном столе. Александра Толливерова, оказалось, в шестидесятые годы девятнадцатого века жила в Италии, была ближайшей сподвижницей Гарибальди. Даже жила в его доме, под видом невесты проникла в тюрьму, где томился друг и адъютант Гарибальди, чтобы предупредить его о готовящемся побеге... Потом вернулась в Россию, издавала женские и детские журналы, запомнилось название одного из них — "Игрушечка". Кулинарная книга была ею написана в то время, на сломе веков, когда все больше женщин, не только бестужевки, посвящали себя работе — просвещению, медицине, социальным движениям...

Рядом с "Домашней медициной", и толстым томиком А. Толливеровой, демократическими изданиями начала прошлого века настоящей императрицей высилась знаменитая книга Елены Молоховец — в черном кожаном переплете с золотым тиснением. Эти книги, как и кузнецовский поднос с характерными букетиками цветов, висающий теперь у нас, — подарки, свидетели свадьбы моих родителей в 1925 году на Сретенье, 15 февраля...

В отличие от многих моих сверстников, бредивших в детские годы Жюлем Верном, я оказалась равнодушной к его фантастике. Мне фантастику заменила Елена Молоховец. Это было совершенно платоническое увлечение. В мою детскую голову даже не приходила мысль, что все эти фантастические названия — соусов, супов, сыров, овощей, закусок, кондитерских чудес, чаще написанные по-французски, все эти слова — унции, фунты, золотники — были словами из реальной жизни. Нет, они походили на слова из исторических романов, а еще больше на фантастические полеты воображения!

Когда появилась советская "Книга о вкусной и здоровой пище", картинки в ней вызвали плотоядные мысли и желания. Но книга была простецкой! В ней не было тайны. Полюбить ее было невозможно. Когда я уже в зрелом возрасте прочла уничтожающее стихотворение Арсения Тарковского о Елене Молоховец и ее книге, мне стало немного обидно. Мое детское отношение к этой книге было совершенно лишено гастрономических притязаний.

Кстати, я вспоминала, как Аркадий Райкин в каких-то воспоминаниях рассказывал, что был на гастролях в Англии, когда Анна Ахматова получала докторские почести в Оксфорде. Из советского посольства ему посоветовали быть на этой церемонии. Описывая ее, Аркадий Исаакович вспоминал, что на чествовании "королевы поэзии" присутствовали он, "клоун" и "сын кухарки" — сын Елены Молоховец, живший в Англии...

Как и у Арсения Тарковского, опять мелкоуничтожительное — "кухарка".

Заинтересовавшись тем, кем же была Елена Молоховец, мой любознательный муж заглянул в интернет и выяснил, что Елена Ивановна Бурман родилась в 1831 году в дворянской семье. Отец был начальником таможенной службы в Архангельске. Рано лишившись матери, она была отдана бабушкой в Смольный институт благородных девиц, который окончила с отличием. Вернувшись в Архангельск, вышла замуж за главного архитектора города — Франца Молоховца.

А в 1861 году впервые выходит ее книга "Подарок молодым хозяйкам", выдержавшая до революции 29 изданий. Умерла Елена Ивановна Молоховец в Петрограде в 1918 году среди нищеты и, вполне вероятно, от голода... Так что, при всей любви к Арсению Тарковскому его филиппики в адрес "кухарки", "полубайстрючки", "полублагородной" мне кажутся, по меньшей мере, несправедливыми...

Но все-таки чаще всего я обитала в противоположном углу комнаты, рядом с книжной этажеркой. На ее полках стояли огромные (так мне тогда казалось!) однотомники Пушкина, Гоголя, Чехова. Не уступающая им в объеме "Хрестоматия" (очевидно, для гимназий), в которой были отрывки и, как теперь бы мы сказали, — дайджесты, из произведений мировой и русской литературы. Именно благодаря этой хрестоматии я впервые узнала имена Эзопа, Лафонтена (удивлялась, почему их басни так похожи на басни Крылова?!), Шекспира, Гете и — мне самой кажется теперь невероятным — Хемингуэя, Хераскова, Сумарокова и Тредиаковского.

Среди этих фолиантов скромно ютились и другие книги — отдельное издание "Евгения Онегина" с силуэтными иллюстрациями В. Свистальского (на имена художников-иллюстраторов я стала обращать внимание гораздо позже), "дооктябрьский" томик Лермонтова с ятями, ну, увы, без пьес и прозы. Этот недостаток был восполнен. На этажерке со временем появилась толстая тетрадь в синем коленкором переплете (большая редкость и ценность по тем временам), в которую мои старшие сестры в четыре руки старательно переписали лермонтовский "Маскарад". Именно из этой тетради я и учила любимые монологи: "...кто был там, с кем я говорила, кому браслет на память подарила, и Вы узнаете все лучше во сто крат, чем съездили бы сами в маскарад...". Какой же радостью была покупка (на нее долго сестры собирали по копейке), опять же, большого однотомника Лермонтова — со стихами, поэмами, прозой и пьесами.

В семье благодаря маме был культ Некрасова. Многие она знала наизусть, что-то читала вслух при свете керосиновой лампы из тоненьких дешевых изданий. А на мое десятилетие старшая сестра, моя Лена, подарила мне большой однотомник Некрасова в голубом переплете. Это уже было счастье несказанное. Он и теперь, с пожелтевшими страницами, с трогательной надписью, стоит у нас на полке...

Но, наверное, в том далеком детстве из всех книг, стоявших на этажерке, одна из самых любимых — катаевский "Белеет парус одинокий". Мне кажется, что тогда я знала каждую страницу наизусть. Теперь я думаю, что любовь к "Парусу" была воплощением знаменитых слов "И сладок нам лишь узнавья миг". Естественно, наши реалии, наш быт никак не были похожи на жизнь семейства Бачей. И все же — соблазнительное, покоряющее сходство деталей — венские стулья в столовой (пусть у нас не было столовой!), цветок гиацинта, распускавшийся к Пасхе (пусть мы еще не видели, как выглядят гиацинты), но у нас к Пасхе зеленела травка, высаженная мамой на красивой тарелке, а вокруг нее — крашенки. И сказочность елки, к которой мы заранее вырезали корзинки из цветной бумаги, и из нее же

склеивали цепи взамен стеклянных гирлянд, которых у нас не было и в помине. И пусть орехи мы не покрывали сусальным золотом, но, обернутые в фольгу, они были не менее волшебными. И простая карамель в бумажной обертке была не менее вкусной, чем все надкусанные Павлом пряники на елке у Бачеев. Мне эта елка у героев Катаева была так близка, что я, стоя под огромным тополем напротив велотрека (теперь на его месте Музкомедия) в компании своих соучениц, рассказывая о нашей елке, повесила на нее и надкусанные пряники. Алла Грабова, девочка из параллельного класса (потом она училась в одном классе с Сашей Розенбоймом), воскликнула: "Так это же в "Белеет парус одинокий" Павлик надкусывал пряники!". Я посмотрела на нее высокомерно и сказала: "Ну и что?! У нас на елке тоже висят надкусанные пряники!". Наверное, мне тогда казалось, что эти золотые надкусанные пряники — невероятная роскошь!

А вся одесская топонимика! Вот и я хожу в школу на Французский бульвар, правда, по нему не проезжает ландо Каульбарса. Вот же, в квартале от нашей Малой Арнаутской, на нашей Гимназической угол Новорыбной, Петя читал взахлеб, поступая в гимназию, "Белеет парус одинокий". Я ведь с тем же упоением читаю "А он, мятежный, просит бури...". А аптека на Канатной, мимо которой проезжал, возвращаясь из Аккермана, Петя! — мы же тоже туда бегаем.

А слюдяные дорожки равликов-павликов, пусть не на заборе дачи Маразли, но они серебрятся и в нашем дворе. А курень дедушки и Гаврика! Мы застали еще похожие курени на склонах в послевоенной Одессе.

Конечно, Ближние Мельницы — это был какой-то неведомый край одесской земли. Как-то приехав в Питер, пытаюсь объяснить нашему приятелю, где мы теперь живем. Он бывал у нас на Кузнецкой, а я ему что-то втолковываю про одесские Черемушки. Кажется, объяснила. Вдруг он воскликнул: "Так что, вы теперь живете за Ближними Мельницами, куда Гаврик водил Петю к брату Терентию? Так бы и сказала сразу!". А приятель был коренным петербуржцем.

Моя любовь к Пете и Гаврику была почти домашней, своей, как к мальчишкам из нашего или соседнего двора. Другое дело — возвышенная, роющая любовь к Николеньке Иртеньеву! И все Николенькины печали, и все радости (ну, хоть право наконец-то надеть панталоны со штрипами, как у взрослых!) я готова была делить с Николенькой. Правда, я не могла разобратся, кого же я люблю больше — самого Николеньку или добрейшего Карла Ивановича. Из толстовской трилогии именно "Детство" перечитывалось бесконечно и всегда с упоением!

Я вспоминала только некоторые книги, стоявшие у нас на этажерке. Они были читаны-перечитаны, но кроме них в доме постоянно читались книги, взятые у подружек, у друзей родителей, потом и в библиотеках.

И хоть перед летними каникулами "Пионерская правда" печатала список книг, которые необходимо было прочесть в течение лета (и они прочитывались!), но никакого "планового" чтения не было. Читалось все!

И одно другому не мешало. Горючие слезы, доходявшие до рыданий, проливались над "Хижиной дяди Тома", "Принцем и нищим", "Дэвидом Копперфильдом" и романами Лидии Чарской, будь то "Лизочкино счастье", "За что?" или "Княжна Джаваха". Сколько язвительной критики, сколько критического яда было вылит на голову бедной писательницы и на ее романы! Наверное, справедливо. Я с тех далеких лет, естественно, не только их не перечитывала, но даже не держала в руках. Но вспоминая, сколько жалости и сострадания в моей не искушенной в литературных тонкостях душе вызывали судьбы героинь Чарской, сколько неподдельных слез было пролито на рассыпав-

шиеся от времени, затертые страницы ее книг, янисколько не жалею о том, что в детстве читала Чарскую.

Конечно, были попытки со стороны старших блюсти какие-то возрастные пределы. Сестры читали Мопассана и Золя. Мне не давали. Звучало убийственное: "Ты еще маленькая!". У-у-у-у! Приходилось читать в их отсутствие, тайком. Какие-то слова и ситуации были совершенно непонятны. Но спросить нельзя — ведь тайком! Помню, как, читая сиение тома сочинений Шеллера-Михайлова, никак не могла понять, почему все время наталкиваю на неправильное написание слова — кокетки. Ведь правильно — кокетки! И почему герои так часто восклицают: "Поедем к кокеткам!". Что они делают у этих кокеток?!

И еще одно воспоминание о Шеллере-Михайлове. Одна из героинь критически отзывалась о желтом платье с зеленым поясом другой героини (зеленый пояс на розовом платье чеховской героини, по-моему, появился позже) — совершенно уничтожающе: "Яичница с луком!". Вот и все, что осталось в памяти от нескольких томов Шеллера-Михайлова. Мало? Но есть же книги, от которых и этого не остается.

Естественно, что книги вызывали не только горючие слезы. Можно было хохотать до слез, читая "Приключения Тома Сойера" или в тоненькой книжке "Библиотеки "Огонька" (романы еще не были переизданы) отрывок из "Двенадцати стульев" про Эллочку-людоедку.

Сколько досады вызывала хранившаяся там же, на этажерке, старенькая книжка, в которой отсутствовали первые страницы! Это был "Овод" Лилян Войнич. Мне приходилось самой догадываться о круто завязанной интриге, и каким облегчением стало прочтение книги, вновь изданной через несколько лет, со всеми страницами, подтвердившее мои догадки...

Так случилось, что еще одна книга, "немного беременная", как говорит в таких случаях наш друг Сергей Зенонович Лучик, лишенная последних страниц, то ли кем-то подаренная (тогда не стеснялись таких "ущербных" подарков), то ли купленная сестрами на каком-нибудь книжном развале, появилась на этажерке позже. И любовь к ее герою вытеснила из моего сердца и Петю с Гавриком, и даже Николеньку Иртеньева. Это был "Кюхля" Юрия Тынянова. Бедный Кюхля! Я готова была бежать с ним топиться в царскосельском пруду, вызывать на дуэль друзей-насмешников, негодовать по поводу эпиграммы "так было мне, мои друзья, и юкхельбеккерно, и тошно", и вместе с тем не могла сквозить слезы сострадания не хохотать над несуразностью долговязого Кюхли. Тогда я влюбилась в Лицея. И в Пушкина. В юбилейном однотомнике Пушкина, стоявшем на полке этажерки, было много портретов — самого поэта, лицейских друзей, героинь "донжуанского" списка Александра Сергеевича. Только после "Кюхли" они в моем воображении ожили, задышали, обрели голоса. Заветная книга!

И все же, возвращаясь к книгам детства, я вспоминаю одну, ни автора, ни названия которой я не помню. Не помнят и мои сестры.

Холодным осенним днем мама пошла на Привоз. Денег не было. Какие-то гроши. Не помню, может, мама взяла из дому что-нибудь продать, а может, надеялась на эти гроши что-то купить. Во всяком случае, ничего съестного купить ей не удалось. Удрученная, мама покинула Привоз и при выходе увидела женщину, продававшую какую-то книгу.

Мама пришла домой и сказала: "Девочки, я вам ничего не купила из еды. Но зато я купила вам книгу!".

Мы, три мамыны девочки, сморим теперь друг на друга и пытаемся вспомнить, какую же книгу в тот день мама нам купила! И к своему стыду, возведенному в куб, вспомнить не можем. Но главное воспоминание осталось.

Мама купила Книгу.

Шаржи Кирилла Дремлюха

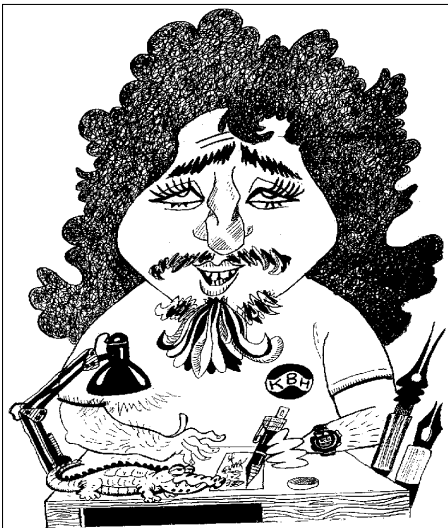
Не первый раз мы знакомим читателей с веселым творчеством одессита, ныне живущего в Нью-Йорке, Кирилла Дремлюха. С самого начала — со школьной скамьи, не имея профессионального образования — он выбрал свою тропинку в искусстве, увлекся шаржированием популярных людей.

Что такое шарж? Известный плакатист, карикатурист Дмитрий Моор когда-то написал: "Шарж — это не просто плохо нарисованный портрет человека с длинным носом. Это сумма знаний о человеке".

Полностью соглашаясь с этим определением, добавлю, что шарж — это иронический взгляд, это попытка сказать то, что не может выразить реалистический портрет.

Где любят, понимают юмор, там и расцветает шарж. И не случайно Кирилл Дремлюх, родившийся в Одессе, как бы продолжил школу художников М. Линского и Б. Антоновского, Соломона Зайцера и Николая Вилкуна, а переехав в Нью-Йорк, закончив университет по специальности "кино и телевидение", он вообрал опыт и мастеров американского шаржа, без которого невозможен пиар ни одного деятеля культуры, науки, политики...

Недавно Кирилл Дремлюх вновь побывал

в своем родном городе и оставил нам новые шаржи, посвященные одесситам и людям, близким нашему городу. Знакомим с ними наших читателей.

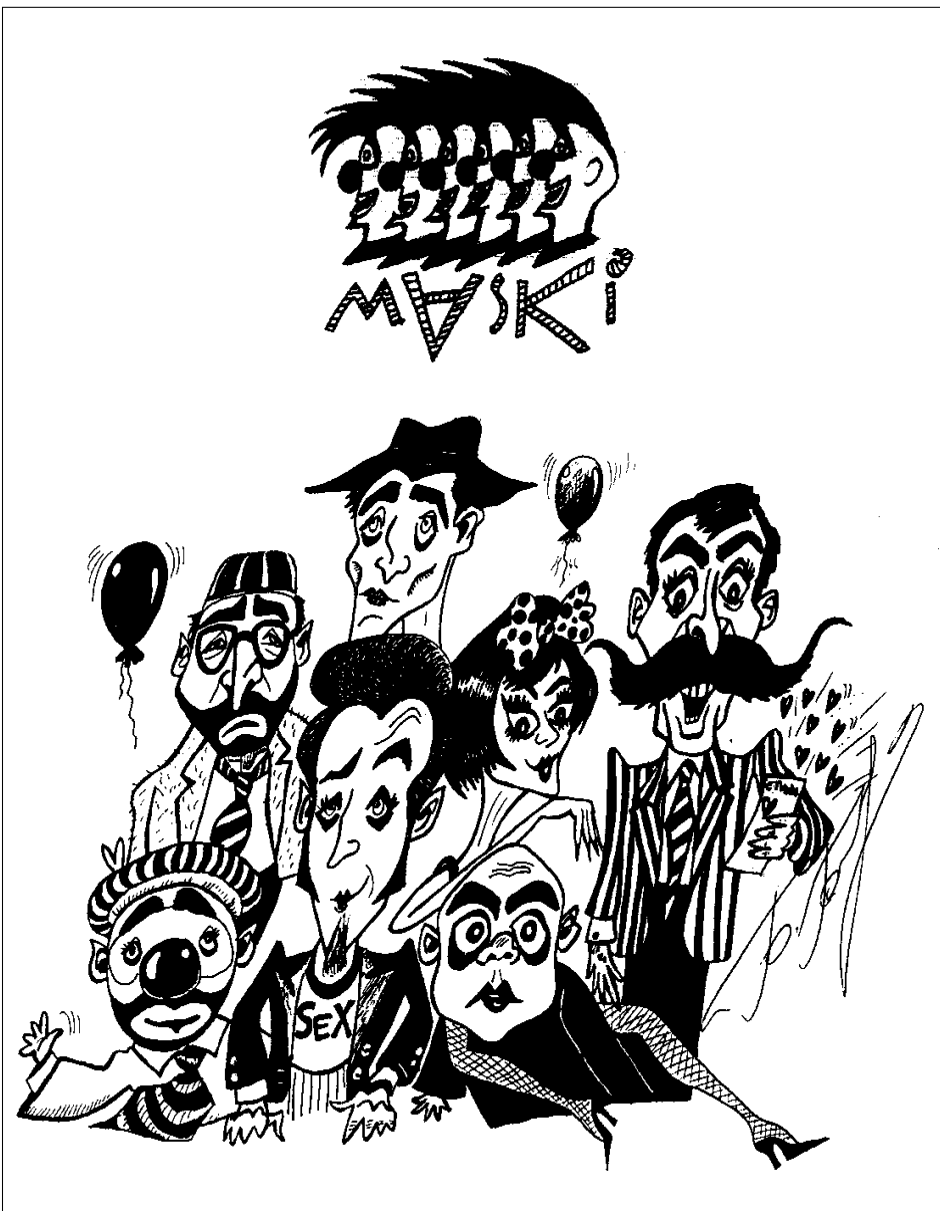
Е. Г.

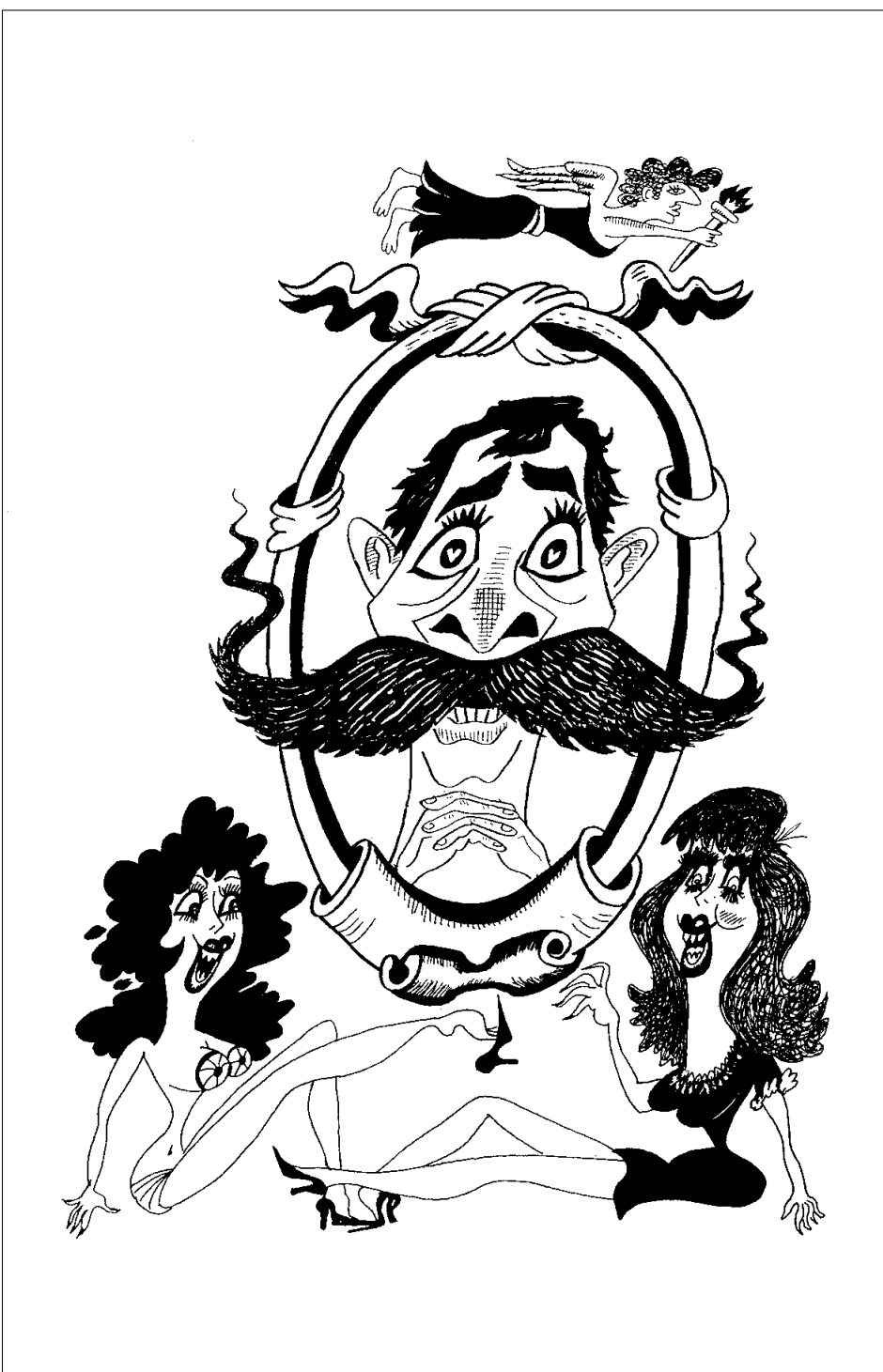
Игорь Кнеллер, Янислав Левинзон, Олег Филимонов

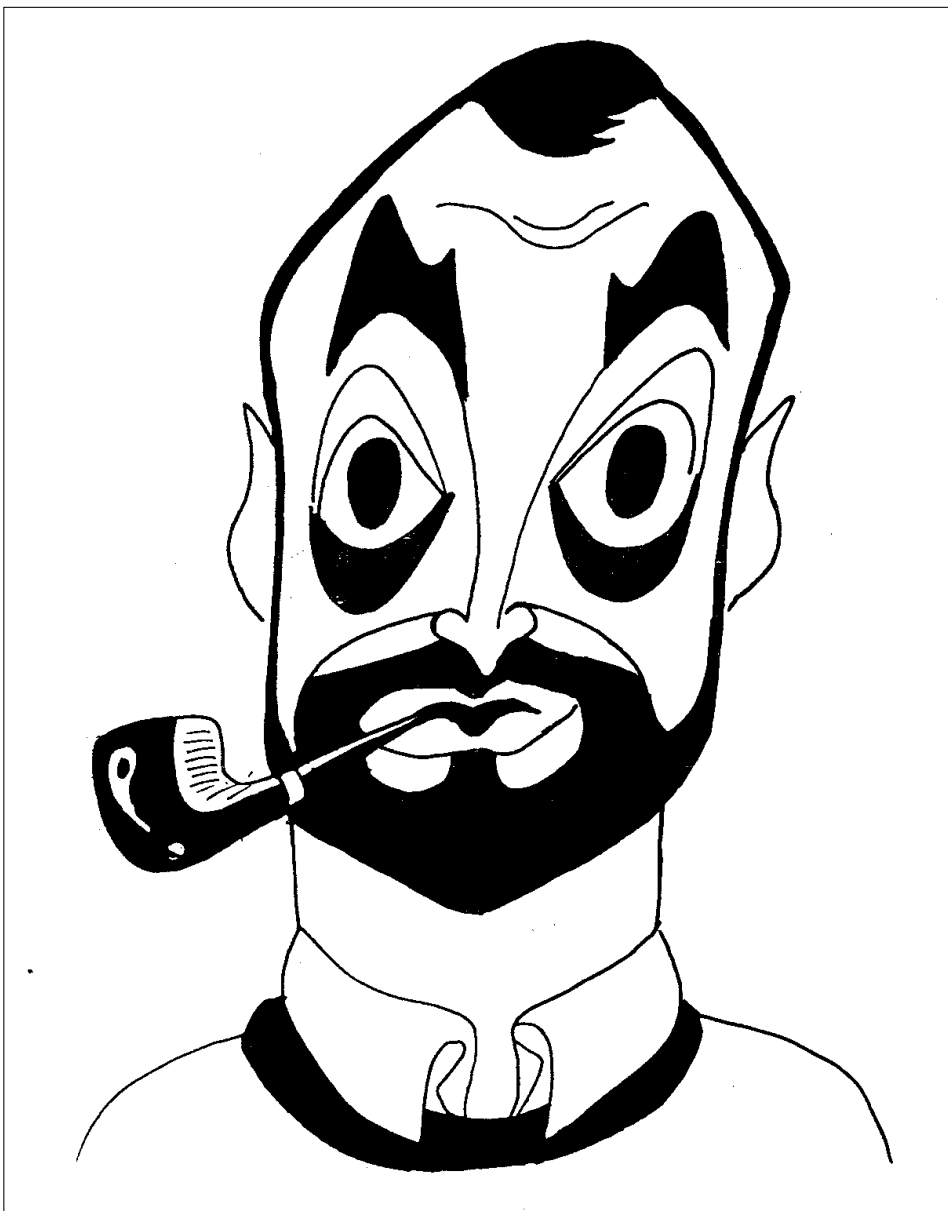
Валерий Хаит

Маски-шоу

Борис Барский

Григорий Горин

Рената Литвинова

Лариса Удовиченко

Максим Галкин

ПРОЗЕВАННЫЙ ГЕНИЙ

Анна БОВШЕК:

ГОРОД ДОБРЫЙ. ГОРОД ЗЛОЙ...

...Сегодня трудно представить себе, что двадцать лет назад имя "Сигизмунд Кржижановский" было известно едва ли десятку людей. О том, как началось его возвращение в литературу, писалось много раз, но всегда хочется сделать это снова. Рассказать о том, как не удавалось ему напечатать книги в 1920-е или в 1930-е годы, — ну разве что самые крохи; о том, как любили и ценили его современники из самых придирчивых. Как этого "писателя для писателей", волею судьбы десятилетиями не имевшего выхода к читателю, постигла немота — сначала фигуральная, "писательская", затем и буквальная, болезненно-человеческая... Как много после смерти Кржижановского Вадим Перельмутер, заинтересовавшись дневниковой записью Георгия Шенгеля о "прозеванном гении", отправился в — тогда еще — ЦГАЛИ посмотреть его рукописи. Как до прозрачности был зачитан студентами МГУ экземпляр самой первой книги "Воспоминания о будущем" (1989 г.)...

Собрание сочинений С.Д. Кржижановского, которое выпускает петербургское издательство "Symposium", сегодня почти закончено: на подходе — последний, пятый том.

Не было бы у писателя и посмертной славы, когда бы не жена, актриса Анна Гавриловна Бовшек. Он не принадлежал к тем, кто "женится на своей вдове"; но она была и навсегда осталась верна его творчеству — в самом высоком смысле. И после его смерти позаботилась, чтобы рукописи не погибли, остались в архивах. Благодаря ей мы получили русского писателя европейского класса, а он — обрел, наконец, читателей. Поздно, но все-таки — не "никогда".

В 1920–1930-е гг. так часто, как только удавалось, Анна Бовшек приезжала в Одессу, навещала мать и родственников, грелась в лучах своего родного южного солнца. Москву она не любила, считала ее — почти всерьез — виновницей несчастий Сигизмунда Доминиковича. Разлучаясь, они переписывались. Весь корпус писем увидит свет в пятом томе. Здесь — только несколько отрывков из писем А.Г. Бовшек (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 2, е. х. 1), лишь штрихи: к автопортрету, к портрету города и — любимого человека.

18 июня 1923

Мой добрый-добрый, мой хороший друг, бесконечно обрадовалась Вашему письму, беру его с собой к морю, в степь, и стараюсь из-за строк видеть Вас. <...> Я живу в разоренной дикой местности: на версту кругом ни чернил, ни пера, ни бумаги. <...> ...оставшись без почтовых принадлежностей, почувствовала себя так, как чувствуют себя матросы, убедившись, что на корабле не осталось ни капли воды для питья. Листы, на которых я пишу сейчас, достались мне почти с такой же трудностью, с какой они достаются выброшенным на необитаемый остров, так что, при Вашем воображении, мой конверт, вероятно, покажется Вам бутылкою! <...> Событий со мной не происходит никаких. В городе я не была и не буду до самого отъезда, никого, кроме своих, не вижу, но оттого, должно быть, что я отдохнула, чувствую себя так, как будто у меня впереди радостная и важная работа, к которой нужно как можно скорей приступить. Первые

две недели я ни о чем не думала, было жарко, легко, спокойно, и я просто дремала, а сейчас много, много и часто думаю о Вас, думаю неясно, радостно и с благодарностью, думаю о Москве и, конечно, немного нервничаю. Не хочется оторваться от моря и хочется Ваших глаз, умных и добрых, хочется Вашего голоса и я, о ужас! летом в мою любимую жаричу считаю дни. <...> Хорошо тут так, что я все время думаю о том, что за такую красоту и радость можно зимой и пострадать, если суждено за все платить. Я часто вспоминаю, как Вы, сидя у окна Студии, советовали мне чаще смотреть на Москвареку, чтобы сохранить радость от нее и для зимы, а я все время думаю о том, что Вас нет здесь и что Вы-то больше чем кто-либо могли бы насладиться морем и солнцем, и Вам не мешало бы очиститься от московской скверны. Только, милый, здесь надо "хорошо лениться", а я теперь вижу, что ничего не делать и лениться это тоже трудно, так как я часто не знаю, где кончается беспечная радостная

лень и начинается острая, тревожная, страшная тоска. Она здесь усиливается еще и тем, что нигде и никогда я не видела такого контраста между красотой природы и безобразием человеческих дел. Уцелевшие жилища такая редкость, что не развалины, а они вызывают жалость и недоумение. И все же мне хотелось, чтобы Вы все это видели... <...> Ну, теперь скоро... Будьте здоровы, родной, да хранит Вас Господь.

Ваша Нета

<без даты>

Мой добрый, родной, если б Вы знали, как мне хорошо сейчас. Я только все время думаю, что за такую радость и покой, должно быть, жестоко придется расплачиваться. Но пусть... Никаких мыслей в голове; солнце сделало меня совсем здоровой и счастливой. <...>

Представьте мое огорчение, милый, когда я узнала, что теперь на Фонтане нет почты и письма не приносят на дом. Мне все кажется, что Вы уж написали мне и теперь письмо начнет странствия. Пишите, родной, по такому адресу: Одесса, Раскидайловская, 8, кв. 9. <...>

<без даты>

Милый, родной мой Зимек, как Ваши дела? Мысли о Вас туманят горизонт моего бездумья. <...>

У нас здесь, на Фонтане, все как будто по-прежнему и вместе не по-прежнему. Пустые дачи... все мысли, дела и надежды сосредоточены на будущих уроках. Напряжение сил огромное, такое, как бывает, когда ставка — жизнь. Я после зимы сразу почувствовала себя ослабевшей и не могу еще собрать себя как следует. Начала работать, но словно сквозь сон... Чувствую, что силы мои восстановятся скоро, потому что, хотя и нашим очень трудно, — питаюсь я все же регулярно, чем в Москве, а главное — солнце и море, которые действуют на меня чудесно. Вода теплая, погода ровная, хорошая. Пожалуй, слишком жарко. Боюсь, что не доживу до сентября, так как не хочется быть в тягость, а жизнь невероятно дорога. Пока решила об этом не думать и каждый грамм сил и здоровья копить впрок. <...>

<без даты>

Мой милый, милый, добрый друг, сегодня неделя, как я приехала, и первый день, когда я предоставлена самой себе. Все время живу на даче, но как-то не чувствовала ее, так как у

мамы окончились занятия, и все время к нам приезжали с прощальными пикниками. Я старалась быть любезной и помогала в хозяйстве, а Вы знаете, как я это люблю... Но сейчас все уехали в город, тихо, радостно, и я с удовольствием думаю о том, что через несколько часов станет прохладно, я пойду в Люстдорф, море будет слева, степь справа, потом опущу письмо в ящик, и оно пойдет к Вам. Произойдет "смычка" между Москвой и Одессой.

Кстати, украинское население очень смущено словом "смычка", т. к. украинский глагол "смыкати" значит "очищать".

<...> Мне пока сейчас очень хорошо, живу в состоянии бездумности, бездеятельности и беспечности, но все эти три "без" я себе спокойно разрешаю, потому что летом в Одессе все так живут, так что никто ни видом, ни делом не может послать мне упрека. Одесса понемножку разрушается, но это стало ее особенным состоянием, пока тихо, безмятежно — и прежней кипучей жизни в порту еще, по-видимому, нескоро суждено возродиться. <...> Будьте благословенны.

Ваша Нета.

Одесса Больш. Фонтан Станция
Ковалевская Дача Бовшек
Анне Гавр. Бовшек

14 июня 1924

Зимик, Зимик — нехорошо так долго молчать. Я очень хорошо знаю состояние, когда не пишется, но и тут можно как-то овладеть собой. Я понимаю, что Вам нечего беспокоиться обо мне, но письмо мне нужно не ради меня, т. е. я хочу знать — о Вас, а не о себе. Остались Вы и без денег, и без работы и, конечно, меня точит мысль о Вас. Солнце, море и все вокруг так же чудесны, как в прошлом году, но какой-то легкости, какая была в прошлом году, нет, — быть может, я обнаглела и не так страстно ощущаю природу и отдых, а быть может, что-нибудь предощущаю... хотя нет — и тревоги нет... сказала бы, совсем живу бездумно, если бы не думала о Вас... Вчера ходили с компанией гулять далеко-далеко, на обратном пути зашли в Люстдорф выпить пива... вдруг за соседним столиком Ценин с какой-то дамой... что он делает в Люстдорфе, не понимаю; он что-то болтал о рыбном промысле, будто поселился на берегу, как рыбак, в шалаше, и стал ловить рыбу с кем-то в компании, потом будто их разогнали, и так

кончилась его трудовая жизнь. В качестве нетрудового элемента он по-видимому чувствует себя тоже хорошо... толст и весел. <...>

Ваша Нета.

Одесса Б. Фонтан 16 станция

6 августа (?)

Зимек, друг мой, — надо писать, хоть разбирает лень; не то следующий почтовый пароход, пожалуй, не застанет Вас в Коктебеле... Расставшись с Вами, я сразу впала в молчание... <...> В последнюю ночь плавания поднялся хороший ветер, и, наконец, настала пора качки, к которой Вы взывали. Пассажиры присмирели и стали с нетерпением ждать Одессы. Приехали в 6 часов утра. Небо черное от туч, море черное от волн и проливной холодной дождь. Бедный Мандес, во все время своих странствий ни разу не раскрывавший зонта и добросовестно таскавший его, в самую нужную минуту отдал зонт мне. Пришлось взять — так как он действовал энергичными убеждениями, и я поняла, как важно и хочется ему быть джентльменом. Теперь боюсь за него — с тех пор не видела, — несмотря на его огромный зонт и пальто, я вымокла, пока добралась... <...> Как назло, в порту нет прикрытия, а в город извозчик едет шагом по мокрой горе. Дня три в Одессе было холодно — сейчас неясная, мягкая, теплая погода, которую я особенно ценю после кавказской жары. В голову появились мысли — и пока неплохие... Я на юге начала было побаваться хронического отупения... <...>

Милый Зимек, как чувствуете себя Вы, как встретились с Макс<имилианом> Ал<ександровичем>? Кто из Ваших знакомых живет там и как Ваше настроение? Читали ли Вы что-нибудь из своих работ у М. А.? Поминаете ли Вы меня и как? Должно быть, Ваша подруга сейчас "задумчивая лень" — да будет она благословенна и верна Вам во все дни отдыха... <...>

Пока целую Вас нежно и крепко.

Ваша Нета.

<без даты>

Мой милый, милый, мой добрый друг; из того, что я пишу Вам, Вы можете смело умозаключить, что со мной не произошло никакой катастрофы в дороге. От Киева до Одессы становилось все холоднее, так что на Фонтане меня встретила совсем суровая погода. Солнце сконфуженное и запрятавшееся в тучи... Правда, оно смеется с каждым днем и начинает греть понемногу. Вчера я уже купалась и делала вид, что лежу на солнце, но загара не произошло. <...> Сейчас материальные дела наших неплохи, но зимняя кампания у них была настолько тяжелой, в смысле безденежья, что они чинят старые проре-

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Энергия и эклектика Ильи Шенкера

В свои 85 лет Илья Шенкер говорит, что ежедневно проходит около десяти километров. Утром он выходит из своей манхэттенской квартиры на 33-й и Лексингтон и идет на север кварталов 20–30. Маршрут, по его словам, определяется световыми сигналами. Иногда поворачивает на запад, к Гудзону, иногда на восток, к Ист-Ривер. "Движение помогает сохранять бодрость и здоровье, — говорит он. — Я уже не помню, когда был у врача". Помимо многокилометровых прогулок бодрость ему помогает сохранять купание в океане. Илья рассказывает, что начинает сезон в начале апреля и купается до начала декабря. Он начал такие купания еще в Одессе и сохраняет верность "моржовому" образу жизни в Нью-Йорке.

В нью-йоркской галерее "Грант" прошла выставка работ Ильи Шен-

кера, в которой, как в зеркале, отразилась география жизни художника — от солнечного одесского пляжа до размытых вечерним туманом силуэтов манхэттенских небоскребов.

Илья родился в Одессе, после войны поступил на архитектурный факультет строительного института, а параллельно посещал занятия в Грековском училище. Получив диплом архитектора, он отдал этой профессии всего несколько лет, предпочтя ей труд художника. "За моим выбором стоял обычный человеческий эгоизм, я хотел делать то, что люблю, — объясняет художник. — И я никогда не стремился чему-то научить своего зрителя, объяснить ему что-то. Если бы я пошел по этому пути, то уж точно не смог бы делать то, что мне нравится". Его собственный художественный язык сформировался под влиянием очень разных мастеров. Это Леонардо да Винчи, Ремб-

рандт, Суриков, Серов и Врубель. "Суриков для меня бог", — признается он, и это признание в любви созвучно другому — пристальному интересу к мировой истории. "Я вырос в русской культуре, и мне всегда была близка русская образность. Точно так же мне интересны темы Ветхого Завета. В США, где я стал больше узнавать об американской истории, увлекся и ею. Это все — история человечества, наша история".

Еще одним живительным источником вдохновения была Одесса. "Для меня Одесса — это бульвар, круглые дома, лестница. То, что зовется одесским ампиризм, — легкая, южная архитектура. К сожалению, она недалеко ушла за пределы бульвара. Если бы это произошло, то Одесса мало отличалась бы от лучших городов Средиземноморья".

После отъезда в 1974 году Шенкер побывал в Одессе всего лишь

раз — в 1988-м. "Тогда город еще мало изменился по сравнению с теми временами, когда я его покинул, — вспоминает он. — После того визита я не испытывал большого желания посетить его. То лучшее, что в нем есть, живет в памяти. Мне этого хватает". То лучшее, что живет в памяти, помимо воли художника покидает реальную жизнь.

В бруклинской студии Шенкера я увидел небольшую работу, которая неожиданно вызвала у меня ностальгическое чувство, — уголок Нового базара: старые скобяные, как их называли, лавки; деревянные стены, крашенные зеленой и коричневой краской, листы крашеной жести на крыше; серьезные мужчины в кепках и ватниках, сосредоточенно считающие пачки рубчинок; полутемные сырые внутренности помещений, где каждый гвоздь, каждый обернутый промасленной бумагой инструмент

— клещи, молоток, отвертка — не были предметом быстрого, разового использования, а представляли собой пожизненную ценность. Сейчас это мир уничтожен, застроен тесным лабиринтом бетонных стен, забит бросовым товаром южноазиатского производства, от многоцветья которого рябит в глазах.

Возможно, ностальгическая тема получила бы большее развитие в творчестве Шенкера, окажись он в другом городе, но эмиграция занесла его в Нью-Йорк. "Я все чаще смотрю вверх, — рассказывает он. — Эти силуэты высотных домов, эти стеклянные кубы и башни невероятно захватывают. Это как другой мир. Как это сочетается с моей любовью к одесскому ампиру? Очень просто. Здесь, в Нью-Йорке, двигаясь по улице, ты часто натыкаешься на здания, которые вполне вписались бы в одесский городской пейзаж".

Эклектика и энергия — две, вероятно, наиболее выраженные черты, присущие Нью-Йорку. Они в полной мере присущи жизни и творчеству Ильи Шенкера.

НРСлово

хи. <...> Деньги приносят на дом и паспорта не спрашивают. Оказалось, что удостоверения у всех просрочены, так что мы все одинаково грешны, но это не играет роли. <...>

Меня мучит то, что самый благополучный из периодов моей жизни каждого года совпадает с Вашим самым неблагополучным, и моя беспомощность в этом вопросе меня убивает. <...> Знаю, что ничего хорошего не предвиделось, но ведь спасение от клещей всегда у нас с Вами нежданно и не с той стороны, где ожидали. <...>

14 августа (?)

<...> "...иду на вы!" Думаю я выехать 28-го, в пятницу, значит, в воскресенье, 30-го буду в Москве. <...> Чувствую, что я, как говорится, одной ногой уже

если не в Москве, то на вокзале. Такому ощущению способствует и резко изменившаяся погода. Только-только <было> тепло, а ветер уже гонит перед собой желтые листья, забирается в трубы и подымает на море волны. Не рискуя купаться: вода теплее воздуха. Я с жадностью хватаюсь за последние лучи солнца и голубые куски неба. Говорят, что такая погода бывает здесь только в конце сентября, в начале октября. Ваш соперник — солнце — совсем бессилён, он не удержал бы меня и двух дней, если б ему не помогали все наши. Когда я думаю о Москве, я чувствую большую, большую радость от встречи с Вами и в то же время знаю, что попаду в тучу мелких забот, которые кусают меня, как комары или москиты... Ну, что же, за все надо платить!.. Прощай, фонтанское солнце! свети,

московское!!! (чтоб было легче московскому, я поставила три восклицательных знака за ним). <...>

18 августа (?)

<...> Как встретила Вас Москва?.. Брюзгливая, недобрая старуха — она всегда готовит какой-нибудь сюрприз, и я, приближаясь к ней, стараюсь угадать: какой... всегда тревожно. На этот раз осенние новости хороши, и я приободрилась. Любимый мой, Вы знаете: если Вам будет хорошо, должно быть хорошо и мне. Мы столько раз сдвигались бокалами с вином в одном и том же желании, что, может быть, в конце концов, мечта обратится в реальность. Виделись ли Вы с Евдоксией Федоровной и что слышно по поводу Ваших тех книг. Каково на том

фронте? Что узнали от Сергея Дмитриевича и от "Земли и Фабрики", виделись ли с Нарбутом? Все это меня чрезвычайно волнует. Хорошо было бы сейчас сидеть на диване, держать Вашу руку, следить за прыгающей над бровью мыслью и слушать подробно-подробно — что Вам сказали и как Вы ответили. <...>

Говорят, в Москве ужасная погода... <...> Здесь, напротив, погода установилась, дни стоят нежные, мягкие, ночи теплые, море фосфоресцирует, и я по вечерам держу в руках его черную блестящую пену... Милый, горячо-горячо целую Вас. Ваша Нета.

25 августа (?)

<...> Волнуясь перед отъездом, как школьница... Но это всякий раз,

когда мне приходится надолго расставаться с морем. Одесса на этот раз была мне особенно дорога, и я думаю — исключительно потому, что я перед ней получила для души пищу и потому что рассталась с Вами только на месяц. Больше всего я рада душевному равновесию — последние годы оно было самым уязвимым моим местом. Зимек, милый, защитите меня в Москве.

Привет моему доброму другу, господину Жилету. Он всегда в трудные минуты находил для меня слова утешения, согрел в ненастные дни и занимал в долгие зимние вечера. Милый, добрый друг — мой привет ему. Надеюсь, Вы не ревнуете к нему? Ведь Вы же сами признались мне, что и Вы тоже даже летом не можете обойтись без Него. <...>

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ

Золотой берег

У лукоморья дуб зеленый. Цепь, однако, не золотая, а железная, протравленная ржавчиной, прятала дуб, или дубок — как называют его обитатели Золотого берега, — неуклюже тупоносое рыбацье судно с двойным дном и зубастыми уключинами, к деревянному вбитому в песок колу. Дубок выставил свое деревянное брюхо под прямой удар золотых лучей солнца, — и длинная кисть лениво ползает по его жабрам, густо смазывая их смолой.

В двадцати шагах от запрокинувшейся кверху брюхом лодки лежат люди — пупами в небо, их животы и плечи тоже смазаны зеленой или черной глиной, а уключины пальцев лениво вытянуты вдоль бортов тела. И люди, и лодки берут солнечные ванны. Еще сотню шагов влево — и на торчащих из моря камнях (их называют здесь грядками) неподвижные фигуры людей с удочками, страстных бычкоистребителей, "злодеев царства водяного", как их называет одна из крыловских басен, на шее почти у каждого из рыболовов мокрый мешочек с наживкой, острохвостыми рачками или мелкой тюлькой. Рачков ловят сачком, а то и просто своими же трусиками, обмотанными снизу веревкой.

Злодеи водяного царства разбиваются на две партии. Одни работают длинными удилищами с длинной лесой; другие обыскивают впадины дна короткими "стрекачами", палками с приделанными к их концу двумя или тремя крючками. Дело в том, что бычок любит вести уединенную, почти отшельническую жизнь, забываясь в каменные щели-пещеры вблизи берега. Отсюда его и выдергивают крючки стрекачей.

Иные, более предприимчивые рыболовы, называвшиеся сотни крючков на длинной нити, называемой перементом (работают переметом обычно вдвоем), взяв в зубы с двух сто-

рон унизанную крючками нить, отправляются вплавь навстречу волнам. По пути они умудряются переговариваться, переметываться словами, не разжимая зубов, четырех челюстей, меж которых затянута концы снарядов.

Есть еще много способов напасть на рыбу, рыбищу и рыбешек. По ночам бурлит воду пестрыми свинцовыми пластинками, так называемым самодуром. Длинными, пятисотметровыми руками охватывает слева и справа весь берег японский невод, скипаси. Скипаси заставляет рыбу ткнуться носом в сеть, удариться о плоскость, пока она, ища выхода, не всплывет в мотню, в сетчатый мешок, откуда уж ей назад никак.

Здесь, на пляже, в золотых икрах песка, стоят пять-шесть деревянных грибов и десятки два коротеньких ванн. Под грибами черные тени, норывающие уползти и нырнуть внутрь влажного песка. На ваннах — зазывающие имена: Нина — Шурик — Арончик — Толя — Рая — Дуня.

Двое отцов семейств спускаются с горы к пляжу. В их руках — шесть или семь цепляющихся за пальцы маленьких ручонков.

— Вы знаете, Федор Абрамыч, "Дуня" — это вроде как символ: Д У Н Я; дураков у нас нет.

— Ну, а Я?

— Про вас, извините, никто и не подумал.

Вдалеке проплывает военное судно.

— Папочка, это что-то похожее на уют.

— Да, Наташенька, это вроде как для разглаживания волн. Чтобы нам легче было купаться.

Крохотный мальчик поймал майского жука. Он сидит голубыми трусиками в желтый песок и пробует оторвать у жука щупальцы и желтую элитру.

— Дядь, а дядь, я первомайского жучка спыймал.

Пара. Ей под тридцать, ему едва набеголо двадцать. Он откусил колючему рачку хвост и размахнулся удочкой, чтобы бросить крючок в воду.

Она:

— Сёма, море такое — умереть не очень хочется.

Сёма выплывает застрявшие меж губ рыжие волосики рачка.

— Сёма, слушай, Сёма, жить бы, умереть и попросить еще.

Сёма вытирает мокрые брови и отворачивается.

— Слушай, Сёма, будь я девушка, и если ты словишь хоть одного бичка.

— Здравствуйте, Клара Марковна.

— А, здравствуйте, без пиджака вас трудно узнать.

— Ну, как ваши? Пишут? А как ваши ноги?

— Благодарю вас. Ноги болят лучше. А ваша спина?

— Ее дело — быть сзади. Привет Марк Марковичу.

Рядом с зелеными трусиками лежит мешок, из полураскрытого полотняного рта которого торчит несколько огурцов. Сосед владелицы огурцов, раскачивая в такт словам ног, поучает:

— Огурчики надо покупать, когда с моря низовка, а чуть повеяло горишником — огурцу это не ндравится, он сразу морщинистый и желтый.

Мы все — купальщики. Всякий — в меру силы рук и в меру фантазии. Цена нам равная — со спортивной точки зрения. Даю краткий прейскурант:

а) *Плывущие враспашку*. На них полутрусика. Тела цвета дубовой коры. Бросаются не в воду, а прямо в горизонт. Бьют ладонями по волнам, по-дельфиньи ныряют — и через минуту они уже за линией бакенов. На берегу их терпеливо дожи-

дается недочитанная газета и коробка с папиросами.

б) *Лягушатники*. К этому классу пловцов принадлежу и я. Я, как и все мы — люди лягушачьего класса, — плыву, разводя руками врозь и толкая пятками воду вспять. Плы-вем мы медленно, доплываем до деревянного поплавка с надписью "дальше плыть воспрещено" и, искренне радуясь воспрещению, поворачиваем пятки к Трапезунду, а голову к прекрасному берегу Большого Фонтана. В десяти метрах от берега мы хлопаем себя по плечам, массируем свои ребра и пропускаем сквозь горло десяток глотков соленой воды.

в) *Окунальщики*. На каждой руке — по ребенку. Сзади, с берега, благословляющий жест толстогрудого ила и отползают назад, к деревянным грибам.

г) *Ладонщики*. Задом к Трапезунду — лицом к Одессе. Ладони уперлись в рыхлый песок, ноги взбивают буйную пену. Им кажется, что они плывут, что они уже пересекли море от берега к берегу. В глазах их восторг. Выйдя на берег, они ложатся лицом в песок и долго не могут наладить дыхание.

д) *Щиколотники*. Обычно это или пожилые люди, или дети, боящиеся волн, бьющих водой и пеной. Они входят в море по щиколотку. Они растерянно и робко улыбаются. Глаза их говорят: ты такое большое, такое сильное и синее, а я — варианты — такой уже слабый, или такой еще слабый; подожди, пока я умру, или подожди, пока я вырасту и стану большой, как волны.

е) *Брызгальщики*. У брызгальщика — жирное слоеное тело в поперечных складках. На левой руке черные часики. "Купаться? Нет, мне нельзя, я только так". Складчатый человек наклоняется над прибором и брызжет себе на лицо и на соски груди немножко соленых капелек. Он улыбается. Он почти счастлив. И он, как другие, почти купался в этом, за горизонт уходящем, шумном и синем море.

ж) *Не знаю, как назвать*. Мальчик Юра. Родители, лежащие в тени гриба, запретили ему даже близко подходить к мокрому морю. Ни-ни! Но мальчик подбегает к пенной оторочке волн, протягивает короткие руки, манит на себя волну и, когда она, шурша камешками, бежит на его зов, мальчик со смехом и вскриками страха отбегает назад и прячет лицо в коленях матери.

Ну вот, трусики мои высохли. Белеет парус, но он не ищет страны далекой, а возвращается назад к берегу. Я подымаюсь по крутой дорожке к трамвайной станции. Слева киоск со всякого рода водами. Но над окошком привычное, в одно слово: ВОДЫНЕТ.

Местные жители так и говорят: "В водынете воды нет".

Дальше идут куцые дачки. На одной из них — надпись пожелтевшая и ободранная: "Если вы страдаете запахом ног и их потением, можно избавиться из одного раза и навсегда. Просьба убедиться. Одесса, Средняя ул., 11".

Подымаюсь к станции трамвая, там сходятся большефонтанные и одесские вагоны. Тут, у стыка, два крохотных буфета. Официантка перебегают от стойки к стойке: "Веранда, вы, веранда, разменяйте рубль". На грязноватых подмостках — грязнувшие бутерброды с надписью: "Домашка — 67 коп. за одну". Под домашку запрокидываются стаканы с водкой. Старик-рыбак закусывает не только домашкой, но и хамсой.

На крутом подъеме от моря к трамвайной станции — длинный, стоящий боком к пляжу дом. Тут вода всегда есть, потому что это заведение морских ванн, трубы которого глотают влагу прямо из моря. И полная краснолицая женщина, заведующая ванными процедурами, в день особого — чаще всего по праздникам — наплыва посетителей то и дело вторгается в длинную очередь у окошка кассы и кричит: "Товарищ касса, прекратите билеты. Ну, хоть на четверть часа, их столько, что на них Черного моря не хватит!"

Лето 1939

Публикация Веры КАЛМЫКОВОЙ и Вадима ПЕРЕЛЬМУТЕРА.

Специально для жителей жилмассива Таирова
учебный комплекс «Тиква» - «Ор Самеах»

объявляет набор
в детский сад и 1-й класс

(филиал школы расположен
на ул. Ильфа и Петрова, 38).

Справки по тел.:

777-15-64, 34-07-19, 731-10-67

Лицензия АБ № 117142 от 19.01.2005 г.

Лада ПРОКОПОВИЧ

МЫШЬ

1

В деканате завелась мышь. Декан, никак не ожидавший такой провокации во вверенном ему подразделении, поделился горем с подчиненными:

— Представляете, эта зараза сожрала все мои конфеты! Сегодня утром прихожу, открываю коробку, а там остался только один вот таку-сенький огрызок!

Встретив сочувственные взгляды, декан немного успокоился.

— Конечно, — рассудительно произнес его заместитель, — если бы огрызков осталось больше, было бы не так обидно...

— Представляю, — задумчиво сказала секретарша, — приходит мышь, открывает коробку, съедает конфеты, закрывает коробку и уходит...

— Да что вы к словам цепляетесь! — возмущился декан. — Ну... не открыл я коробку — она была приоткрыта... Какая разница? Конфеты ж она все равно сожрала!

Однако, как ни убивался декан по своим конфетам, он смог простить их этой мелкой твари. Простил и разбросанные документы на своем столе. Простил даже кал на этих документах — прямо на подписи ректора (да, согласна, вопиющее святотатство! Но он ей простил).

А вот когда декан заметил, что эта мерзавка точит книги, он объявил ей войну.

Вечером он позвонил другу:

— Привет, мин херц. Мне нужна твоя мышеловка.

На том конце провода — тишина. После паузы:

— Кого ты имеешь в виду?

— Да не "кого", а "что"! Мышеловку.

Пауза.

— Ну, не знаю... есть ли она у меня...

— Должна быть.

Пауза.

— Ты уверен?

— Ну да. Мы ж в прошлом году с тобой на Привозе ее покупали. Там

еще дедуля такой оригинальный ходил и кричал: "Мышеловка! Первый сорт! Бьет врага беспощадно!". А у меня на работе как раз такой враг завелся.

— Да-да, вспоминаю... Надо поискать в подвале...

— Поищи, поищи. Завтра я к тебе зайду.

2

В старину говорили, что в жизни человека есть часы, которые не идут в счет определенного судьбой срока. Если это так, то время, проведенное деканом за разглядыванием мышеловки, как раз и было таким чудесным моментом.

Забыв обо всем на свете, забыв даже о губительном предназначении этого достижения человеческой мысли, декан с увлеченностью девятилетнего ребенка щелкал пружиной и наблюдал за слаженной работой всех деталей механизма. Вызывал восхищение точно рассчитанный изгиб крючочка, заставляла удивляться упругость стальной пружины... И все это математически строго, красиво, мощно! "Вот, — думал декан, — наглядный пример того, что в технике простота граничит с genialностью!"

Но тут его взгляд упал на превратившийся в труху учебник по теории машин и механизмов, и он вслух злорадно добавил:

— На механизмы посягнула — от механизма и погибнешь!

В этот момент за окном зловеще полыхнула молния (это зимой-то!), и по стене скользнула тень декана с какими-то странными рожами на голове. Далее по правилам жанра должно было последовать люциферское "Ха-ха-ха-ха!", но... не последовало. Зазвонил телефон, и декан погрузился в повседневную рутину, забыв на время о своей подопечной.

3

А спустя несколько дней он снова жаловался трудовому коллективу:

— Ума не приложу, что делать. Эта диверсантка не идет в мышеловку!

— Ее можно понять, — тихо усмехнулся замдекана.

Декан, не расслышав смешка (или сделав вид, что не расслышал), продолжал на своей волне:

— Как бы ее туда завлечь?

— А что вы ей туда кладете? — поинтересовалась секретарша.

— Как что? Сыр, конечно!

— Тома и Джерри" насмотрелись?

— то ли спросил, то ли констатировал замдекана.

— А что?

— Да не едят наши мыши сыр!

Левый глаз декана начал нервно подергиваться. Пытаясь его усмирить, декан левой рукой приподнял очки, а правой был готов задушить своего заместителя.

— Что ж ты раньше-то молчал?! — прошипел он.

— Вы не спрашивали.

— Пока я ее тут сыром соблазнял, она у меня весь "Сопромат" погрызла!

Декан запустил руку в карман и вытащил оттуда горсть мелких бумажек. Тихо и безнадежно посыпался на пол бумажный снег. На отдельных снежинках можно было прочитать "ение", "нагруз", "эпюра", "Q=dM/dx", "балка"... Слова, священные для каждого технически образованного человека. Уравнения, заставляющие учащено биться сердце любого лирика от физики... Разве какая-то серая (серая!) мышь может это понять? Разве это ущербное существо способно вздрогнуть от словосочетания "изгибающий момент" или, скажем, "балка с защемленным концом"? Впрочем, насчет защемленного конца — это мы еще посмотрим!

— А что же они едят? — спросил декан, с тоскою глядя на обрывки великого учения. — Кроме книг, конечно...

— Сало, — последовал ответ. — Копченое.

— Ого!

— Я же вам говорю — наши мыши!

4

Постепенно выяснилось, что мыши (или только эта сволочь?) не едят ни

сыр, ни сало, ни колбасу, ни крабовые палочки, ни чипсы...

— А может, ее на конфеты ловить?

— предложил замдекана. — Она ж тогда у вас всю коробку съела.

— Нет! — запротестовала секретарша. — На конфеты лучше меня ловите!

Лица мужчин на секунду (только на секунду!) озарились лукавым огоньком, но тут же потухли и приняли вполне деловое, официальное выражение.

— Так тебе к конфетам еще и шампанского захочется, — заметил декан.

— Идея! — воскликнул заместитель.

— А может, и этой (кивок в сторону книжного шкафа) налить?

— Ну, знаете! — развел руками декан.

— А что? Сыр, конечно!

— Накапаем ей пять капель... а под водочку, глядишь, и сало пойдет...

— Тебя послушать, так создается впечатление, что наша цель — не убить ее, а накормить!

— Тоже вариант! — все больше вдохновлялся заместитель. — Если не получится уничтожить, попробуем договориться.

— С кем??

— С мышью. Я когда в армии служил, у меня тоже была такая подружка. Я ж был художником-оформителем, и мне выделили каптерку, чтобы я там рисовал стенгазеты и боевые листки. А тут повадилась одна... То ватман погрызет, то в краски нагадит, подлое животное. Бился я с ней, бился... А потом стал подкармливать. Поставил, так сказать, на довольствие в Советскую Армию. Все ж лучше, чем вредительство...

— Правильно, — вставилась секретарша. — Как гласит восточная мудрость, если не можешь задушить — обними, не можешь запретить — возглавь.

Декан молитвенно возвел глаза куда-то вверх (то ли к иконе Христа Спасителя, то ли к диплому победителей КВН) и испустил мученический вздох.

— В любом случае, — не унимался заместитель, — ее легче будет брать в состоянии алкогольного опьянения.

— И что потом будем с ней делать?

— спросил декан, уже не имея сил возражать.

— Ну... не знаю... отдадим коту...

— Какому?

— Да хоть бы Мурчику. Он почти каждый день ко мне заходит.

— Чтобы потом еще и кот был в состоянии алкогольного опьянения?!

— Ну... тогда я не знаю, — сдался

замдекана. Наступило тягостное молчание. Кто о чем в этот момент думал — неизвестно. Но декан вдруг заговорил официальным тоном.

— Шутки шутками, — сказал он, — но она уже приступила к протоколам наших заседаний за прошлый год.

— Нет! — раненой чайкой вскрикнула секретарша.

— Да, — холодно отрезал декан и вышел из приемной.

5

Став лицом заинтересованным, секретарша вложила весь свой профессиональный талант в решение этой проблемы. Она обзвонила подруг, проконсультировалась с соседями, заглянула в интернет... И уже через три дня преподнесла шефу рецепт:

— Нужна кошка.

Декан поглядел на нее поверх очков и утомленным придушенным голосом произнес:

— Надюша, этот вариант мы уже обсуждали. Мурчик на нее не ведется.

— В том-то и дело! Мурчик — кот. А нам нужна кошка.

— Гм... интересно, — оживился декан. — А где же мы возьмем кошку?

— Да найдем уж где-нибудь, — с оптимизмом сказала секретарша. — Главное, что средство — надежное.

6

И действительно, средство оказалось надежным. Не прошло и двух дней, как мышь исчезла.

А спустя два с половиной месяца декан самозабвенно нянчился с целым выводком котят и еще более самозабвенно проклинал Мурчика (расцветка одного котенка давала все к тому основанию).

На дверях деканата появилось объявление интригующего содержания:

Внимание!

Студенты, взявшие на воспитание котеночка, будут освобождены от уборки снега на территории университета.

Администрация.

Но желающих пойти на столь выгодную сделку не находилось. Ибо кто может рассчитывать на то, что обещание, данное в мае, будет выполнено в декабре? Мало ли что за это время может случиться...

Тарелки

В замечательной книге Валентины Голубовской "На краю родной Гипербореи" есть рассказ "Этот лев — Макс". История, потрясшая своей знакомостью.

Валентина Степановна поведала, как однажды в антикварном магазине увидела английскую тарелку с изображением льва, но по вполне объективным причинам ее не купила. Зато ее супруг, руководствуясь еще более объективными причинами, на следующий же день купил эту тарелку и вручил жене со словами: "Как же ты не вспомнила, что о подобной тарелке, только другого цвета, писала Марина Цветаева! Вот же по краям античные герои, а лев похож на Максимилиана Волошина — больше, чем сам Макс! Она же единственное, что увезла с собой в эмиграцию, — такую тарелку!".

Вот воспоминания самой поэтессы об этом: "У меня здесь, в Клараме, на столе, на котором пишу, под чернильницей, из которой пишу, тарелка. Столы и чернильницы меняются, тарелка пребывает, вывезла ее в 1913 году из Феодосии и с тех пор не расставалась. В моих руках она стала еще на двадцать лет старше. Тарелка страшно тяжелая, фаянсовая, старинная, английская, с коричневым по белу бордюром из греческих героев и английских полководцев. В центре лицо. Даже лик: лев. Собственно, весь лев, но от величины головы тело просто исчезло. Грива, переходящая в бороду, а из-под гривы маленькие белые сверла глаз. Этот лев — самый похожий из всех портретов Макса. Этот лев — Макс, весь Макс, более Макс, чем Макс".

Кто бы смог, увидев в одесской антикварной лавочке старую английскую тарелку, соотнести ее с

французскими воспоминаниями Цветаевой?

"В этой тарелке — характер Голубовского!" — заметила Валентина Степановна.

Когда мне посчастливилось побывать в доме Голубовских, то среди многочисленных произведений искусства я увидела и эту тарелку. Я посмотрела на нее, подышала, но дотронуться не посмела. Я только еще раз сказала Евгению Михайловичу, что история с этой тарелкой действительно очень символична.

А когда я покинула этот гостеприимный, светлый, пропитанный духом творчества дом, мне в висок словно молния ударила. "Боже мой! — вспыхнуло в мозгу. — А ведь в моей жизни тоже была знаковая тарелка!"

И я вспомнила, как в детстве разбила тарелку. Да не простую, а из сервиза. Да не из простого, а из сервиза под названием "Мадонны" — аляповато-перламутровой фарфор с изображением толстых тет в пасторальных сценах. В то время эти сервизы были в моде, хотя стоили очень дорого и достать их было почти невозможно. Именно "достать", поскольку в магазинах они не продавались, а привозились из-за границы женами военных. Но моя мама сумела добыть это сокровище, этот шедевр ГДРовского ширпотреб! Правда, наш семейный бюджет смог осилить только шесть тарелок, но их оказалось вполне достаточно, чтобы мы не чувствовали себя оторванными от мировой культуры.

И одну из этих тарелок я разбила. Очень удачно разбила: на две части. Но эту удачу я не осознала и решила замести следы. Взяла и выбросила половинки в мусорное ведро. Упав на дно пустого ведра, они разбились уже не так удачно: на кучу мелких осколков.

Меня никто за эту тарелку не ругал. Но когда мама узнала подробности, схватила за голову: "Господи! Ну что мне делать с этим ребенком?! Зачем же ты ее добила? Ведь ее можно было склеить! Стояла бы себе для красоты... А теперь..."

Потом в моей жизни было много разбитых тарелок, чашек, сердец... Но эту тарелку я помню до сих пор. Каждый раз, когда передо мной возникает "разбитая" ситуация, я не впадаю в отчаяние, а начинаю прикидывать, что здесь можно "склеить". И оказывается, что почти всегда можно подогнать осколки друг к другу, всегда можно подобрать подходящий клей и всегда можно найти применение этому надломленному, но спасенному сокровищу. И даже в том случае, когда оно уже не сможет служить по назначению, оно останется как память — память об ушедших людях, исчезнувших странах...

Мои размышления об исторической роли тарелок закончились тем, что я, затосковав по своей тарелке из детства, позвонила родителям в Тирасполь и выпросила два прибора из оставшихся "Мадонн".

Пересекая украино-приднестровскую границу, эти тарелки приобрели дополнительную историческую ценность, поскольку стали свидетелями того, как умозрительная граница превращается в конкретную контрольно-следовую полосу. Которую по слову украинского суверенитета роет американская машина. Тоже, знаете ли, вежа.

Кстати, только сейчас я обратила внимание на то, что эти тарелки не просто из Германии, а из Веймара. Города, освященного именами Гете, Шиллера, Листа!

Пораженная и воодушевленная этим открытием, одну из тарелок путешественник повесила на стене своей кухни, другую подарила Голубовским. Вдруг они повесят ее рядом с уже легендарной Цветаевско-Волошинско-Голубовской тарелкой?

Куда идем?

Наша страна, раздираемая многовековой историей нашей же политики, никак не может решить, куда ей идти, — на Запад или на Восток, в синюю часть спектра или в красную... Возможность идти собственным, особым путем как вариант практически не рассматривается (не досрочно?).

Я как человек политически неграмотный, идею неподкованный и, страшно сказать, *як людина національно несвідома*, предлагаю вообще куда-то не идти. Как в том анекдоте про рыбаков — предлагаю взять по три бутылки водки на рыло и из автобуса не выходить.

Нет, ну в самом деле, какой Запад? Какой Восток? У нас же такие разные взгляды на жизнь! Я, например, как бы ни старалась, не могу смотреть на мир глазами японца или, скажем, китайца. Не могу я на него взглянуть и европейским взглядом (уж простите!). Мне дано смотреть на мир глазами украинки, а точнее — одесситки.

Сидит, к примеру, какой-нибудь старый китаец на живописном камне и созерцает прекрасный пруд. На гладкой поверхности воды он наверняка увидит лотос, который для него, для китайца, является символом вселенской мудрости и гармонии.

Я же, глядя на тот же самый пруд, вижу, как из него выпрыгивает лягушка и возмущается:

— Не, я не врубилась! Какого черта эти отдыхающие швыряются тут камнями?! Не нравятся вам наши песни — не слушайте. Зачем же искусству на горло наступать? В искусстве каждый имеет право на индивидуальную форму самовыражения! В иску... — и обрывает свою речь на полуслове, поскольку очередной камень, пущенный очередным отдыхающим, попадает точно в цель.

Или, допустим, японец. Продукт одной из древнейших и утонченнейших культур. Вооружившись маникюрными ножницами и пилочками, он глубокомысленно кромсает молодое деревце, чтобы сде-

лать из него бонсаи — символ эстетического единения человека и природы.

А я смотрю, как сотрудники одесского "Зелентреста" с богатырской удалой размахивают бензопилами, спиливая засохшие на корню сосны (символ долголетия). Проходящая мимо девочка дергает за руку свою мать:

— Мама, смотри, они дрова косят!

Тут же, рядом, можно наблюдать и другие деревья. Шелковицу, например. Какой-нибудь экономный немец или, ну, не знаю, предприимчивый поляк посмотрит на это дерево и начнет в уме подсчитывать, какую прибыль (в пересчете на евро) оно даст, если на него запустить тутового шелкопряда.

А я замечаю, как под этим деревом ползает голопузый мальчуган и собирает ягоды. На дереве сидит его отец и с бесконечной усталостью в голосе стонет:

— Синку, я вже буду злізати...

— Ні! Я ще не наївся.

Пока одесский малыш ест шелковицу, где-то далеко, за морями, за туманами, истинный англичанин пьет чай (что же еще может пить истинный англичанин?). И видит он, англичанин, в своем чае и прекрасный напиток, и многовековую традицию.

Я же смотрю на чай и в упор чая не вижу. Как, собственно, и традиций. Ибо в нашем национальном чаепитии никак не удается закрепить традицию — что считать чаем: коньяк с лимоном, шампанское с конфетами, водку с огурцом, пиво с воблой, слезы с сигаретой, сигарету с бабой, бабу с чаем или что-нибудь еще. Наша широкая творческая натура позволяет понимать под чаем все, что на данный момент мы можем себе позволить.

Спрашивается, как с такими взглядами мы можем куда-то идти? Чем мы можем обогатить мировую культуру, не подрывая ее основ? Что мы можем привнести в мировую экономику, не нанося ей ущерба?

Может, все-таки, из автобуса не выходить?.. По три чая на рыло — и можно хорошо посидеть.

Мария ГУДЫМА

БОЛЬШИЕ ДЕТИ

Юлия и Геннадий — брат и сестра, но впервые попавшие в театр зрители, усмотрев в программке одну и ту же фамилию, принимают их за супругов. Уж очень они разные, непохожие. Он — сдержанный, суховатый, она — яркая, взбалмошная. При этом оба — актеры, оба — любимцы публики. То и дело им приходится играть в одних и тех же спектаклях, а бывало и так, что брат осуществлял постановку, приглашая на роль сестру. Они не устают подшучивать друг над дружкой, но при этом, как и полагается родным людям, очень ценят все, что делает и умеет каждый из них. Конечно, когда у трехлетнего Гены появилась младшая сестричка, он поначалу безумно ревновал и не понимал важности момента, но сейчас это, безусловно, самый дорогой для него человек. Мужья, жены и дети — дело, в общем-то, наживное, а вот братские узы от личных усилий человека не зависят, ими особенно надо дорожить... О них сложно рассказывать. Начнешь говорить об одном и тут же сбиваешься на другую. Уж очень тесно переплелись их судьбы, человеческие и театральные. Многие думают, что актеры, вышедшие из театральной семьи, работают в каких-то особых условиях, а на самом деле о них судят строже, воспринимая сквозь призму талантов их родителей. И что-то доказать на сцене Гене и Юле психологически бывает сложнее, чем многим их коллегам...

Четыре года назад Геннадий Скарге было присвоено звание заслуженного артиста Украины. На тот момент он был одним из тех, кто, простите за каламбур, давно заслужил это звание. Взять хотя бы его послужной список. На первый взгляд, он пестрит именами персонажей иностранного происхождения. Шотландец Малькольм ("Макбет"), немец Аренгейм ("Антихрист"), грек Герострат ("Забыть Герострата"), англичанин принц Уэльский ("Кин IV"), испанец Маурисьо ("Дерево умирает стоя"), поляк Кароль ("Мужчина"), американцы Брик ("Кошка на раскаленной крыше") и Ричард ("Любовник")... А больше всего французов: Эраст ("Единственный наследник"), Жак Гастон ("Странный этот мсье Жак"), Юбер Дарсэ ("Загнанная лошадь"), Франк ("Убийство — дело семейное"), Камилл Севинье ("Следствие на стороне дуры"), месье Жиру ("Школа налогоплательщиков").

Юлию режиссеры охотнее всего видят в ролях колоритных итальянок и француженок (уже названные "Школа налогоплательщиков" и "Странный этот мсье Жак", "Дом сумасшедших", "Классное дельце", "Школа жен"). Небольшая роль графини Труссал д'ю Труссо в как-то уж очень стремительно сошедшей со сцены постановке продюсерского центра Александра Жегалова "Лекции о нравственности" по Фредериду Дара позволила раскрыть весь диапазон возможностей актрисы. Вот она — рафинированная аристократка, ослепительно красивая дама с изысканными манерами, истинная салонная героиня. А вот вскрывается правда о ее прошлом, и лжеграфиня, подбочившись, осыпает бранью своих собеседников. Юлия бесподобна в ролях вульгарных особ. Совершенно неотразима. Яркая внешность, чуть хриплый голос, шаловливые повадки на сцене буквально "рвут" зал. А в жизни она несколько стесняется своего сценического имиджа. Мо-

Геннадий Скарга в роли Флориана ("Пляска Чингиз-Хаима")

жет, напрасно? Кислая, скучная добродетель на самом деле никому не интересна, вот порок всегда привлекателен. Нет ничего величественнее вульгарной женщины с ее бьющим в точку простонародным юмором. Одесситка Двойра из "Заката" по Бабелю долго была коронной ролью Юлии Скарги.

Но вернемся к ее брату... Удивительно, но в пьесах отечественных авторов Геннадий тоже поручались чаще всего образы иностранцев. Однако есть и "свои" — Бенья в "Закате", Саша в "Детях Арбата", кооператор Рома в "Золотых временах", офицер Советской Армии в спектакле "Приказано умирать немедленно". Вспоминается еще фантазмагическая Тень в быстро сошедшей со сцены трагикомедии по Шварцу "В нашем милом королевстве". Бог велел артисту играть роли русских интеллигентов, а репертуар почему-то не велит. Вот и в "Чайке", поставленной в ушедшем сезоне Алексеем Литвиным, роль Тригорина досталась не ему. Более того, его кандидатура на эту роль даже не рассматривалась. Досадно!

Проблема в том, что Геннадий относится к числу личностей, диктующих условия общения с ними. В хорошем, разумеется, смысле. Невозможно представить себе, чтобы он повысил голос на собеседника (хотя на сцене, бывает, срывается на крик, что не всегда на пользу роли, но объясняется недюжинным сценическим темпераментом). Да и собеседник, в свою очередь, должен говорить вполголоса, а резкие жесты и вульгаризмы поберечь для другой аудитории. Перенеся свою манеру общения на сцену, артист мог бы убедительно играть персонажей из высшего света, на худой конец — из научных кругов.

ту"), и у зрителя пойдет процесс сопереживания. Или неприятия. Не без того. Потому что убедительно страдать на сцене наш герой умеет, критики любят писать о его "бездонных" глазах, в которых — "вселенская боль и вселенская тоска".

Не всем зрителям это по нраву. Возможно, какая-то часть публики потому и недолюбливает Геннадия, что уж очень редко его герои самодостаточны, удачливы, улыбкивы... Время нынче такое, что персонаж с растерзанной душой раздражает — у каждого сидящего в зале своя драма. По сравнению с этими невидимыми миру слезами коллизии иных пьес попросту смешны.

Раздражать может и кажущаяся легкость жизненного и творческого пути самого Скарги. Как же, родился в известной театральной семье (блестящие артисты Борис Ильич Зайденберг и Альбина Васильевна Скарга, увы, уже ушли из жизни), выдержал конкурс в 250 человек на место при поступлении в Школу-студию МХАТ, ролями до недавнего времени обделен не был... О том, что за всем этим стоит колоссальный труд, предпочитают забывать. На самом деле, дабы не быть обвиненным в том, что утверждается в театре под крылышком отца, Геннадий по окончании вуза несколько лет проработал во Владимирской драме, приобрел имя и опыт, и только тогда приехал работать в родную Одессу. Юлия, окончив ГИТИС, довольно скоро оказалась в Одессе. Папа видел в ней героиню, переживал, когда ей неизбежно доставались характерные роли, даже подготовил с Юлей роль Марии Стюарт в спектакле по пьесе Петрушевской "Ваша сестра и пленница" (театралы тут же окрестили постановку "Ваша сестра и племянница"), но... Роли героинь сковывали молодую актрису, в них она выглядела бледной, неинтересной. Темперament куда-то пропадал, а с ним — и обаяние. А вот Геннадий, наоборот, на сцене стоит помнит о том, "как важно быть серьезным...". До сих пор, выходя на сцену, он старается играть так, словно в зале сидит отец, самый лучший учитель и самый строгий критик.

У создаваемых артистом героев есть нечто общее — все они "держат в уме" некий идеал, но им, все знающим, битым смолоду жизнью и лишены иллюзий, очень трудно следовать этому идеалу, сохраняя, а главное — обнаруживать красоту

шел через ряд эпох, начиная от античности, чтобы оказаться в современной Москве, разбить еще несколько женских сердец и пережить крах всех своих жизненных идеалов. Многие сошлось в этом театральном пасьянсе для Скарги, и прежде всего, удачу определила встреча с режиссером-единомышленником, личностью сходных духовных поисков. Что греха таить, до сих пор частенько приходилось на премьерных спектаклях играть так, как то угодно приглашенному режиссеру, а уж после отъезда последнего начинать "вязать кружева", по меткому выражению Фаины Раневской. Одну из подружек Дон Жуана сыграла Юлия. Это был ударный эпизод. Она величественно являлась к любовнику в невообразимом наряде с боа (о Верке Сердючке тогда и не слышали), обольщала его при помощи корзиночки с продуктами и обнаженных ножек. И как же сочувствовал ей зал, когда она удалялась в слезах, обманутая в своих ожиданиях, проигнорированная теряющим былую ловкость соблазнителем женщин!

Но Миша Горевый уехал, и в театре все пошло по-старому. Пожалуй, стремление наиболее полноценно выполнять свой артистический долг и подвигло Гену на режиссерские опыты.

Постановки Геннадия на родной сцене имели как критиков, так и сторонников, но это были ценные как для него самого, так и для театра эксперименты, и наибольшая его удача на поприще режиссуры — спектакль по пьесе Гарольда Пинтера "Любовник" — обнаружила проблему. Оказывается, блестяще исполняя главную роль, Скарга вовсе не добивается от своих партнеров должного видения их задач. И это сказывается на художественном результате, на целостности спектакля. Мастерство режиссера имеет свои секреты, и главный из них заключается в том, каким образом повести за собой исполнителей... Правда, Юлия, сыгравшая роль жены героя, "прекрасной слухи" (тема сексуальных игр в жизни добропорядочного семейства оказалась для нашего общества новой и шокирующей), была на высоте. Она перевоплощалась во всех женщин, каких только желал видеть в ней супруг, от уличной искательницы приключений до чопорной обитательницы гостиных Мэри. Юлия в последние годы хороша без преувеличений в любой постановке. Претензии могут возникнуть к режиссерам, но не к ней. Шарлотта в "Вишневом саде", Бетси в "Анне Карениной", Маша в "Чайке" неизменно срывают аплодисменты зрительного зала. Анна в "Последней остановке" по Ремарку (хотя от Ремарка в спектакле сохранились разве что ремарки) тоже трогает зрительское сердце, а бенефисную роль Тамары в "Конкурсе" по Галину ("Я сюда с аккордеоном пришла...") актриса наверняка будет играть еще очень долго, несмотря на то, что спектакль уже шесть лет не сходит со сцены!

В последнее время Юлия более востребована в театре, нежели ее брат. Время, что ли, такое, руководство театра в чем-то недальновидно... После лирической роли в "Листе ожиданий" по пьесе одесского драматурга Александра Марданя Геннадий Скарга долго не получал новых ролей. Вплоть до нынешнего сезона, когда Олег Школьник ввел его на роль загадочного злодея Флориана в своем спектакле "Пляска Чингиз-Хаима". И хотя актеру хватает занятости на телевидении, где он озвучивает рекламные ролики (еще бы, мхатовский выговор!), режиссирует передачи, основное место его должно быть на сцене. Он вполне заслужил право на создание моноспектакля, во время которого ему на сцене никто своим присутствием не помешает. Это могло бы раскрыть новые, до сих пор не познанные грани его таланта постановщика и исполнителя. А еще не приходится сомневаться, что любая его роль в чеховской постановке стала бы событием. Главное, чтобы это был тот самый русский интеллигент, которого так долго репертуар играть не велит...

Фото Олега Владимирского.

Юлия Скарга в роли Анны ("Последняя остановка")

У артистов странная судьба. В ней слишком многое зависит от среды, репертуарной политики театра, постоянно изменяющихся величин под названием "возраст" и "внешность". Однако еще Немирович-Данченко подметил, что репутация актера складывается по количеству не сыгранных, а созданных им ролей. В случае Геннадия Скарги можно ставить знак равенства между тем, что исполнено, и тем, что оказалось интересным публике. Скарга может спрятаться на премьерном спектакле за внешнюю характерность, налегать на голосовые связки и пережимать, но уже на втором-третьем непременно пробьется здоровое мхатовское "зерно", характер, отыщется нотка ("тянешься всю жизнь, как травинка к све-

своей личности. После роли Бени Крика в бабелевском "Закате" пришлось услышать, что герой Скарги, независимо от драматургической основы, всегда жесткий, нервный, рациональный, ироничный... А потом спохватились: разве не рационален, не рассудочен Эраст в "Единственном наследнике" Реняра, несмотря на свой расшитый камзол и пудренный парик? Мхатовская школа предполагает наивную для некоторых теоретиков нашего времени веру в характер, мало меняющийся с течением столетий. И Геннадий эту веру вполне разделяет.

Получив этапную роль Дон Жуана в пьесе Эдварда Радзинского "Последний Дон Жуан" (постановка Михаила Горевго), артист оказался в своей стихии. Его герой про-

Гордей ЛАН-КИТЧЕР

СУХАЯ ВЕТОЧКА ПЛАТАНА

Любимым цветком Карташова, вне зависимости от времени года, был одуванчик. Не периода его са-моотверженного размножения, ког-да пушистые белые головки, раска-чиваясь порывами ветра, отпускают в самостоятельную взрослую жизнь крохотные семена, каждое на ма-леньком и беззащитном парашюти-ке. Он любил весеннюю жизнь этого цветка. Тугая и удлинённая яркая зелень бутона раскрывается неои-данно яркой желтизной, и она осы-пает маленькими солнышками зе-леные поляны, крутые и пологие спуски к морю, забирается в уны-лую протяженность трамвайных рельсов. Ранние цветки в окруже-нии остроконечных узорчатых листь-ев тянутся к теплему весеннему солнцу и сверху кажутся ему вес-нушками на лице южного города.

Уже почти три часа Карташов ста-рательно выдергивал злую по-росль, заглушающую маленькие а-куратные кустики садового расте-ния с нежным и трогательным на-званием — "маргаритка". Выдерги-вал и размышлял. Мысли текли плавно и соответствовали разме-ренности его движений.

С латинского звучное женское имя Маргарита переводится как "жемчу-жина", вспоминал он, а русский язык, добавив свой уменьшительно-ласкательный суффикс "к", превра-тил это слово в название невысокого стебелька, увенчанного плоской го-ловкой маленькой густой ромашки с желтой серединкой. Маргаритки ему попадались трех цветов: белые, ро-зовые и бордовые. Каждый стебель стоял, облаченный в пышную ярко-зеленую юбочку. И вот на этом пар-никовом подиуме густо желтели го-ловки любимых им одуванчиков. Здесь это травянистое солнышко — сорняк, забирающий жизненную энергию у элитарной маргаритки.

Ноги затекли неимоверно. При-шло желание броситься вглубь пар-ника, расположенного на полметра ниже основной поверхности бота-нического сада, и тут же исчезло в силу своей невероятности. Карта-шов осторожно выпрямился, по-стоял и, оглядевшись по сторонам, отнесил несколько низких поклонов в сторону моря. На равном удале-нии от линии горизонта и металли-

ческой ограды сада просматрива-лись очертания большого сухогруза.

Обед начинался через двадцать ми-нут, а пока можно отдохнуть и пройти по дорожкам, петляющим между при-чудливо расположенными деревьями. Они стоят парами или по три, из раз-ных широт и разной породы. Но вот прижились, возмужали, а люди, их по-садившие и ухаживавшие за когда-то молодыми тоненькими стволами, дав-но ушли в иное измерение.

Осторожно переступая через буйство нежных комочков, он вы-шел на твердый грунт, снял перчат-ки и медленно зашагал под теплым майским солнцем Одессы в прохла-ду юной зелени миниатюрного сме-шанного леса. Неспешным шагом обходя вторую, меньшую, часть б-отанического сада, часто наклонял-ся, подбирая упавшие сухие ветки, вырывал уж очень разросшийся сорняк. Здесь он был "у себя", и от него даже зависела некоторая доля прибыли от продажи заботливо вы-ращенных им цветов этого большо-го зеленого хозяйства.

Хозяйством руководила женщина. И все растения в нем — от могучих деревьев до изысканных тропиче-ских пришельцев — обрабатывались нежными пальчиками одесских жен-щин-ботаников. А ведь лучшими са-доводами издавна считались мужчи-ны. Как и пекарями, и парикмахера-ми, и ткачами. Не перечесать про-фессий, перешедших в руки женщи-ны! Мужчины придумывали, созда-вали и начинали производить... По-том от Рождества Христова минуло много веков, пришел век девятнад-цатый, когда из латыни вытащили за-шиворот существовавшее "эманси-пация", которое и не сопротивля-лось. А зачем? Каждому слову приятно, когда в нем нуждаются и склоняют на разные лады. Доскло-нялись... В следующем столетии женщины взяли в руки садовые и па-рикмахерские ножницы, встали у ткацких станков. Освоились быстро и начали все усовершенствовать, так как эмансипация была следст-вием прогресса. Когда он приходит, космическое тело покидает божест-венная гармония мира, ибо эти по-нятия несовместимы, как несовмес-тимы существительные "человек" и "природа". Пришел человек — ушла

природа. Вместо нее теперь царит ок-ружающая среда. Она медленно, но верно убивает человека — пятую расу обитающих на Земле гуманоидов.

Дальше размышлять некогда, нужно было планировать следу-ющую часть своего времени в ботани-ческом саду. Карташов подошел к любимому дереву — огромному платану. Ствол в обхвате был таких невероятных размеров, что походил скорее на дуб, тем более что от-сутствовала привычная глазу одес-сита кора с белесыми проплешина-ми. Такие "бесстыдники" поглощают выхлопные газы на Ришельевской и Пушкинской, величественной ал-леей они разрослись в середине Ад-миральского проспекта, забрели в конце 60-х и на Черемушки, где каж-дый платан, широко раскинув ветви, переплелся с соседом, и сверху все они напоминают длинную строчку из равномерных стежков, которые умудрилась проложить в спальном районе рукодельница-природа. А у этого гиганта в холодное время года породу можно было определить, только задрав голову и разглядев чинно висящие шишечки.

Карташов перешагнул невысокое ограждение и, подойдя вплотную, прислонился лбом к стволу. В детст-ве, проведенном на Ближних Мель-ницах, он слышал легенду об одес-ском волшебном платане, возвра-щающем молодость и силы. Может, этот исполин и есть то самое "моло-дильное дерево"? Хотелось так ду-мать и стоять долго-долго... Но тут где-то вверху раздался тихий щел-чок и что-то аккуратно опустилось ему на голову. Карташов резко от-прыгнул от ствола — рядом с ним на взрыхленную землю упала сухая ве-точка. Только на самом кончике теп-лилась жизнь: три плотных коричне-вых комочка — еще не распусти-вшиеся почки. "Он мне ответил, — тут же подумалось Карташову, — но что бы это значило?" Ветку поднял и до-ма поставил в вазочку с водой.

* * *

Весь следующий день Карташов провел за письменным столом, честно планируя завтра опять отпра-виться в ботанический сад и помочь

милой Верочке в борьбе с высыхаю-щей в тепличных горшках землей — поить гордые орхидеи. Почти двад-цать тысяч видов этих в основном тропических растений легко раз-множаются вегетативно, то есть де-лением корневищ и клубней, а также черенками и отпрысками, когда-то воодушевленно сообщила ему Ве-рочка. Последний термин рассме-шил филолога Карташова, у которо-го это название ассоциировалось с человеком по отношению к его пред-кам. Словоохотливая Верочка тут же "ботанически" его расшифровала, поведав о молодых побегах, кото-рые выбрасывает корень растения или даже пень. "А вот семенами ор-хидея размножается трудно, — со-крушалась женщина, быстрыми уме-лыми движениями взрыхляя землю вокруг тепличных цветков, — но если взять специальную питательную среду из водорослей филлофоры — агар-агар, добавить нужное коли-чество сахара, витаминов и особен-но томатного сока..." Здесь Карта-шова разобрал такой смех, а потом он так долго кашлял, что Верочка притащила в теплицу термос с чаем и остальные их обеденные свертки. И они вдвоем среди прекрасных цветов в неказистых горшках очень вкусно пообедали и остались до-вольны общением. Особенно Вероч-ка. А ведь раньше она возражала против такой помощи пожилого фи-лолога, уставшего от чужих рукопи-сей и погибающего от гиподинамии за письменным столом, теперь же стала даже подкрашивать помадой маленькие потрескавшиеся губы.

На этом месте воспоминаний Кар-ташову захотелось есть, и он пота-щился на кухню, в глубине души на-деясь, что все-таки отыщется не за-меченный утром хотя бы кусочек ка-кой-нибудь еды. Но в холодильнике было пусто, а в жестяных банках для круп вяло перекатывались не выпав-шие в свое время крупинки гречки и пшена. За окном было очень темно и очень тихо. Часы показывали полови-ну двенадцатого. Он лег голодным, зато лежащая на столе рукопись бы-ла тщательно вычитана до конца, на страницах густо пострели коррек-торские знаки, а редакторские правки были столь обширны, что уже засы-пающий Карташов, прежде чем ныр-

нуть в туманные видения, успел поду-мать о непременно последующем че-рез месяц очередном звонке извест-ного в Одессе ученого, который будет рассыпаться в благодарностях и опять уверять Карташова, что без не-го он "просто пропал бы".

* * *

Воскресным утром Карташов ре-шил поехать за провизией на При-воз. Он был начинающим пенсионе-ром, а потому в трамвае десятого маршрута, хотя уже мог ехать, не платя за проезд, задумавшись, ма-шинально достал портмоне и купил кусочек проштампованной бумаги. Когда спохватился, было поздно — кондуктор ушла в другой конец ваго-на, но даже находишь она рядом, ему было бы неловко просить о возвра-щении пятидесяти копеек. Взглянув на приобретенное подтверждение права на проезд, он увидел шесть цифр и вспомнил, как в школьные годы верил примете, по которой ра-венство суммы первых трех цифр сумме второй тройки означало, что билет счастливый и можно загадать желание — сбудется. Такой билет попался очень редко, но даже за-гадав при везении, он обычно забы-вал проследить результат. Если же между двумя суммами была разница в единицу, билет считался "любов-ным", и должно было повезти в люб-ви. Что означали остальные цифры, Карташов уже не помнил. Сейчас разница заключалась в числе семь, и он сунул билет в карман.

В середине ночи над городом ти-хо и медленно проплыла небольшая дождевая туча. Она высыпала ми-лиарды капелек, вобравших в себя по пути ее следования бог весть ка-кие испарения. Под утро слякотью и лужами покрылся асфальт Пересы-пи и старого города. Вернулась уступившая было теплу густая и зыбкая прохлада, и снова одесситы покорно облачились в кожаные куртки, свитера и плащи...

На Привозе Карташов не был лет пятнадцать. "И ка-ко-во же бы-ло его удив-ле-ние..." — мысленно по-слогам тянул он про себя, проби-раясь по слякоти и обходя лужи, по-ка не догадался зайти под огром-ный навес, где было грязно, но сухо. Наконец он остановился, продол-жая удивленно оглядываться по сторонам, среди прилавков, зава-ленных непривычной для его памя-ти продукцией. Даже при отсутст-вии солнечных лучей, которые на Привозе уже давно не принимали

К генералу, не скрою,
Я б попасть не хотел.

Но лишенная злата,
Что была на войне,
Гимнастерка солдата
Мне б сгодились вполне.

Кем я не был, кем буду,
Если буду потом,
Повзрослев, не забудьте —
Нарисуйте в альбом.

Еще про репку

Виталию Стацинскому

Посадил дедка
Репку,
А где посадил —
Забыл.
У бабки спросил,
И она забыла.
Пошла к внучке,
Внучка — к Жучке,
Жучка — к кошке,
Кошка — в окошко
В дом, за печку,
Узнать у мышки.
А мышка испугалась —
Убежала!

Кручинятся дедка,
Бабка да внучка,
Жучка да кошка —
Где же репка?

А репка на грядке,
А мышка на репке
Смеются!

Вопросы

О чем с утра поет петух,
Гудит пчела,

Виталий АМУРСКИЙ

Из цикла «Детская комната»

ОБ АВТОРЕ

Виталий Амурский родился в Москве в 1944 году. Получил высшее филологическое образование, окончив МОПИ, а позд-нее продолжил учебу в Сорбонне. Во Франции живет с 1973 года. Журналист русской редакции Международного французского радио, автор нескольких книг и многочислен-ных публикаций в периодической печати. Лауреат москов-ского авангардного литературного издания "Футурум арт" за 2005 год в номинации "Поэзия". Член редакционного со-вета одесского альманаха "Дерибасовская — Ришельевская".

Алфавит

А — как эхо в лесу,
Ф — рябина в саду,
Г — разбитый фонарь,
Ш — забор, **Я** — холодный январь,
М — морская волна,
В — былая война, мотылёк,

Кренделёк,
О — колечко, в колодец упавший
цветок...

То он грустен, то весел,
то просто молчит —
Вот бывает какой иногда алфавит.

Природа вещей

Памяти Спартака Калачева

Открытая книга
Подчас
Превращается в птицу

Карандаш,
Воткнутый в землю,
Вырастает в дерево

Цветные карандаши
Рождают
Радугу

Глядя на птиц,
Деревья, радугу
Думаю о тебе

Про козу

Вдали темный лес,
Там сосна до небес.
В небесах звезда,
А под ней изба.

Там коза живет,
Пироги печет.
Пироги печет —
Волка в гости ждет.

И не поздно ждет, и не рано,
Да не слышит, как из чулана,
Где грибы да мед,
Ей сверчок поет:

"Ах, коза, коза,
Ты протри глаза!
Ты глаза протри —
Лучше дверь запири".

Рыбалка

Встретил однажды червяк рыбака
Или — не помню — рыбак червяка.

Было о чем им вдвоем говорить,
Вместе отправились рыбу удить.

Вместе поплыли по тихой реке —
В лодке рыбак и червяк — на крючке.

Чудеса

Михаилу Яснову

Уйдя однажды в лес, опята,
В места, где водятся ребята,
Набрали полное лукошко!
А в это время мышка кошку,
Как щука рыбака, ловила...

.....
И получилась неплоха
В тот день Демьянова уха!

Сивка-Бурка

То овраг, то лес, то горка,
То равнинный путь пылит.
То беспечный смех, то горький,
То лишь цоканье копыт.

То дождя сплошное сито,
То в снегу светлы поля,
Сивка-Бурка, Бурка-Сивка,
Укатала ты меня!

Карусель

Музыкой и светом
Звонкая, как медь,

Карусель под снегом,
Снега круговерть.

Крутятся лошадки
Сквозь метельный круг,
Шапочки и шапки,
Смех, мельканье рук.

Снег и лиц мельканье,
Темь и снова свет,
Праздника дыханье,
Суета сует!

У колодца

(скороговорка)

Смотри на дно —
В тени добро.
Тяни ведро,
Дени Дидро!

Про "если"

Саше и Кирише, внукам

Будь однажды я маской,
То б любил карнавал.
А какой-нибудь сказкой —
То себя б рассказал.

Если конскою гривой
Я б когда-нибудь был,
Проносился б сквозь ливни,
Ветер, степи, ковыль.

Стать медалью героя
Мне бы выпал удел,

участия в обыденном процессе купли-продажи, чем разительно и отличался внешний вид нового обустроенного рынка от прежнего, прошлого столетия, в глазах рябило от разноцветия верхней и нижней одежды, постельного белья, обуви любого фасона и вида, дезодорантов, стиральных порошков и прочих предметов для дома. Ни редиски, ни лука, ни другой зелени не просматривалось. Решив не задавать скачущим продавцам вопросов, он отправился дальше и почти сразу вышел к аккуратным пирамидам из цитрусовых, по соседству с которыми высились плоские ящики с аппетитно смотрящимся урюком, финиками и еще какими-то загадочными, но вкусными на вид фруктами, выращенными на чужой земле.

К состоянию удивления присоединились ощущения разочарования и ностальгии. Первое очень быстро покинуло его — все-таки он смотрел новости, а потому был не так уж и далек от современной жизни, как считали его друзья. Разочарование тоже ушло, когда Карташов наконец-то увидел возжеленную зелень салатных пучков, петрушки, укропа и двухцветные стрелы молодого лука.

Сделав необходимые покупки, он продолжал двигаться к Преображенской, чтобы потом прогуляться по парку Ильича, где одессит знает, как можно выйти к Чумке через узкий проход в стене из желтого ракушняка, добытого два века назад под улицами старой Одессы. Закончилась весенняя зелень, и пошли рыбные ряды с обитателями воды в чешуе, выпотрошенными и без голов, а также высушенными и расквашивающимися на длинных натянутых проволоках. Поглядев на них, а заодно и на продавцов, Карташов захотел немедленно убраться подальше. Он ускорил шаг — и опять попал в царство носильных вещей, обуви и бытовых товаров.

И только сейчас он понял охватившее его здесь чувство ностальгии, то есть тоски по тому, чего у человека нет в определенный момент его жизни. Ему была неприятна не только увиденная картина — засилье наступающих с двух сторон одежды и обуви, — но и перемена звучания этого когда-то сильного городского организма, точно и правильно функционировавшего, а потому тоже внесшего свою лепту в известность и славу Одессы. Нынешний Привоз издавал другие звуки, он почти молчал: не кричал и не ругался, не смеялся и не обменивался новостями. Казалось, он только тихо дышит,

и каждый вдох дается с трудом: не было крестьян, кто своим трудом выращивал зелень, фрукты и овощи, а потому продавал весело и "с походом" — разговорное выражение, совершенно не знакомое молодым одесситам и означающее продажу с небольшим изливом веса — от души.

Ни в мясной корпус, ни в молочный он уже не пошел: побоялся опять увидеть вместо оставшейся в памяти картины прилавки с шубами и шапками, сапогами и босоножками.

Нахмурившись, он быстро шел по парку к проему в стене и плакал внутри себя. Карташов понял, что известный всему миру одесский продуктовый рынок идет к своему концу...

Утром понедельника позвонил директор издательства и предложил новую рукопись. Противного словосочетания "на позавчера" Карташов не услышал, что уже было приятно, — рукопись не срочная, будет время ездить в ботанический сад на трудотерапию. Автор охарактеризован как грамотный человек, но самым главным оставался вопрос о языке. Украинский в Одессе знали немногие, впрочем, как во всей Украине, — шел период его становления. Разговаривали весело и быстро, но на суржике. Все естество Карташова горестно возмущалось, когда с экрана телевизора произносили: "перетворюються в", "мани це нравиться" и тому подобное. Раздражали говоруны, которые "попэраждали" преступление в криминальных хрониках или поломку стиральной машины в надоевшей рекламе: подходил сотрудник милиции к преступлению и предупреждал его задуматься и не высываться, а мастер вяло переругивался с поломкой стирального агрегата, в то время как от них требовалось "запобигаты" и первому, и второй.

Карташов спросил о языке и расстроился. Украинский. Значит, придется не читать, а писать, то есть переводить. Иногда длинные словосочетания. Менять окончания во всем предложении. После такой "читки" рукопись густо краснела — он работал только красной пастой. Прежде чем идти в издательство, Карташов решил съездить к морю. Еще все радовало: купальный сезон только начинался, приезжих не было, загорающие попадались редко — холодное утро требовало теплой одежды, вдоль берега по "дорогам здоровья" почти не ездили машины, ярко светило, но не пекло солнце,

продолжали желтеть в сочной зелени одуванчики, и одурманивающее пахло само море.

Он приехал маршрутным такси на 16-ю станцию Большого Фонтана и спустился к морю по дороге, о которой знает не каждый, — она начинается сразу напротив трамвайной колеи, — внизу повернул налево и быстрым шагом направился в сторону Аркадии, решив подняться в районе 8-й станции.

Карташов шел и вдыхал весенние запахи попеременно с необъяснимым и не написанным на книжных страницах запахом Черного моря. Слева зеленели ярусы крутых склонов, где начинали серебриться дикие оливы, справа громко шелестела вода, пузырясь, пенясь, выкатывая на поверхность и тут же забирая обратно мелкие камушки. Она дразнила покорный серый песок, целовала, укладываясь на него, и тут же всем телом откидывалась назад, а он оставался идеально ровный и влажный и ждал новой ласки, нового прикосновения...

Он дошел до места, где песка не было видно вовсе. Вода уже на полметра верно покрывала его, здесь она преданно любила и злобно упиралась в фундамент невысокого паркета. А в годы его детства до морской кромки было метров десять...

В конце самого длинного мола он увидел одиноко стоящую мужскую фигуру с удочкой. Пройдя еще немного вперед, Карташов сошел на песок и, увязая в смеси влажных песчинок, мелкой гальки, хрупких и длинных ракушек мидий, густо вкрапленных в эту смесь кусочков стекла, тщательно обточенных соленой водой, ступил на мол.

Медленно двигаясь вперед, он прислушивался к звукам, которые издавали идущие чередой невысокие волны, пробираясь к берегу и встречая на своем пути преграду, им не понятную. Выдающаяся вперед грубая твердь разрезала не ожидающие подвоха волны, и те обиженно хлюпали от неожиданности по обе стороны, натываясь на совсем уж непредвиденно выпирающие углы этой тверди и обволакивая их, а заходя в укромные части, так смачно плескали о следующий выступ мола, что Карташов, остановившись где-то на его середине, замер, выбрал один выступ, уставился туда и слушал, слушал, слушал...

Он не заметил, как в десяти метрах от конца мола появилась очень большая волна и стремительно понеслась к преграде, разрезающей бегущих впереди сестер, будучи

уверенной, что уж она-то сомнет эту серую массу, утащит за собой и выбросит наглую на берег.

Карташов громко вскрикнул от неожиданности, когда сотни соленых и сверкающих на солнце капелек со всего размаху врезались в него, высоко взметнувшись ввысь от удара о выступ. Светло-серая куртка моментально намочила и потемнела.

— Ну ты даешь! — восхищенно сказал Карташов морю и не обиделся. Сам виноват. Не зевай и не мечтай, когда весной стоишь одетым далеко от берега, на узкой полосе, имитирующей земную твердь.

Но тут он вспомнил о мужчине с удочкой в конце мола и повернулся лицом к горизонту. Тот сидел на корточках и шарил руками вокруг себя. Карташов быстро прошел вперед.

— Осторожно! Здесь леска! — закричал человек, не оборачиваясь. По голосу Карташов понял, что впереди была женщина. Он замедлил шаг и стал внимательно смотреть под ноги. Но женщина уже поднялась.

— Не ищите. Вот она!

— А что на конце под водой?

— Крючки какие-то. Я не очень разбираюсь. Внук попросил. Он скоро придет.

Женщина стояла, повернувшись к нему лицом, и расстегивала длинную и широкую брезентовую куртку. Резко откинув назад голову, она сбросила капюшон, и Карташов увидел очень густые черные волосы с седыми прядями, закрученные на затылке в большой узел. На висках и над лбом волосы вились крупными колечками и были очень мокрыми. Мокрым было все лицо, ворот темно-зеленого шерстяного свитера и кисти рук. Потертым джинсам воды досталось меньше. Казалось, что они вообще сухие. Брезент куртки выдержал натиск хлынувших на него капель, и по нему судить было не о чем.

— Вон Генка бежит! — обрадованно объявила женщина.

Карташов повернулся к берегу. Прямо на них по молу неслись высокий парень в таком же брезенте.

— Бабуль! Ты жив?

— Жив! Позавтракал?

— Да. Спасибо! — и он приложил губами к ее мокрой щеке.

Карташов почему-то разозлился. А Генка повернулся к нему и вежливо произнес "доброе утро". Карташов так же вежливо ответил.

Приличия были соблюдены, можно уходить. Но он продолжал стоять.

— Я иду завтракать, — сказала женщина. — Если вы проголодались, идемте ко мне, я вас покормлю.

— А я вообще не ел, — неожиданно для себя соврал Карташов и вспомнил оставленную "на потом" невымытую сковороду.

Сегодня на завтрак у него был жареный в сухарях сыр, большой парниковый помидор и кофе с двумя кусочками шоколадного торта. Ну как назло!

Они шли по молу и разговаривали, прошли по песку, асфальту, поднялись по лестнице, потом еще по одной, в одном месте, согнувшись и цепляясь руками за траву и редкие маленькие кустики, взбирались по склону. Куда? Зачем? Он забыл, потому что они разговаривали. Ему было все равно. Они говорили по очереди и одновременно. Потом опять был асфальт, красивый забор, большой двухэтажный дом из красного кирпича со слабым намеком на чешское барокко, просторная светлая кухня, где он что-то беспрерывно ел и пил. Зашел Генка, ушел, появился откуда-то опять, посмотрел на них, ничего не сказал, хмыкнул и исчез где-то в стенах этого теплого и уютного дома.

Потом они сидели у камина, за окнами было темно, в дальнем углу ярко светил старинный торшер с полочкой. Еще в память намертво врезался номер ее телефона.

Он не помнил, как они расстались, но знал точно, что домой его на машине привез Генка, угрюмо молчавший всю дорогу. Карташов очень устал и был этому только рад. У парадной Генка вежливо сказал "до свидания" и уехал.

Дома Карташов вымыл руки и лицо, почистил зубы. И только выйдя из ванной, подумал, что не узнал ее имени, а она — его. Им было некогда, они разговаривали.

Он сел за стол и посмотрел на часы. Пять минут двенадцатого. "Поздно звонить", — успел подумать, и телефон тут же зазвонил. Определитель высветил ее номер. Он схватил трубку.

— Вы дома? Я же просила мне позвонить, сообщить, как добрались. Генки еще нет, я волнуюсь.

— Господи! — сказал он. — Господи! Как вас зовут?

— Светлана, — ответила она. По ее тону он понял, что на другом конце улыбаются.

— Веточка... — произнес он нежно.

В расписной вазочке рядом с телефоном стояла сухая веточка платана. Почек на ней уже не было — три малюсеньких зеленых листика ярко блестели под светом настольной лампы, но Карташов их не видел. Он сидел с закрытыми глазами и слушал, слушал, слушал...

И отчего костер потух —
Тот, что горел вчера?

Когда в реке блестит вода
И месяца рожок,
Сгоняет облака куда
Небесный пастушок?

И лучше ль дождю шуметь
Иль тихо моросить,
Чем нас печалит листьев медь —
Кого спросить?

Большие вещи

Не звонит у меня телефон.
Может быть, простудился он?
Мой будильник стучит:
"тик-так..." —
Как всегда, но... чуть-чуть не так.

Взял я книгу и сел у окна —
Не читается что-то она.
Начал брату писать письмо —
Заскрипело странно перо.

Гвоздь забить захотел в потолок,
Да не слушается молоток.
Не пойму, отчего вокруг
Изменились все вещи вдруг?!

Я остался совсем без дел,
Молча в зеркало поглядел,
А оттуда взглянул на меня
Кто-то грустный — совсем не я!

Значит, зеркало это, друг,
Тоже тронул недуг..
Я врача попросил бы прийти,
Только где мне такого найти?

Чтоб читалась книжка легко
И без скрипа скользило перо,

Чтоб из зеркала на меня
Глянул прежний — веселый — я.

Книге, зеркалу и часам
Чем помочь? Я не знаю сам.
Кто рассеет вопросов дым:
Как помочь мне вещам больным?

Слова

Памяти Генриха Сапгира

Слова высокие
похожи на жирафов,
А низкие подобны черепахам.

А те, что очень высоки, —
парят, как птицы,
От них порою голова кружится.

А очень низкие
ушли в земную твердь,
Нам незачем их слушать и смотреть.

В ресторане "Поплавок"

В ресторане "Поплавок"
Целый день переполох.

Червяков — да поскорей! —
Просят двое пескарей.

А плотве еще быстрее
Подают пескарей!

Ну, а щуки по привычке
Заказали по плотвичке...

Только, выпив пива, раки
Говорят, что это враки.

VII Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе

Клуб "Neue Zeiten" и литературное объединение "Шаг навстречу" предлагают всем желающим участвовать в VII Международном поэтическом турнире в Дюссельдорфе под девизом:

"Нет конца "веселым" переменам..."
Николай Гумилев

Николай Гумилев ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Песнь первая

Свежим ветром снова сердце пьяно,
Тайный голос шепчет: "Всё покины!"
Перед дверью над кустом бурия
Небосклон безоблачен и синь,
В каждой луже запах океана,
В каждом камне веянье пустынь.

Мы с тобою, Муза, быстроноги,
Любим ивы вдоль степной дороги,
Мерный скрип колес и вдалеке
Белый парус на большой реке.
Этот мир, такой святой и строгий,
Что нет места в нем пустой тоске.

Ах, в одном божественном движении,
Косным, нам дано преображение,
В нем и мы — не только отраженье,
В нем живым становится, кто жил...
О пути земные, сетью жил,
Розой вен вас бог расположил!
И струится, и поет по венам
Радостно бушующая кровь.
Нет конца обетам и изменам,
Нет конца веселым переменам,
И отсталых подгоняют вновь
Плетью боли Голод и Любовь...

В конце этого года и в начале следующего пройдут региональные турниры, которые выявят призеров с правом участия в финале турнира в мае 2007 года в Дюссельдорфе.

Список руководителей региональных центров:
1. Северный Рейн — Вестфалия, Дюссельдорф
Раф Айзенштадт — 0211 352240
2. Нижняя Саксония, Ганновер
Григорий Галич — 0511 2123504
3. Гамбург
Леонид Михелев — 040 29891822
4. Берлин
Станислав Львович — 030 6914255
5. Бранденбург, Потсдам
Наталья Горбатюк — 0331 710277
6. Баден-Вюртенберг, Штутгарт
Виктор Старшенко — 0711 8493727
7. Бавария, Мюнхен
Марк Хабинский — 089 7439714
8. Бавария, Нюрнберг
Татьяна Свирская — 0911 5192793
9. Саксония, Дрезден
Андрей Фурсов — 0351 2104885
10. США, Нью-Йорк
Ирина Поволоцкая — 001 7183731730
11. США, Лос-Анджелес
Маина Ерусалимчик — 001 3236540880
12. Израиль, Нешер
Иосиф Вул — 00972 48216297
13. Израиль, Ашдод
Зоя Воеводина — 00972 88675434
14. Австралия, Сидней
Борис Мельников — 0061 293981250
15. Украина, Киев
Алла Потапова — 0038 0445408762
16. Россия, Москва
Любовь Саломон — 007 4954938285
17. Украина, Одесса
Всемирный клуб одесситов — 0038 0487240135

Сайт турнира в интернете: www.turnir-poesie.de

Дорогие друзья, участвуйте в нашем турнире!

Рафаэль АЙЗЕНШТАДТ,
Президент Международного поэтического турнира

Наум ГЕРЖОЙ

Субботняя молитва и дознание

ОТРЫВОК ИЗ ГОТОВЯЩЕЙСЯ КНИГИ «ОДЕССА БЛИЗКАЯ И ДАЛЕКАЯ. ЗАПИСКИ ОДЕССИТА»

Много сочной заграничной русской прессы я читаю, наслаждаясь и дурея; можно выставить еврея из Одессы, но не вытравить Одессу из еврея.

И. Губерман

И было утро, и был день, и настал вечер шестого дня — одной из пятниц 2005 года. Из небольшого модельного зала еврейской общины города Мёнхенгладбаха пригласенно раздавался нестройный хор полутора десятков скрипучих мужских и трех десятков низких женских голосов. С сильным русским акцентом они негромко вторили кантору: "Барух ата адонай мкадеш хашабат — Благославен Ты, Г-сподь, освещающий Субботу!". Низкие осенние черные дождевые тучи стремительно пронеслись над готическими крышами городских домов, беспорядочно кружилась опавшая листва, издавая прелый запах, и изредка раздавался звук капели, падающей на камни тротуара. Кап-кап-кап.

Вторая им, бессистемно пронеслись в моем сознании видения — картинки былого, навеянные происходящим, возникали незванные мысли. Кап-кап-кап.

Вот я, молодой человек, студент-первокурсник Одесского института мукосильной промышленности и элеваторного хозяйства им. И.В. Сталина (в другой мне, еврей, без связей путь был заказан), взбегаю по лестнице на второй этаж и быстро иду по балкону, опоясывающему типичный одесский двор дома, что на углу улиц Свердлова (бывшая Канатная) и Чкалова (бывшая Большая Арнаутская). Дверь коммунальной квартиры, где прожи-

вают мои бабушка и дедушка, распахнута, мне навстречу выходят уходящие от них гости. Мы раскланиваемся, я прохожу в комнату и вижу на столе альбом с семейными фотографиями. На одном из снимков, который заинтересовал меня, запечатлены две сидящие на скамье молодые женщины и стоящая между ними девочка. На ее голове — белая косынка с красным крестом. Бабушка: "Это сестры твоего дедушки, Клара и Дора, которым ты, стало быть, доводишься внучатым племянником, а это — твоя мама, их любимая племянница. Клара — учительница гимназии, подруга сестры Владимира Жаботинского и приятельница его самого. Сестры были сионистками и при первой возможности они вместе с мамой их и твоего дедушки в начале 1920-х годов уехали в Палестину. Дора и мама умерли, Клара вышла замуж за Рубина, архитектора города Хайфы. Переписки с ними у нас давно нет. Она прервалась еще до Великой Отечественной войны".

А вот я старшеклассник. Поздний зимний вечер начала 1950-х годов. Уютно потрескивают дрова в кафельной печи. Мама, возвратившись с работы и приготовив еду, собирает ужин. Папа задерживается почему-то дольше обычного. Наконец приходит. Не переодеваясь, как обычно, в домашнюю одежду, он садится за стол и начинает задавать маме вопросы, получала ли она письма из-за границы и отвечала ли на них; знает ли о запрете на переписку с иностранцами для работающих в штабе округа. Из их взволнованной беседы я узнаю, что мама получила и ответила на письмо из Палестины мужу тети Клары, Рубину, в котором он сообщил, что движимый тревогой за нас и выполняя ее последнюю волю, он с

большим трудом разыскал наш адрес через Красный Крест, чтобы узнать о нашей судьбе и оповестить маму как единственную их наследницу о дарении ей, самой любимой, практически всего их движимого и недвижимого имущества. В его числе: многоквартирный двухэтажный дом и архитектурная мастерская в Хайфе, легковой автомобиль, счет в банке и т. д. и т. п. Он просил маму приехать для юридического оформления дел и, если она пожелает, то с другими членами семьи. Все дела, связанные с оформлением и оплатой этого, г-н Рубин любезно брал на себя. Мама, поблагодарив его за заботу и участие, выразив соболезнование по поводу кончины тети, ответила отказом от любой помощи и подарков, мотивируя это нашим благополучием и достатком как семьи советского офицера, занимающего высокую должность, несмотря на еврейскую национальность. Письмо и копию ответа мама, к сожалению, не сохранила...

Отца пригласили явиться на следующий день, в пятницу, после работы на партийную комиссию для объяснений. В назначенное время он ожидал вызова в приемной. Проходящий мимо него член комиссии полковник С-ко неожиданно произнес, не обращаясь ни к кому, фразу из субботней молитвы: "Шма ישראל злохейну адонай эхад. — Слушай, Израиль, — Г-сподь Б-г наш, Г-сподь один!". "О чем вы?" — с едва скрываемаго удивлением и тревогой спросил отец у полковника, молча исчезнувшего за дверью. "Дела мои плохи, если он, украинец, вдруг заговорил на иврите", — подумал отец. Через некоторое время папу пригласили войти. Его обвинили в сокрытии факта переписки с иностранцами гражданами. Неожиданно из-за стола встал полковник С-ко и, обращаясь к комиссии, предложил: "Раз вы вызвали только Бориса Петровича без жены, а он утверждает, что лично не получал, не читал письма и не отвечал на него, ознакомьте всех с текстом ответного письма Рашель Самуиловны, его жены". Секретарь комиссии, открывая копию письма, подвергнувшись перлюстрации, читает: "Уважаемый г-н Рубин! Выражаю вам глубокое личное соболезнование по поводу безвременной кончины любимой вами и мной жены и тети, дорогой Клары. Мой муж, находящийся сейчас во временной служебной командировке, не может, к сожалению, присоединиться лично к моему соболезнованию и по причине незнания им текста вашего прискорбного письма. Он, офицер Советской Армии, имеет высокий чин и занимает солидную должность, я работаю на хорошо оплачиваемой работе. Нам вернули довоенную квартиру в центре города, мы владеем собственной автомашиной. Сын мой учится в хороших общеобразовательной и музыкальной школах. Спасибо вам за вашу доброту и щедрость, за ваши предложения помочь нам, но мы ни в чем не знаем нужды и не нуждаемся ни в какой помощи...". Полковник С-ко: "Достаточно. Считаю, из текстов письма и проверки неоспоримо следует, что подполковник Гержой не имел к нему ни малейшего отношения...".

На основании выводов партийной комиссии моя мать была уволена из штаба Одесского военного округа с должности вольнонаемной служащей одного из отделов "в связи сокращением штатов"; мой отец, получив строгое партийное взыскание "за недостаточное политическое воспитание жены", переведен из штаба ок-

руга в одну из воинских частей на значительно более низкую должность. Наконец удалось кадровикам избавиться от одного из последних в штабе офицеров-евреев. (При этом комиссия, проведя дознание мало-квалифицированно и формально — словно под чей-то заказ, ничего не выявила ни по сионистской сущности покойной тети моей мамы, ни по ее связи с самим Владимиром (Зеевом) Жаботинским. Ведь именно о возможности вскрытия этих фактов, как я мог предполагать, молча переживали тогда мои родители. Зная их, власти могли бы серьезно поиздеваться над нашей семьей.)

Прошло с тех пор много лет. Мозговым зимним воскресным днем мы с женой возвращались на метро домой из московского еврейского театра "Шалом", в книжном ларьке которого я по случаю приобрел третий выпуск альманаха еврейской культуры "Ковчег" издания 1992 года. На одной из его страниц я обнаружил отрывок из романа В. Жаботинского "Пятеро", посвященного жизни Одессы, который впервые был опубликован на русском языке в Париже. В конце первой страницы романа (в сноске) я прочитал: "Все права сохраняются за З. Жаботинским и К. Рубин". (За кем, за кем?! К.Рубин, но это не по-русски. К. Рубиним, или К. Рубиной? Кто это? Не те ли самые Клара Рубина или ее муж? А может быть, это просто случайное совпадение? Ведь какие только сюрпризы не преподносит нам порой жизнь!)

В этот момент в молельном зале, прерывая поток моих сумбурных воспоминаний и дум о былом, прозвучали завершающие слова вечерней субботней молитвы: "Адонай ли вло ира. — Г-сподь со мной, и не усташусь".

Хорошей субботы, здоровья и благополучия желают друг другу, поднимаясь с мест и пожимая руки, молившиеся.

С пожеланием и вам всего этого, дорогой читатель!

Одесса — Москва — Мёнхенгладбах.

Памяти музыканта и друга

Мировая музыкальная общественность проводила в последний путь выдающегося музыканта, композитора, ученого, пианиста Иосифа Дорфмана, до последних минут щедро отдававшего свои силы Музыке.

Его детство и музыкальная юность прошли в нашем городе. Закончив Одесскую государственную консерваторию им. А.В. Неждановой как пианист (по классу профессоров М.М. Старковой и Э.Д. Коваленко), теоретик и композитор (по классу проф. А.Л. Когана), он работал в Одесской консерватории, читал лекции по истории современной музыки.

Продолжая заниматься фортепианным исполнительским творчеством, он выступил инициатором исполнения цикла "Ludus Tonalis" П. Хиндемита, осуществленный студентами класса профессора Э.Д. Коваленко, повторенный потом многократно в различных городах Украины и Молдавии. Поражала его увлеченность эстетической системой художественных взглядов П. Хиндемита, его музыки, которая в те годы практически не звучала, а также новинками сочинений советских композиторов: С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Г. Свиридова — и французских авторов: Д. Мийо, А. Онеггера — далеко не полный перечень его музыкальных пристрастий, в которых он досконально разбирался как композитор, теоретик и пианист.

Обладая незаурядной художественной интуицией и музыкальным чутьем, он стремился охватить все явления современной музыки, недоступные в те годы, а иногда и не принимаемые официальными кругами. Он был инициатором проведения в Одессе и других городах страны концертов-лекций, посвященных современной музыке, в

которых он принимал участие как музыковед, композитор и исполнитель.

В год смерти П. Хиндемита (1963) в Большом зале консерватории состоялся концерт, посвященный памяти выдающегося немецкого композитора, — тогда это было событие. И. Дорфман открывал тот концерт вступительным словом и исполнил первую сонату Хиндемита. Кроме И. Дорфмана в концерте принимали участие еще только два музыканта: ныне профессор одесской консерватории заслуженный артист Украины К.Э. Мюльберг (соната для кларнета) и профессор Э.Р. Дагилайская (соната № 3 для фортепиано) — больше никто в консерватории эту музыку не играл.

Это были первые шаги в большой мир современной музыки. В 2004 году состоялся международная конференция и концерты, посвященные 110-летию со дня рождения Пауля Хиндемита, организатором и председателем которой стал Иосиф Дорфман. После окончания одесской консерватории И. Дорфман продолжил свое образование в аспирантуре института Гнесиных у профессора Г. Литинского. Но он не терял связи с Одессой, надеясь продолжить начатую здесь до аспирантуры преподавательскую работу в консерватории.

В Тель-Авиве у И. Дорфмана открылось второе творческое дыхание. Он завоевал признание в музыкальных кругах своей неустанной работой и эрудицией. Удостоился избрания на должность ректора Тель-Авивской консерватории.

В начале 90-х годов он стал организатором трех грандиозных фестивалей еврейской классической музыки на территории бывшего Советского Союза — в Литве (1991 г.), в Москве и Одес-

се (1992 г.). Это были фестивали современной еврейской музыки XX века, на которых звучали сочинения С. Барбера, А. Берга, Л. Бернштейна, Э. Блоха, П. Бэн-Хаима, Дж. Гершвина, М. Гнесина, И. Дорфмана, Э. Иззи, А. Копленда, А. Крейна, Г. Малера, Е. Станковича, А. Шенберга, А. Шнитке, Д. Шостаковича.

В Литве прозвучало его монументальное сочинение "Кантелорио" для симфонического оркестра, хора, детского хора, солистов-певцов и двух нараторов (на библейские сюжеты).

На одесском фестивале выступил также отличный фортепианный дуэт в составе: Виктор Фрейдман и Надежда Журавская. Фортепианные сочинения исполняла профессор Одесской консерватории им. А.В. Неждановой (ныне Музыкальной академии) Эвелина Дионисовна Коваленко. Прозвучали: "Клейзмер-баллада" И. Дорфмана, сюита для фортепиано Пауля Бэн-Хаима, соната № 4 С.Е. Фейнберга. Этот фестиваль по грандиозности замысла и по осуществлению задуманного раскрыл широту натуры его организатора — Иосифа Дорфмана.

Мы, его учителя, коллеги и друзья, скорбим об уходе из жизни нашего соотечественника, завоевавшего незаурядным талантом и человеческими качествами многомиллионную аудиторию слушателей на разных континентах, и надеемся, что его сочинения будут продолжать звучать и приносить радость узнавания новой музыки и нового теоретического мышления человека XXI века.

По поручению коллег, друзей, почитателей таланта Иосифа Дорфмана, профессор ОГМА им. А.В. Неждановой, заслуженный работник культуры Украины, кандидат искусствоведения Эльвира ДАГИЛАЙСКАЯ.

Ревнитель просвещения

10 июля 2006 г. исполняется 75 лет Вилли (Велимиру) Александровичу Петрицкому, философу, литератору, библиофилу и библиофилу, доктору философских наук, профессору, действительному члену Академии гуманитарных наук, члену Союза журналистов России с 1959 г.

В.А. Петрицкий — автор более 500 печатных работ, 13 книг. Его работы издавались на английском, болгарском, испанском, литовском, немецком, польском, румынском, финском, французском, чешском и эстонском языках.

Ученый известен как первый и крупнейший в России исследователь творческого наследия мыслителя-гуманиста, лауреата Нобелевской премии мира Альберта Швейцера. Труды Петрицкого нашли отклик в мировом швейцероведении. Известны специальные статьи и работы В.А. Петрицкого по космической и экологической этике, толерантности, теории конфликта. Некоторые из них также издавались за рубежом.

Библиофилам страны знакомы многочисленные публикации Петрицкого в сборнике "Книга. Исследования и материалы", в "Альманахе библиофила", в альманахах "Библиофил", "Библиофилы России", "Невский библиофил", а также подготовленный и изданный

В.А. Петрицким сборник "Книга и время".

Как литератор — прозаик, поэт, публицист — В.А. Петрицкий печатал свои произведения в журналах "Звезда", "Нева", "Аврора", в региональных журналах и сборниках.

Широко известен библиар общественной деятельностью. Он — сопредседатель Организации российских библиофилов, председатель старейшего библиофильского клуба страны — секции книги и графики Петербургского Дома ученых РАН, президент Петербургского общества любителей книги, член правления Общества друзей Российской национальной библиотеки, редакционного совета сборника "Книга. Исследования и материалы", главный редактор альманаха "Невский библиофил".

Научная и общественная деятельность В.А. Петрицкого отмечена Почетной грамотой Президиума Академии наук СССР, медалями "Ревнителя просвещения" Академии российской словесности (Москва), Альберта Швейцера Европейской Академии естественных наук (Ганновер, ФРГ), Ивана Федорова Международного союза книголюбов (Москва), А.Н. Оленина Советского Союза (Санкт-Петербург), присуждением премии им. Е.Р. Дашковой в номинации "Меценат".

Бюро Секции книги и графики С.-Петербургского Дома ученых РАН, Одесские любители книги.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 77-33-705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____. Газета отпечатана в типографии "СІЧ".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.